

Детектив Фантастика

Юрген Байконур

АРХИВ

II

**Четвертый элемент
Зерна**

Архив Смагина

Часть 2 Четвёртый элемент, Зёрна

1

Четвёртый элемент

Начало этой истории Иван, в отличие от всего остального её содержания, довольно долго скрывал. Я не совсем понимаю, почему он так поступил, но, видимо, у него были на то веские основания. Именно по причине этой временной скрытности я долго не мог понять, как он вообще влез в это пренеприятное во всех отношениях дело и главное — как он из него вылез целым и невредимым. И вот недавно, когда я незванным гостем в очередной раз оказался в его уютной квартирке, он без всяких предисловий и лирических отступлений сообщил мне: «Ко мне обратился генерал, тогда всё и началось».

Что началось, я знал. Но вот таинственный генерал выплыл неожиданно и не к месту. Дело в том, что главный герой повествования, его мотивации и формат действий на тот момент были мной бесспорно определены — это Иван, действовавший на свой страх и риск и по собственной инициативе. И тут вдруг какой-то генерал.

Я не являюсь биографом моего приятеля и не могу отслеживать и излагать во всех деталях его героическую судьбу, в том числе и его контакты с таинственными генералами. Таков был примерно смысл реплики, подаренной Ивану в ответ на его признание. И затем я добавил: или следует пояснить, что за таинственная личность претендует на его почётные лавры, или этот щекотливый элемент желательно опустить вообще, словно его и не было.

«Насчёт «элементов» ты здорово подметил, — сказал Иван. — С них генерал и начал...» Это уже было слишком. В моём повествовательном уравнении появилось уже два неизвестных, что вызывало лёгкую головную боль и вполне понятное раздражение. Стало ясно: если его не одёрнуть, он будет выстраивать рассказ в своей, понятной только ему, манере. И я потребовал изложить искомый материал по-солдатски: кто, где, когда и как!

Иван не обиделся и прислушался к моему небезосновательному требованию. Чётко доложил: «Генерал Корнеев Анатолий Викторович. В начале мая. Позвонил мне и предложил встретиться». И затем с вызовом спросил: «Теперь ясно?»

Что я мог ответить? Пришлось немного нагрубить, и в результате устами моего драгоценного приятеля нарисовалась следующая картина.

В первых числах мая — помню, помню, те денёчки многообещающие! — на мобильный Ивана позвонил человек, с которым он раскручивал изрядно нашумевшую историю с загородными автомобильными авариями.

Мерцающая с определённой частотой световая полоса, образуемая рекламными плакатами с замысловатой иллюминацией, негативно влияла на психику водителя, он терял способность управлять машиной... Полного статуса Анатолия Корнеева Иван на тот момент не знал — начальник управления, и всё. Почему бы нет, подумал Иван, и согласился на встречу. Тем более, что звонивший представился генералом со всеми должностными регалиями — и лицо официальное, и звание — не ефрейтор. Место встречи — какой-то фонд по защите чего-то крайне важного, вроде прав граждан, страдающих агорафобией, клаустрофобией и всеми прочими фобиями одновременно. Солидная проходная, охрана — вневедомственная, однако выправка подозрительно бравая.

Хитрый фонд — прикрытие, решил Иван. Ремонт, мебель — так себе, техника — солидная. Сотрудники по легенде — скромные чиновники и поклонники синекуры, но переигрывают: вместо белого лабораторного халата на большинстве из них значительно лучше бы смотрелся халат маскировочный, действия — быстрые, уверенные, коммуникативная реакция — отменная. И главное — при встречах в коридоре настолько чётко, по-военному уступают один другому дорогу, словно на стенах вместо портретов учёных вывешен расписанный крупными буквами табель о рангах, и всегда есть возможность подсмотреть, кто есть кто — не ошибёшься.

Генерал принял в довольно просторном и скромном кабинете на втором этаже, на двери висела пустая табличка (видимо, тоже для конспирации). Иван не стал делиться с генералом результатами своих наблюдений. И это хорошо: в этом случае, я полагаю, их беседа стопроцентно бы состояла из аналитических рассуждений моего друга. Я могу предположить: генерал — человек широких взглядов, но всё же не настолько широких, чтобы, подобно мне, достаточно долго терпеть «поток сознания» моего бывающего порой чрезмерно эксцентричным приятеля.

И дело здесь не в прозорливости Ивана — просто генерал после краткого приветствия начал говорить первым, заваривая при этом, как скоро выяснилось, очень недурственный чай. Отрывать его внимание от этих двух процессов было бы верхом нетактичности, а Иван при всех его недостатках — человек воспитанный, с хорошо развитой интуицией. И ещё у меня есть подозрение, что в ходе раскрутки автомобильного дела генерал имел счастье ознакомиться с особенностями психотипа моего друга и сложил на этот счёт своё мнение, способствовавшее в определённой мере выбору формату разговора.

Начал генерал, как я предполагаю, если не с конца, то с середины. Такой подход Ивану импонирует, так как сам часто ведёт себя в аналогичной манере.

— Ограблены три сейфа, мой уважаемый коллега, — начал генерал, расставив чашки с ароматным чаем. — Имеем три элемента, в гармоничное и понятное уравнение пока не складывающиеся. Старинной работы, надёжные.

— Старинной — значит, не электроника... — вставил Иван.

— Именно так, — кивнул генерал и почему-то при этом загадочно улыбнулся.

Иван немного растерялся и даже смутился: в такой компании ему ну никак не хотелось обсуждать историю с сейфом, принадлежавшим троллю. Корнеев не настаивал и даже не намекал. Иван успокоился, но улыбка его насторожила.

— Старинные, они когда-то были добротные и безопасные, а сейчас это хлам: любой кулибин повозится и откроет, — не удержался Иван.

Генерал доброжелательно пододвинул Ивану сахарницу и продолжил:

— Именно сейфы старого образца отличаются механической изощрённостью. И наши — из таких. Там ещё кодировка сложная, комбинаций — миллионы, а может, миллиарды, мы и считать не стали. С таким запирающим устройством даже теория вероятностей не хочет бороться — нет шансов. Все эти прослушивания, постукивания — это в кино. Об этом мы, кстати, ещё поговорим.

Иван не понял, о чём предстоит ещё поговорить — о прослушиваниях и постукиваниях или о кино. Уточнять не стал — в процессе прояснится. Но предположил:

— И злоумышленник выбрал из всех зол наибольшее — не стал прожигать, резать, взрывать... просто открыл?

— Именно так, — ответил генерал и, скорее всего, ещё раз удостоверился в целесообразности сотрудничества с Иваном.

— И много украли? — спросил Иван.

— Много, гораздо больше, чем можно представить, — ответил генерал.

— И всё непосильным трудом? — съязвил Иван.

— Для пользы дела будем считать, что так, — тяжело вздохнув, предложил Анатолий Викторович и добавил, не скрывая внутренней борьбы: — Предлагаю взять эту установку за основу, дабы не превратить наш поиск в потешную борьбу за справедливость. Есть вещи, обсуждать которые — занятие пустое и неблагодарное. Предлагаю по некоторым позициям просто верить мне на слово, а также не акцентировать внимание на очевидных для обеих сторон фактах.

— Предложение принято, — отчеканил Иван и тут же перешёл в лобовую: — А я вам зачем? Я не опер, не следователь, не юрист и даже не частный детектив. У меня нет опыта организации и проведения оперативно-розыскных мероприятий, у меня нет доступа к вашим картотекам, архивам... Это огромная работа — вряд ли я смогу чем-либо помочь. Специфика не та! Я привык иметь дело с деформированными хозяйственными структурами и заблуждающимися людьми. В нашем случае...

Генерал недослушал и продолжил свою линию:

— Я знаю, с кем и с чем вы привыкли иметь дело. А по поводу «нашего случая» выводы преждевременны.

Генерал отхлебнул чаю, посмотрел на Ивана и спросил:

— Курите?

— Иногда.

— Тот случай?

— Похоже, тот.

Генерал изящным движением извлёк из недр огромного письменного стола пепельницу, поставил ближе к Ивану. Иван закурил. Анатолий Корнеев понял: дальше тянуть кота за хвост нельзя.

— Ладно, — сказал он, — буду краток. Обстоятельства складываются так, что расследование требует конфиденциальности. Эпизодов — три. Рабочих групп — тоже три. Они работали без связки. Имеется кое-какая информация. Состыковывать группы пока нельзя, добытые ими данные — можно и нужно. Дополнительные поручения по направлениям — через координатора. Всё ясно?

— Всё. Почти. Кто координатор?

— Можно было и догадаться.

— Догадался.

— Вот и ладненько, — подытожил генерал и уже обыденно, по—рабочему добавил: — Ваша резиденция — в другом крыле, вход, так сказать, отдельный, проходная общая, люди проинструктированы. Номера телефонов, адрес, визитки — в общем, работаете открыто, никакого пинкертона. Дерзайте! Ко мне можно попасть и через фонд, и с вашего крыла. Если это понадобится. Если очень понадобится.

2

Четвёртый элемент

Иван Смагин, поясняя свой метод работы, как-то сказал: «В отличие от военных, употребляющих слово «эшелон», я использую слово «пласт» — мне так удобнее». Что тут сказать: удобства для себя каждый определяет самостоятельно, понятно, что такое право есть и у моего приятеля.

Что касается сути сказанного, то здесь я вынужден сделать пояснения, чтобы в дальнейшем не возникало вопросов. Если военные, к примеру, говорят или пишут о линии обороны первого, второго и последующих эшелонов, то слушатель или читатель представляет себе последовательность упорядоченного в определённом формате размещения войск и всякого рода укреплений.

Вот и Иван выстраивал своего рода торт-наполеон, состоящий из привязанных к определённому моменту времени коржей, содержащих упорядоченную информацию. Этот пласт представлял собой версию. Она

могла быть однозначно истинной, поверхностной, смешной, неосновательной, сомнительной — любой, но должна быть. На этот пласт накладывается следующий, содержащий в себе новую версию, возможно, противоречащую предыдущей, возможно, существенно от неё отличающуюся, но в любом случае являющуюся её логическим продолжением.

Метод хаотичного нагромождения фактов и появление на этом фоне в нужном месте и в нужное время, как правило, с опозданием, звёздного озарения Иван не принимал. «Это — для гениев, — говорил он, — а я себя таковым не считаю. Да и границу между гениальностью и безумством провести порой довольно трудно. Лучше быть педантом и занудой — не так романтично и броско, зато последовательно и результативно».

Я не берусь судить, насколько мой друг Иван Смагин прав. Возможно, его подход полностью себя оправдывал в делах хозяйственных. Но насколько он будет действенным в истории детективной, я не знал и потому, не скрою, беспокоился и при этом, всё же, надеялся на лучшее.

Наш с Иваном разговор начался в его машине. Он говорил много, с упоением, чрезмерно размахивал руками, предлагал мне для осмотра его новую зажигалку, уверял, что именно с помощью такого агрегата можно с лёгкостью и удобством прикуривать сигары, при этом прекрасно знал, что я не курю. После моего активного вмешательства в процесс разговор продолжился в скверике, на скамеечке в тенёчке. Я старался усвоить весь материал, позволив себе творчески его переработать. Затем следовала обязательная адаптация, цель которой была проста и светла — обнаружение основного содержания наших замысловатых, порой вычурных и даже гротескных бесед.

Пока картина преступлений была набросана жирными мазками.

Приличный особнячок принадлежал господину Х. По официальной легенде — торговец-бизнесмен, по неофициальной — лучше не говорить. Дом оборудован сигнализацией, и, как это часть бывает, оборудован для проформы — во-первых, что б было, во-вторых, что б было не хуже, чем у других. О том, «что б работало», никто не думал. Пару раз сигнализация — надо отметить, простенькая, не режимный объект — срабатывала самопроизвольно. Видно, при монтаже были допущены какие-то ошибки. Дело непривычное — шум, крик, нервы, оформление ложных вызовов, неоднократный приход представителей охранной фирмы... Вскоре чувство опасности, новизны и самоисключительности притупилось, стали её включать раз от разу, а затем и вспоминали о ней редко, как об уже не представлявшей интерес игрушке.

Вот этот момент — с надоевшей игрушкой Иван выделил особо и прокомментировал с несвойственными ему эмоциями.

Ну, любим мы, что б было, как у других, рассуждал он. Не волнует нас, хорошо ли нам, удобно ли нам, поёт ли наша душа и радуется... Похожесть нас притягивает. Такой же галстук, хоть расцветкой не подходит, такая же машина, хоть по назначению не подходит, такое же ружьё, хоть патронов к нему не доищешься... Имитация, словом: вещь вроде есть, но

на самом деле её нет, ибо функции своей изначальной она не соответствует. Так и с сигнализацией: то работает не так, то вообще не работает. Так и с телохранителем, что в слугу превращается, авоськи с покупками тягает — какая тут, к чёрту, безопасность...

Я понял, что сейчас «остапа понесёт», и осторожно вернул разговор в изначальное русло, ловко вставив: «... и когда семья уехала...»

Так вот, переключился Иван, когда семья покинула на время свою крепость, сигнализация была всё-таки включена — вспомнили. Камеры наблюдения в систему безопасности не входили — хозяин личность примечательная, но не выдающаяся. Дети — на учёбе за границей. Супруги отсутствовали неделю. В эти дни за коттеджем присматривал пожилого века мужчина — нечто среднее между дворником и мажордомом. Ключей от дома у него не было, но ранее хозяева иногда их ему доверяли.

Когда хозяева возвратились, ничего в своей обители непривычного или бросающегося в глаза не заметили.

Прибыли они утром. И лишь во второй половине дня господин Х внимательно посмотрел на сейф, ему показалось, что дверца неплотно закрыта. Дёрнул, глянул — пусто. Ни денег, ни роскошных драгоценностей. Были кое-какие ценные бумаги — на месте. Имеются фотоснимки, протокол осмотра. Следов взлома входной двери и сейфа нет. Этот факт Иван подчеркнул особо. Последний вскрыт при помощи кода, знал его только хозяин. Здесь Иван сделал солидную паузу.

В семье никто не курил, возле сейфа обнаружен сигаретный пепел. Время совершения преступления известно — на центральном охранном пульте зафиксировано и выключение, и включение сигнализации с точностью до секунды. Операция заняла 3 минуты 22 секунды. Код домашней сигнализации известен обоим супругам и дворнику-мажордому, по поводу детей — уточняется. Таков первый элемент.

Второй пострадавший — гражданин Y. Аналогичная история. Частный дом, довольно скромный, в сравнении, конечно, с явно нескромными. Хозяин — человек в деловых кругах весьма авторитетный. Дом не охранялся. Супруга пребывала на отдыхе, гражданин Y — весь в делах. Преступление совершено через сутки после ограбления господина X. Факт вскрытия сейфа обнаружен хозяином в районе семнадцати часов. И опять — набран код, известный только владельцу. Украдена большая сумма денег. Осмотр, экспертиза ничего не дали.

И, исходя из терминологии генерала, третий элемент. Через сутки после второго эпизода — квартира в престижном доме. Входная дверь квартиры открыта днём, без взлома, сейф — так же, как и в остальных случаях. Следов нет. Подъезд контролируется камерой наблюдения, диск приобщён к делу. Ущерб — весьма и весьма значителен.

Вот такой получился предварительный «пласт» на момент завершения разговора Ивана с генералом. «Предварительный», как пояснил Иван, потому что представлял он собой набор начальной информации, не поз-

воляющей при всём желании выдвинуть какую-либо версию, за исключением довольно простого и потому зыбкого предположения об активной роли мажордома в первом преступлении.

3

Зёрна

Москва. Кремль.

Во исполнение решения Совнаркома
от 15 марта 1921 года организовать
Управление режимных расследований (УРР).
Руководство управлением поручить
тов. Смагину Андрею Викторовичу.
Архив Смагина.

УРР. Дело 22.12.25. «Зёрна»

Инженер Пелехов Иван Андреевич в этот вечер всё ещё находился под впечатлением от известия о смерти любимого поэта Сергей Есенина. Много говорили, некоторые плакали, вспоминали стихи, помянули, опять плакали, зывали к душе и говорили о сложностях и достижениях социалистического строительства, ещё помянули... И всё же не верилось: не мог такой человек, талантище, вот так просто уйти — был и нет, совсем нет. Тело покойного родственники и власть решили перевезти в Москву, место — скорее всего, Ваганьковское кладбище. Земля ему пухом!

Иван Пелехов вполне осознавал, что был слегка или даже чуть более того пьян. Но взбудораженное сознание, как он про себя отметил уже не в первый раз, было всё же не следствием выпитого. Неожиданные душевные переживания — вот в чём причина. Он иногда скользил, но не падал. Когда он, с вызовом поглядывая на вечерних прохожих, громко шептал: «Вечером синим, вечером лунным...» — накатывала слеза. Он вытирал лицо рукавицей, влажные щёки уступали морозному воздуху и неприятно горели.

В таком состоянии Пелехов Иван Андреевич и столкнулся с видением. Со временем этот случай приобрёл много различных личностных интерпретаций. Настолько много, что разбор этого «вечернего полёта» мог потерять смысл. Лишь после строгого морально-политического внушения со стороны сотрудников УРР, напоминания о высоком звании инженера и научной значимости эффекта первого впечатления удалось воссоздать изначальную, хотелось бы верить, истинную картину увиденного.

Иван Андреевич дружил со словом и знал: подворотня в классическом варианте означает щель между воротами и землёй, и потому фраза «собака гавкает из подворотни» вызывала в его создании простую и понятную деревенскую или окраинную картину. Большинство же неподготовленных городских граждан «видело» в этом случае пса, лающего из

сквозного, тоннельного, часто обрамлённого аркой домового прохода. Вот такая подворотня, днём довольно мрачноватая, а ночью — тем более, украшала привычный путь нашего героя. Тридцатилетний инженер ни здоровьем, ни лихостью в быту не отличавшийся, обычно, проходя здесь, прибавлял шаг — мало ли что, место для ограбления или какой-нибудь хулиганской выходки самое подходящее. И на этот раз он машинально принял немного влево, исходя из того, что, хотя фора для бегства образуется небольшая, обзор подворотни увеличивается, и это позволит вовремя заметить и упредить возможную опасность. Как именно упредить, Иван Андреевич, как и многие живущие в атмосфере технического новаторства и поэтических кружков граждане, представлял себе весьма туманно. Тем не менее, поступил он так.

Инженер идёт по правой стороне улицы, подходит к подворотне, слегка отклоняется от маршрута влево и видит в подворотне... довольно большой костёр. Светло, как днём, и потому прекрасно видны могучие ёлки и серо-голубое небо. А подворотня — не высокая, с полтора человеческого роста! И главное — возле костра сидят на брёвнышке два причудливо одетых человека. Высокие болотные сапоги забыть нельзя. А вот остальное — то ли телогрейки, то ли плотные куртки, перетянутые, как у военных ремнями... Лица? Лиц не видно, так как головы закрыты странными балахонами. И вся эта картина мерцает и смотрится как через запотевшие очки.

Описывая свои впечатления, инженер здорово потрепал нервы слушателям. Особенно трудно было уяснить тезис с «очками». Дело в том, что инженер носил очки, и понятно: на морозе — дыхание, волнение, водочные испарения — они должны были запотеть. Однако Иван Андреевич уверял: «Я знаю, что такое запотевшие очки! Не сбивайте меня! То, что я наблюдал, смотрелось, словно через запотевшие очки. Но это были — не мои очки!» Вот такое свидетельство, вот такая трактовка.

Следует сделать некоторые дополнения и пояснения. Замечательное событие произошло 29 декабря, фигурант сам признался — был выпивши, неоднократно это подчеркнул и пояснил, по какому поводу. Повод понятен. Душа экзальтированного человека для опытного исследователя — не потёмки. Иногда в ней такое может выстроиться причудливое, что приземлённому человеку — ни понять, ни объять. Сотрудников Смагина трудно было причислить к безнадёжно приземлённым. Потому и воспринималось ими многое увиденное и услышанное в ракурсе, отличном от подходов, встречающихся в обычной милицейской или чекистской практике. К тому же видеть невидимое и слушать неслышимое являлось их прямой служебной обязанностью.

Конечно, повальной заблаговременной встречи Нового года тогда не наблюдалось, но отдельные и достаточно яркие случаи своеобразных встречных праздничных обязательств, безусловно, были. И в этих случаях можно было увидеть и не такое — доходило и до белой горячки.

Опрос инженера осуществлялся вечером 2 января 1926 года. То есть, инженер плюс ко всему происшедшему отметил праздник, много ду-

мал, сомневался, решительно рвал со старыми пороками, принимал решение начать жить сначала и... только в этот день, утром, решился поделиться своими впечатлениями. Первоначально он обратился в милицию. Там нашлись, к его счастью, адекватные люди, результат — вечерняя беседа в УРР.

Вообще-то, случай отдавал патологией. И можно было бы перенаправить пациента к докторам и только после их обнадеживающего заключения продолжить беседу, а может, и вовсе не продолжить. Однако имелось обстоятельство, позволяющее проявить по отношению к событию повышенный интерес, и даже требующее его оперативного разбирательства.

Начальник УРР Андрей Викторович Смагин находился в своём кабинете, он смотрел в тёмное окно и пытался рассмотреть картину, закрываемую собственным отражением. В только что приоткрытую форточку острожно пробиралась струйка свежего воздуха. Он ловил её ртом. Смагин плохо видел улицу, подумал: погаси свет, и откроется полная и ясная картина январского вечера.

«Так и в этом деле, — подумал Смагин, — погаси кабинетный свет, отбрось папки, протоколы, прокуренные совещания, мнения вечных скептиков и, отбросив сомнения, предположи: а вдруг так оно и было? Если не было — всё ясно. Но если было?» Он подошёл к стеллажу и взял папку с протоколом допроса. Достал документ. Следовательно, его передавший, уверял: не хотелось эту галиматью и писать... Текст Смагин помнил почти наизусть. Этого было мало. Он вызвал дежурного.

4

Четвёртый элемент

Ивану дали в помощь два юных дарования — Демьяна и Ирину. Вернее не дали, а дал: принимать такие решения мог только генерал. Иван с трудом представлял, какой от них может быть прок, но отказываться от помощи не стал. И вообще — шаг довольно странный: генерал в ходе начальной беседы несколько минут обосновывал необходимость конфиденциальности и вдруг выделил помощников без опыта и вряд ли надёжных достаточным пониманием золотого правила, цитируемого Иваном и к месту, и не к месту: «Воин-радист, будь бдителен вдвойне — враг может быть на твоей волне!» При этом, где он видел этот образец призыва к бдительности, не рассказывал, что позволило мне проявить смелость и предположить: он побывал в архивах СМЕРШа или подробно беседовал с кем-то из ветеранов этой некогда всесильной и эффективной организации.

Я с ужасом представляю, как он налаживал отношения с молодыми сотрудниками. Уж если я, человек, много лет поддерживающий с ним дружеские отношения, готов был порой взорваться от манеры его поведения, то, что же увидели, услышали и при этом почувствовали несчастные Демьян и Ирина, я мог только представить. Хотя, возможно, я преувеличи-

ваю странности поведения Ивана Смагина и, откровенно говоря о его отдельных недостатках, руководствуюсь собственными мелкими обидами и чрезмерным субъективизмом.

Лишь много позже по отдельным высказываниям, отрывочным воспоминаниям я, насколько смог, восстановил драматургию возникновения и развития этого тайного антикриминального союза. И здесь представить общую картину может первый день знакомства.

Встреча состоялась в уже упомянутом фонде, в отдельном крыле, в просторном кабинете, временно выделенном новоявленной группе. Иван не знал, насколько действия его временных сотрудников состыкованы, судя по заявлению генерала — никак, и потому назначил встречи с разрывом пол часа. Первым прибыл Демьян. Выяснилось: он ведёт дело по господину Х.

В кабинете, более напоминающем небольшой учебный класс, стоял бюст Аристотеля, доставшийся «фонду», видимо от какой-то конторы, занимавшей эти пенаты. Иван не представился, не поинтересовался, хотя бы фрагментарно, со служебными достижениями помощника и даже не поинтересовался его точкой зрения на расследуемое ограбление. Он почему-то постучал бюст по теменной части бюста и задумчиво сказал, перепутав имя собеседника:

— Дмитрий, уважаемый коллега, а зачем здесь это?

Демьян не поправил руководителя и обозначил оперативную субординацию:

— Наверное, от предшественников. Мешает? Вынести? Выбросить?

Иван удивился такой быстрой реакции и пустился в исторический экскурс и ценные рассуждения:

— Зачем же выбрасывать? Близость к гению — не помешает. Кстати, когда четырёхлетний Картезий увидел стоящий у отца в кабинете бюст Аристотеля, он проникновенно произнёс: «А-а-а». На этот весомый факт обращают внимание все его биографы.... — и многозначительно замолчал.

— Демьян, — после некоторых раздумий, решившись, поправил молодой коллега.

— Как? — удивился Иван и с удивление посмотрел на бюст. — Разве это не основатель школы перипатетиков? — и добавил, как бы между прочим: — Перипат — это садик такой, хотя, впрочем, есть и другая версия, и не одна... Неужели?..

— Я — Демьян...

— Я знаю, очень рад, — радостно сказал Иван, крепко пожал Демьяну руку, вспомнил о служебной этике и продолжил: — Я — Иван. — Подумал и на полном серьёзе спросил: — С нами — понятно. А это?.. — опять постучал бюст по темечку.

— А это Аристотель, — мягко уточнил Демьян.

— Значит, я прав, — Иван облегчённо вздохнул и с упрёком обратился к Демьяну, добавив в тоне официоза: — А что вы мне тогда голову морочите?

Демьян промолчал. Иван ещё раз прокрутил в голове ситуацию и, видимо посчитав её недостойного анализа, резко сменил тему, заведомо зная, что Демьян вёл направление по господину Х:

— Неужели никаких следов, кроме сигаретного пепла?

— Никаких.

— Экспертиза пепла есть?

— Нет.

— Надо сделать.

— Завтра! — отчеканил Демьян.

— План дома?

— Имеется.

— Фотографии?

Демьян открыл принесённую папку и подал Ивану пакет. Иван сел за стол, жестом предложил собеседнику занять место напротив и довольно быстро просмотрел фотографии.

— Интересно, — пробормотал Иван, — здесь что — и буквы, и цифры?

— Да, — подтвердил Демьян, — четыре буквы, четыре цифры.

— Это ж надо такое придумать, — уважительно сказал Иван. — Им что — делать было нечего?

Демьян не совсем понял реплику и дипломатично промолчал.

— А это что? — спросил Иван, показывая коллеге фотографию?

— Внутренняя часть. Здесь принцип — как автоматической камере хранения. На обратной стороне набран хозяйский код. Набираем его на внешней — и сейф открыт.

— Странное решение, — недоумённо сказал Иван. — Зачем так и усложнять, и упрощать одновременно? — покрутил фото, посмотрел на него с разных сторон и добавил: — Кстати, я ни в сейфах, ни в замках, ни в кодах ни черта не понимаю. Один раз, правда, столкнулся... Получилось — думаю, просто повезло...

Демьян тщательно скрывал на лице выражение безнадёжности.

— Так и было? — вновь заговорил Иван. — Преступник оставил набранный им код? Это — он набрал? — мой друг показал Демьяну фотографию. — А это? — он показал вторую, — хозяйский код, имевшийся на обратной стороне? Я правильно понял?

— Да, именно так, — подтвердил Демьян, отметив про себя сообразительность дилетанта—патрона.

— А зачем он так поступил? — резко спросил Иван.

Демьян недоумённо пожал плечами.

— Что он хотел этим показать? — опять спросил Иван.

— Трудно сказать... — решил всё-таки ответить Демьян. — Дерзость, превосходство, вызов, хвастовство...

— Чем хвастаться, если код ему, как мы видим, был известен?

— Но как?

— Это уже второй вопрос, и здесь есть, над чем задуматься. Но независимо от того, как он его узнал, зачем это показывать?

— Издёвка над болтуном—хозяином? — предположил Демьян.

— А если он не один? — увлёкшись, ляпнул Иван.

— Кто не один? Преступник? — уточнил Демьян.

— Преступник, преступник, кто ж ещё, — исправил свою оплошность Иван, отметив про себя: действительно, группы не состыкованы. Отложил фотографии и спросил:

— Дворника допросили?

— Он пропал.

— Пропал или вы его не можете найти?

— Не можем найти.

— Значит, ещё не пропал, — подытожил Иван. — А кто он вообще этот мажордом, откуда взялся? Как правило, таких людей без рекомендаций не принимают... Кто рекомендовал?..

— Уточняем.

— Уточняйте.

На этом разговор был закончен. Сказать, что Демьян был удивлён, значит, ничего не сказать. Но он уже научился не задавать глупых вопросов и не делать поспешных выводов: задание получено — надо выполнять, думать — это потом, когда падут на погоны генеральские звёзды. Хотя и по поводу этой перспективы у него в душе шевелилось сомнение.

Когда вошла Ирина мой друг слегка выпал в осадок, сражённый её миловидностью. Иван к юбочникам не относился, но непроизвольно начал раскланиваться, расшаркиваться, затем поздоровался с сотрудницей за руку, представился Иваном Смагиным, и, ощутив тепло её ладони, на мгновение забыл, зачем он вообще находится в этой непонятной конторе. Это экзальтированное состояние длилось недолго, однако ирония во

взгляде Ирины зародилась и крепла с каждой секундой. Иван понял: надо что-то делать, спасти положение. Но как?

— Вы курите? — очень оригинально начал разговор Иван.

— Нет, бросила, — не менее оригинально ответила Ирина.

— Понимаю, здесь не поощряется... Но, пожалуй, я закурю, — не скрывая неловкости сказал Иван, приоткрыл форточку, достал сигареты, зажигалку, закурил.

Ирина подошла к шкафу, открыла нижние створки, слегка нагнувшись так, что лучше бы она не нагибалась, достала пепельницу, поставила на стол. Иван благодарно кивнул, затаился и решил: не всё так страшно, я не первая и не последняя жертва чертовской миловидности. Сделал ещё пару затяжек, затушил сигарету, помахал рукой, разгоняя дым. Прошла ещё пара секунд, и Иван превратился в самую серьёзность. Ирина наблюдала с интересом.

Здесь я вынужден сделать небольшое отступление. Не могу сказать, что поведение Ивана представлялось мне уж очень странным — это неправда. Мне приходилось встречать такие экземпляры, перед которыми блекли даже комедийные персонажи. Только у тех экземпляров, кроме экзотики в манере вести себя, как правило, за душой не было больше ничего, именно ничего — пустота, фанфаронство, внешняя атрибутика и всё равно — ничего. Понятно: Иван к таким не относился. И уж если я обращал внимание и иногда испытывал некоторую неловкость, связанную с особенностями его характера, то по другой причине. Я не мог гармонично соединить в своём сознании его обычную, порой броскую, несобранность и его же умение сиюминутно концентрироваться и проявлять чудеса хладнокровия, бесспорной логики и иногда даже жёсткости.

Как-то я поделился такого рода мыслями с Глебом, который в последнее время изменился так, что его и узнать было трудно. Он работал сутками напролёт, дал от ворот поворот зелёному змию, что-то там могучее и многостраничное творил, Машка прыгала вокруг, давала кучу советов, на которые он не обращал внимания... В общем, процесс шёл. Я видел: они подходят один другому, они взаимно дополняют друг друга.

Глеб выслушал меня и на мой вопрос, что он думает по этому поводу, ответил: «Много думать вредно — голова заболит. Он такой — какой есть! Он умеет быть всяким, это его естественное состояние. Это редкое явление — в нём живут два человека: один из них человек войны, другой — мира, и оба уживаются, и неплохо. Я Ивана давно знаю, он таким и до контузии был...» На этом я свои психологические поползновения прекратил и сделал мимоходом два вывода. Первый — в туманном прошлом моего друга присутствует контузия, о которой я ничего не знал. Второй — эта, скажем так, неприятность не сказалась на характере Ивана, он был таким, если не всегда, то достаточно долго.

— Вы закончили изучение дела? — спросил Иван, прекрасно понимая, что дело только начинается.

Ирина стёрла с лица иронию, ответила:

— Заканчиваю.

— Хорошо. Фотографии? Экспертиза?

— Фотографии здесь — Ирина протянула Ивану такой же пакет, как совсем недавно предложил его вниманию Демьян. — Экспертиза ничего не дала.

— Вообще ничего?

— Ничего. Ни одного следа, ни одной зацепки. Дом и сейф открыты без взлома.

Иван вытащил фотографии, посмотрел, бросил удивлённый взгляд на Ирину, затем на фотографии...

— Вы ничего не перепутали? — спросил он недоумённо.

Ирина не поняла, в её глазах высветился вопрос.

— Нет, нет, это я о своём, что здесь путать, — тихо сказал Иван, перебирая фотографии. — Свидетели? Свидетельства какие-нибудь косвенные или прямые есть?

— Ничего.

— Вы верите, что такое вообще возможно? — спросил Иван.

— Раньше не верила, а сейчас... — неуверенно начала Ирина.

— И сейчас не верьте. И в будущем — тоже! — прервал её Иван, встал, подошёл к окну, внимательно посмотрел одну фотографию и продолжил: — То есть, он набрал известный ему хозяйский код — вот и все дела. Его же оставил на наборных дисках — на радость хозяевам...

— Именно так, — подтвердила Ирина.

— Что-то здесь не вяжется. Нагло как-то, наверняка...

— Возможно, — дипломатично вставила Ирина.

Ивану очень хотелось проинформировать Ирину о первом ограблении, но он не мог. Она бы поняла его удивление: второе ограбление по своему формату полностью соответствовало первому. И это ещё не всё. Когда он посмотрел на фотографии, сразу подумал: девочка перепутала и принесла ему фотографии Демьяна... Но она ничего не перепутала: и в первом, и во втором случае фигурировали одинаковые по устройству и внешнему виду сейфы.

Иван очень скомкано, на грани некорректности распрощался с Ириной, поручив ей досконально изучить окружение господина У и возможные источники исходившей от этого окружения опасности. Он спешил. Ему крайне захотелось ознакомиться с третьим элементом — делом господина Z. Документы предстояло изучить самостоятельно, действовать по этому направлению — тоже. Сотрудник, ведущий третий сейф, по словам генерала, был срочно направлен в ответственную командировку.

Зёрна

Сеулин Михаил Афанасьевич.

Год рождения 1898.

Сотрудник управления
режимных исследований.

Служит в отделе со дня основания.

Архив Смагина.

УРР. Дело 22.12.25. «Зёрна»

Михаил Сеулин прибыл по вызову дежурного. Смагин сидел за столом, поприветствовал его кивком головы и указал на место напротив. Хотя времени для раздумья было достаточно, Смагин так и не определился, с чего начать. Михаил — человек не новый, спецификой управления уже проникся, но вот так на рывок начинать не следовало.

Погоняло Свирского Андрея Сергеевича, восемнадцати лет от роду, из беспризорников, полностью совпадало с его родом занятий и философией жизни: в привычной среде его величали Гопой.

Смагин не был специалистом по блатному жаргону. В гимназии этому не учили, а в Институте красной профессуры, куда он был направлен руководством и успешно закончил без отрыва от работы в составе первого выпуска с год назад, тем более. Но даже поверхностные познания в этой области могли бы позволить ему не согласиться с родившейся через много лет версией о прямой связи сущности уличного гопника с обитателями ещё недавно петроградского, а теперь уже ленинградского городского общежития пролетариата.

Общего, конечно, в поведении этих двух непростых категорий граждан было немало. Но справедливости ради следовало бы учесть, что совпадения в аббревиатурах — довольно скользкий путь для построения однозначных версий. Смагин неважно знал Петроград. Он там был недолго, да и та пара месяцев были полностью отданы поимке банды Пантелеева. Но этого времени хватило, чтобы уяснить: то самое общежитие на Лиговской, лучшие постояльцы которого щеголяли в красных носках и полублатном прикиде, ранее называлось государственное общество призрения — тот же ГОП. Но и этого мало. Местные сыщики старой школы, получившие свой первый опыт в московском уголовном сыске, объясняли всё проще: старое слово «гоп» означает удар, рывок. Вот такому объяснению и соответствовал дурной и дерзкий уличный грабитель Свирский. Он-то и был задержан милицией 22 декабря прошлого года при довольно забавных, на первый взгляд, обстоятельствах.

Означенный гражданин в почти раздетом виде, в состоянии крайне возбуждённом, с расширенными от ужаса глазами бежал по вечерней зимней улице, явно стараясь куда-нибудь спрятаться. Наряд его задержал.

Нарушитель сопротивления не оказывал, называл стражей порядка «миленькие мои» и уверял задерживающих, что за ним гонится медведь. Милиционеры видели и не такое. На всякий случай связали болезного и доставили в отделение. Подозрительный гражданин не грубил, не сквернословил, осторожно пытался заглянуть за шкаф, под стол, испуганно оглядывался на дверь и уговаривал милиционеров держать оружие наготове.

История эта была не так уж нелепа. Милиция, ГПУ, уголовный розыск серьёзно занимались миллионами беспризорных, количество которых за несколько лет было сведено к сотням тысяч. И наряду со многими другими проблемами, в этом сложном процессе была одна, решение которой рассматривалось как не терпящее отлагательств. Заключалась она в том, что огромное количество детей, подростков и юношей основательно подсели на марафет. Массовое употребление наркотиков превращало обделённых бытовых и семейным уютом детей в жестоких беспредельных и непредсказуемых преступников. Плюс к этому беспризорная среда образовала гигантский рынок сбыта кокаина.

Поэтому в силу вышеуказанной причины поведение Свирского не рассматривалось как исключительное: кому — голос с неба, кому — ожившие покойники, а кому — медведь. Потому попавший, как решили милиционеры, в плен наркотического опьянения и вытекающих отсюда галлюцинаций Свирский был передан медикам. И можно было бы эту историю забыть. Однако был здесь один момент, заставивший Смагина обратить внимание на зафиксированный милицией инцидент.

— Как дома? Как Маша? — спросил Смагин, знавший о жёсткой простуде Марии Сикорских, теперь уже жены Миши Сеулина.

— Терпимо, боремся, — так охарактеризовал ситуацию Сеулин.

Начальник управления порылся в столе и протянул Сеулину пачку таблеток. «Всё—таки нашёл», — сказал он. Сеулин признательно кивнул, положил лекарство в карман и выразил надежду, что теперь дело пойдёт на поправку.

Смагин вкратце проинформировал Сеулина о случае с инженером, поклонником Есенина, и затем перешёл к «медведю». Если следовать содержанию письменного и устного милицейского доклада, Гопа прохлаждался с приятелями, фактически — подельниками «на хазе» — слегка обустроенном подвальном помещении, состоявшем из двух комнат. Одна — большая, с немалой натяжкой её можно назвать столовой. Вторая — поменьше, нечто вроде чулана, где был собран всякий хлам, там же хранился небольшой запас еды — на всякий пожарный.

Что выпивали, Гопа признал, о кокаине — ни слова. Приятели Гопы отлучились по каким-то неотложным делам, и он остался один. В углу большой комнаты за старым шкафом, где находился вход во вторую комнатушку, вдруг стало светло, словно сразу зажглось несколько электролампочек, вместо стены выросли большие деревья, похожие на сосны, и прямо на пребывающего в гордом одиночестве уркагана вышел огромный медведь.

Гопа не протирал глаза и даже не пытался запустить в страшилище бутылкой, тарелкой или на худой конец ложкой. Он не вспомнил о лежащей в кармане остро отточенной финке. Гроза подворотен, сидевший на стуле, замер на мгновение и затем, оттолкнувшись от него буквально каждой точкой определённой части тела, буквально взлетел в воздух, там же в воздухе развернулся, слегка коснулся ногами пола и молнией вылетел на улицу. Глотнул морозного воздуха, оглянулся, осознав, что косолапый преследователь отстал, издал победный клич: «О-па! Гопу — не возьмишь!» — и бросился бежать, не оглядываясь. Он мчался по вечерней улице с завидной скоростью, поскальзывался, падал, быстро вставал и продолжал бег, при этом кричал, рыдал и видел в каждом встречном потенциального спасителя, в том числе и в задержавших его милиционерах. Привод в отделение Гопа принял с благодарностью и, отбросив блатной гонор долго не задумываясь, сдал и адрес, и подельников.

Такая реакция на подвальное видение понятна и удивления не вызвала. Сеулин привёл в качестве примера случай, происшедший с его знакомым, приглашённым на лесную прогулку. Компания забрела в дикий малинник. Не обошлось без царапин и порванной острыми шипами одежды. Эти неприятности были в полной мере компенсированы богатым сбором ягод и возможностью отведать малины от пуза прямо на месте. И вот там рассказчик столкнулся нос к носу с огромным медведем, известным своим пристрастием к сладкому. Медведь не рычал, не ревел, он просто молча, слегка удивлённо посмотрел на незваного гостя. Приятель-однopolчанин, прошедший такое, что гражданскому человеку трудно увидеть даже в кошмарном сне, встретился взглядом с желтоватыми глазами медведя, машинально отметил размер его когтей и... думать перестал вообще. Он не помнил, как оказался в километре от малинника, где его разыскивали пребывавшие в неведении участники прогулки.

Примечателен в этой истории со счастливым концом следующий факт: бежал он молча и, настолько ловко лавировал среди цепких кустов и деревьев, что его бегство никто не услышал. Красноармеец, выросший в городе, неоднократно познавший на войне истинный страх, впервые ощутил на себе, что есть ступор и полный провал в памяти.

Однако внимание Смагина привлекли не особенности реакции организма на стрессовую ситуацию. Он обратил внимание на тот факт, что и в видении инженера, и в случае со Свирским фигурировали большие деревья. Иван Пелехов назвал их ёлками, Гопа — соснами. Эти соображения он изложил Сеулину.

Михаил спросил разрешения приготовить чаю, сходил за кипятком, заварил стакан себе — Смагин отказался. Пауза получилась приличная — было время обдумать.

— Есть у меня предчувствие, — сказал Смагин, — наше это дело, наше. Разные места, разные люди. Если злоупотреблять, — он постучал указательным пальцем по пустому стакану, стоящему на столе, — всякое может быть. Но это — не тот случай. Картинки яркие и похожие.

Сеулин бросил на начальника удивлённый взгляд, отхлебнул из стакана.

— Имею в виду деревья, — продолжил Смагин. — Беру на себя смелость предположить: вряд ли кто-то из них, из наших фигурантов, мог бы назвать отличительные признаки этих деревьев или практически отличить ёлку от сосны. Скорее всего, речь идёт об образе крупных пихтовых, при определении которых большинство городских жителей ботаническим педантизмом не страдают.

Сеулин прикинул и согласился: он и сам с детства с завидным и нелогичным упрямством любую сосну называл ёлкой. Человеку, дружившему с лесом, такая вольная трактовка показалась бы очевидно нелепой.

— С деревьями — да, что-то в этом есть, — согласился Сеулин. — Но само виденье? Его природа?

— Это нам и предстоит выяснить — чтобы предчувствие нас или покинуло напрочь, или превратилось в рабочую версию. Или осталось не оправдавшимся предчувствием.

Он потрогал принесённый Сеулиным чайник — остыл. Михаил встал, Смагин остановил его рукой.

— Надо срочно найти этого гопника. Инженера — на контроль. Ну, и, сам понимаешь — доскональный осмотр мест происшествия. Мест! Обоих. До ниточки с иголочкой, до пылинки, до соринки.

6

Четвёртый элемент

Думаю, читателю не надо прилагать много усилий, дабы представить себе городскую свалку. Зрелище, понятно, нелицеприятное, запахи — не гастрономические. Среди мусора бродят сытые и гордые вороны. Их более шустрые, настроенные на активный поиск собратья парят над хранилищем отбросов человеческих в надежде найти что-нибудь эксклюзивное. Кружится пыль, шевелятся бумажные отходы. Среди мусора лежит помятая газета. Ветерок приподнимает её, отрывает от земли и несёт ввысь. Там, где только что лежала газета — труп. Он виден с головы по грудь, остальное небрежно присыпано всяким барахлом.

Улетающую газету, а затем то, что было спрятано под ней, видит уставший с утра бомж, мужчина неопределённого возраста, специфической харизматической наружности с толстой кривой палкой в руке. На свалке он чувствует себя уверенно, однако труп его не воодушевляет. Он тяжело дышит, что-то бормочет и осторожно подходит к покойнику. Сквозь прерывистое дыхание пробивается: «Надо же, угораздило... А может, подфартило... Так никогда и не знаешь: с вечера — тост, а утром — погост...» Он подходит к покойнику, осторожно зацепляет палкой одежду и слегка оттягивает синюю спортивную куртку...

Таким был пролог истории, разыгравшейся в «лагере для беженцев». Речь идёт не о политических и тем более не о военных изгоях.

Обитатели крайне замысловатого в архитектурном смысле бивуака были беженцами судьбы — так определяла свой статус их наиболее просвещённая часть.

Три строения, состоящие из брезента, кусков яркой ткани, обрывков одеял, картонных ящиков, оконного стекла и прочего замысловатого материала. Большой очаг с кострищем, опорами и котлом приличных размеров, группа малых строений и приспособлений непонятного предназначения. Несколько внешне похожих обитателей обоего пола, хаотично снующих туда-сюда и потому не поддающихся счёту.

Местный участковый инспектор и Демьян поначалу время от времени слегка зажимали носы, подчёркивая своё отрицательное отношение к здешней атмосфере, но довольно быстро привыкли, смирились и почувствовали себя уверенней. Участковый держал в руке полиэтиленовый пакет, где ясно просматривался какой-то блестящий предмет. Взгляд его, как и Демьяна, был строг. И смотрели они с укоризной и строгостью на героя пролога по имени Леха. Леха не имел армейской подготовки, но стоял по стойке «смирно». Ему было страшно, стыдно и вообще он был не согласен с началом и развитием событий сегодняшнего дня.

— Ты что — даже день не можешь вспомнить? — продолжил разбор полётов участковый.

— Не могу, начальник. Старался — не могу.

— Сколько времени прошло — день, два, три, неделя? Ты что — совсем? — попытался разнообразить опрос полицейский.

— Не знаю. Может, дня два-три... Дел-то много, всего не упомнишь. У меня все дни — как вчерашний...

— Может, тебе помочь? — строго спросил участковый.

— Не, начальник, здесь даже помощь не поможет. Это — прострация мозга... — задумчиво, подчёркивая свою озабоченность обсуждаемым вопросом, ответил Леха, не видя радужных перспектив в продолжении разговора.

На то и лагерь беженцев судьбы, чтобы она, судьба, хотя бы изредка являлась в позитивном образе. На этот раз образом стала решительно подошедшая женщина. Она энергично вытирала руки тряпкой, напоминаящей полотенце, возможно, тем самым подчёркивая свои лидерские предпочтения в этом лагере. Доброжелательно, уверенно она внесла струю надежды в разговор:

— Просрация у него, товарищ командир. Жмурика он нашёл седьмого числа, утром. А восьмого у меня день рождения, пока помню. День-жат срубил, падла, слухалку эту... — она показала «полотенцем» на пакет, где лежал стетоскоп, подумала и сформулировала: — Неразумно изъяс. И всё спрятал. А орлы наши, — помощница гордо обвела взглядом территорию и обитателей лагеря, — нашли, чухало ему начистили, деньги — в коммуны, а слухалку ему оставили — пусть мозги лечит...

Леха виновато развёл руками и благодарно указал своим собеседникам на свою коллегу: мол, видите, теперь всё ясно... Но ясно было не всё. Вмешался Демьян:

— Сигареты у него были?

Леха задумался: где ж здесь подвох.

— Сигареты? Что — не понятно? — продублировал участковый.

— А-а-а, так ещё и сигареты... — присоединилась женщина и дорисовала для полноты восприятия информации картину: — Товарищ командир, он у нас новенький. Не коммунар ещё — кандидат. Не знает, что мы с властью дружим и за покой наш власти нашей очень даже благодарны.

Участковый скривился. Леха понял, что молчать нельзя.

— Так и было. А слухалку оставили, — сказал он сокрушённо.

— Сигареты? — грозно спросил Демьян.

— Была пачка, мятая, початая...

— Где они?

— Понятно, где...

И опять судьба. Решительная предводительница на несколько секунд зашла в строение, представляющее, надо полагать, жилую часть, и вышла, победно демонстрируя зажатые в ладонь две сигареты.

— Они? — строго спросила Леху, раскрыв ладонь.

Леха внимательно осмотрел сигареты и утвердительно кивнул.

— Сюда, — сказал участковый и вытащил из кармана ещё один пакет.

Курево переключалось в полиэтиленовую ёмкость.

Леха признавал право сильного на не всегда справедливое распределение материальных благ. Но это был форменный грабёж. Демьян прочитал на его лице эти скорбные, отдающие потаённым якобинством мысли и протянул предводительнице пятьдесят рублей в виде компенсации.

— Всё правильно — солдат ребёнка не обидит, — такова была её реакция.

Демьян про себя отметил: и всё же хорошо быть богатым и справедливым. Затем спросил активную даму:

— Два дня прошло — почему не сразу?

— Он же, падла, не сказал, где взял. Только вчера после обеда и проболтался...

— Ну, а вчера... Почему не сообщили? — вмешался участковый.

— Информация должна отлежаться, — твёрдо заявила предводительница.

Аргумент был весомым, Демьян и участковый оставили его без возражений.

— Скоро приедут, — Демьян посмотрел на часы.

— Надо показать! — обратился к скучающему Лехе участковый.

— Что показать? — заволновался Леха.

— То показать! — уточнил полицейский.

— Боязно. Времени сколько прошло... Жара. И птицы эти адские...

— Какие птицы? — уточнил Демьян.

— Адские. Есть райские. И есть, стало быть, адские. Так вот у нас — адские! — внёс ясность Леха.

7

Четвёртый элемент

Когда Иван при встрече подробно рассказывал мне о своих первых впечатлениях от знакомства с материалами, я, не будучи провидцем, предугадал результат изучения им дела по ограблению господина Z. Уж так всё складывалось — прямо—таки по законам книжного детективного жанра, что третий сейф просто не мог не быть аналогичным первым двум. И я оказался прав, чем заслужил возвышенную похвалу из уст доброго приятеля. Он также уточнил для полной ясности: господин Z — это одинокая женщина, что ни сути преступления, ни хода расследования не меняло. А в целом — ничего нового: квартира и сейф вскрыты неизвестным злоумышленником без взлома. На входной двери имеются отпечатки пальцев, их происхождение и принадлежность предстояло установить. В картине полной безысходности присутствовал светлый момент: имелась запись камеры наблюдения, где были зафиксированы посетители подъезда.

Я помнил рассуждения Ивана по поводу склонности нашего славянского брата к имитации и уже был готов к очередному потоку сознания. Именно так и произошло.

«В этом доме — вообще цирк!» — так начал Иван. Домик приличный, жители всякие — и из новых, и из старых. В каждом подъезде дежурная комнатка. В ней дислоцируется дворник. Утром он мусор убирает, днём выполняет функции секьюрити. Функции эти ему, понятно, до лампочки, но иногда «к кому?» интересуется, если на месте, не на территории — и на том спасибо.

О подъездах. Летом днём они не закрыты. А вот ночью в тёплое время и, понятно, круглые сутки зимой, попасть в них можно, набрав известный всем обитателям подъезда код. Если «всем» то — и родственникам, друзьям, знакомым и так далее. Вот вам ещё пример имитации,

подчеркнул Иван. Я попытался возразить слегка: мол, всё же имеет место сдерживающий фактор... «Для кого сдерживающий?» — хмыкнул Иван и продолжил свой рассказ.

Те жители, которые «новые», прикупили быстро машинки. Только вот беда — ставить их некуда. Скинулись, оборудовали себе площадочку посреди двора. Старые поскулили — отстали. Вроде, вопрос с машинами решился. Но вот какая-то сволочь, скорее всего, малолетняя из якобинцев, повадилась пакостить: то краской обольёт, то гвоздём поцарапает добро, трудом праведным нажитое. Хотели частные собственники, в большинстве своём не очкастые, наладить дежурство. Но, кто же из них самый неравный среди почти равных, так и не выяснили, график дежурств не удался, проект не сработал, в общем.

Тогда и решили оборудовать доморощенную стоянку скрытым наблюдением.

Ну, одна камера — как-то несолидно. Поставили две. Мало! Раз такая компания развернулась, нужен масштаб. Планов было громадье. Однако когда до денег дошло, фантазия поостыла. Судили-рядили-торговались, жребий тянули... Решили: две камеры на стоянку, и по одной на каждый подъезд.

Технический вопрос утрясли. Но опять заковыка. А кто эти камеры будет контролировать? Поставили в дежурные комнаты по бэушному компьютеру, где гипотетические представители секьюрити, они же не всегда трезвые дворники, они же консьержи, могли время от времени наблюдать входящих и выходящих граждан. «Могли» не значит наблюдали. На эти же компьютеры завели камеры со стоянки, куда время от времени, особенно ночью, должен был бросать свой строгий взгляд универсальный сотрудник таким странным образом сформированной службы безопасности.

Понятно, что никто наблюдением не занимался, но записи сохранялись, что даже позволило выявить бытового нарушителя, выбросившего пакет с мусором возле подъезда... И главное — сам факт наличия камер и многочисленных разговоров о них позволил охранить машины от хулиганских выходов.

Я заметил про себя, что Иван даже устал от этого монолога, но был настойчив в своём желании контролировать ход расследования. Иван заключил: подъезд — проходной двор, но никому не нужные записи оказались в нашем конкретном случае полезными. Что удивительно — качество неплохое, из чего можно сделать смелый вывод о том, что технический прогресс наше отсталое сознание существенно опережает. Я спорить не стал. Иван подчеркнул: вся эта бредовая безопасность, обеспечиваемая на таком уровне, является хорошим примером социальной имитации, — и перешёл к другим эпизодам.

Господина Х долго пришлось уговаривать посетить морг — нервишки шалили. Согласился, осмотрел, опознал — на свалке был найден убитый мажордом. Факт подтвердили другие привлечённые. Причина смерти — разрыв шейных позвонков и колотая рана в сердце. Если придерживаться формализма, то речь в данном случае должна идти от двух причин

смерти, ибо и первая, и вторая травмы одинаково смертельны, уточнил Иван и при этом добавил, как бы между прочим: «Зачем же так хвастливо демонстрировать мокрушное умение? Добрый — лицо дворника сохранил... А вот жара...» Беседовали мы у него дома, кроме нас никого не было, и получилось так, что вопрос и реплика должны быть адресованы мне. Ответа я не нашёл и посчитал высказывание риторическим.

Демьян, рассказал Иван, собрал информацию по покойнику и ничего примечательного и явно связанного с расследуемым делом не нашёл. Иван Фёдорович Косолапов был человеком мирным, тихим выпивохой — только после работы и в меру. В мелких и тем более крупных кражах или других злоупотреблениях — а трудился он в домах не бедных — никогда замечен не был, исполнитель, аккуратен. Такая характеристика позволяла ему кочевать от одного хозяина к другому и обеспечивать себе таким образом вполне сносное существование.

Демьян довольно быстро отработал промежуточную версию: мог ли Косолапов торговать информацией? На роль дерзкого исполнителя он явно не подходил, но, имея серьёзного подельника, теоретически мог вести двойную игру. Однако заслуживал внимания следующий факт. Близкое окружение Косолапова — такие же не совсем состоявшиеся относительно общепринятого жизненного формата господа — отметило: за пару недель до гибели у Ивана появились деньжата, и немало. Можно было предположить: он мог способствовать проникновению злоумышленника в дом и последующему ограблению.

Стетоскоп, лежавший в кармане убитого, Иван назвал вопиющим бредом и пояснил этот ёмкий тезис. Даже поверхностное знакомство с биографией убитого со всей ясностью говорило: он не обладал ни познаниями, ни технической или воровской квалификацией, достаточными для открытия сейфа такой сложности. Заключение Ивана — «дешёвый фетишизм, граничащий с маниакальностью, полностью исключаящий уважение к сыщику».

Чёрно-белое, плавающее, слегка смазанное изображение — не лучший формат для идентификации. Но иного довольно простенькая подъездная камера дать и не могла. Нечёткая картинка «весила» немного, и просмотр диска с «лёгким» наполнением занял немало времени. Пришлось привлечь дежурную-дворника, несколько обитателей подъезда.

В день совершения ограбления, кроме жителей, в подъезд входили три незнакомца. Одного удалось быстро установить — сантехник по вызову, два пока зависли.

Экспертиза показала несоответствие пепла, обнаруженного возле сейфа господина Х, сигаретам, вытащенным из кармана покойника бомжем Лехой. Демьян доложил об этом факте без особого энтузиазма, так как в его глазах горизонт закрытия дела неожиданно быстро и приятно приблизился, и вдруг — такой облом. Ивана это обстоятельство тоже смутило — схемка рушилась. Комментировать неудачу он не стал, только припомнил слова уважаемого им Эрнеста Хемингуэя: «Легко пишется — плохо читается...»

Таковыми были информационные итоги нашей довольно продолжительной встречи. Он также отвлекался на рассуждения об экономике «падающего листа», сути налога на добавленную стоимость и особенностях метания дротиков и ножей. То есть, наша встреча было насыщенной, разнообразной и полезной для укрепления нервной системы.

Отмечу, что Иван поделился со мной не только некоторыми деталями расследования. Иногда он замолкал и пристально смотрел в окно, словно там могла нарисоваться своевременная и важная подсказка. Раз я даже проследил за его взглядом — лёгкая облачность на серо-голубом фоне ничего мне не продиктовала. Это — мне. А вот Иван после очередной такой паузы сказал, обращаясь более к облакам, чем ко мне: «Я представляю, как преступник открывает сейф с сигаретой в зубах, затем идёт с этой же сигаретой по квартире, выходит на улицу...» Я был удивлён таким переходом, Иван это заметил и весомо пояснил: «Куда делся окурок?» Я про себя развил эту мысль и тоже не смог представить злодея, орудующего сложными воровскими инструментами, прислушивающегося к каждому шороху на улице и нервно жующего сигаретный фильтр.

Я понял, к чему клонит Иван, и надеялся на детальное изложение сомнения. Однако он завершил свой спич философским предположением. «Сдаётся мне, друг мой, — он уже обращался ко мне, — выплывет у нас ещё один трупик...»

8

Зёрна

Арсентьев Сергей Викторович.

Год рождения 1895.

Сотрудник управления
режимных исследований.

Служит в отделе с 1923 года.

Архив Смагина.

УРР. Дело 22.12.25. «Зёрна»

Главврач Седых, несмотря на многочисленные разговоры о неизбежной профессиональной деформации, старался, как и в первые годы своей работы, с пониманием относиться к психическим. Среди них попадались люди с серьёзными отклонениями, лёгкими расстройствами, временными закидонами и просто симулянты. Все они по-своему были интересны как в смысле лечения, так и в смысле изучения и выработки лечебных и оценочных методик на будущее.

Казалось бы, богатый материал должны были дать мировая и гражданская войны. И действительно дали, но не сразу — потоки больных не хлынули с фронтов. Но вот прошло несколько лет, и страшные трагедии

недавнего прошлого дали о себе знать — процент больных вырос. Пациенты — люди сравнительно молодые, со сложным, в основном боевым, прошлым, преимущественно мужчины. И что особо примечательно — много тихих, лечению практически не поддающихся. Сознание не смогло заглушить впечатления и воспоминания, фантазия не смогла нарисовать сказку или большую значимую задачу, способные вытеснить негатив из памяти. Кровавое, жестокое, бескомпромиссное прошлое отоспалось в уголках сознания и во весь голос заявило о себе.

Это была первая волна. Вторая — наркоманы.

Свирский, восемнадцатилетний представитель второй волны, особого интереса не вызвал. Появление медведя в подвальном помещении, это только цветочки, ягодки ещё впереди, пояснил ему доктор. Однако пациент стоял на своём — с марафетом знаком, но большее уважение испытывал к самогону — хорошие проверенные точки имеются. Был выпивши, да, но не настолько, что б такой кошмар привиделся. Парень не врал, не выкручивался, вёл себя нетипично в сравнении с другими юными уркаганами — похоже действительно был напуган. И под кровать, в тёмные углы и окна посматривал с неподдельной опаской.

Молодой организм, сносное питание и успокоительное сделали своё дело. Больной отъелся, выпался, порозовел и, судя по всему, уже намеревался податься в бега — обычный конец в такого рода историях. Но не успел.

Посетившие больницу товарищи из органов вели себя сдержанно, но твёрдо. Такое поведение сразу избавляет от иллюзий — Гопа повиновался беспрекословно, хотя в душе горько пожалел, что затянул реализацию плана побега — расслабился, да и солидные дозы лекарств притормозили обычно быструю реакцию на изменчивые условия жизни.

Гопа боялся милиции, к чекистам же относился сложно — и страшно, и интересно, и вопрос мучает: что же им от меня нужно? Был положительный момент — Арсентьев доставил Гопу в управление в автомобиле. На этом позитив закончился, и пошла обычная канитель, быстро перешедшая в необычную. Когда пришлось рассказывать историю с медведем во всех подробностях в третий раз, Гопа не на шутку занервничал: неясность пугает больше всего. Он понимал: повода для его длительного задержания нет, но организация серьёзная, и здесь могут сделать всё, что угодно, и без всякого повода. Поэтому старался проявлять терпение.

Особую усидчивость он проявил, когда ему показали для сравнения большую толстую книгу с крупными ботаническими иллюстрациями. Он долго всматривался в чёткие детальные рисунки и, как ему показалось, безошибочно указал на дерево, ставшее фоном к появившемуся из-за шкафа медведю. Затем наступила и его, медведя, очередь. Здесь было проще, и из всех предложенных опасных животных он однозначно выбрал одного.

Смагин сидел в сторонке, молчал. Арсентьев парня не торопил, деловито делал пометки, вопросами не давил. Был, правда, момент, когда

Гопа решил малость понтонуться. Арсентьев посмотрел ему в глаза, и парень понял, что глубина этих глаз, принадлежащих недавнему красному командиру, не сулит ему ничего хорошего. Гопа сделал правильные выводы, и далее беседа протекала в мирной деловой атмосфере.

Пару раз Арсентьев выходил из кабинета, при этом забирал с собой атласы и книги, что Гопа было совершенно не понятно — это ж не протокол допроса или многостраничное уголовное дело. Через несколько минут Арсентьев возвращался, укладывал литературу на стол. Смагин тоже несколько раз покидал кабинет. За окном, кстати, без решётки, падал редкий снег, ветер его замысловато закручивал и лепил узорами к стеклу. И Гопа начал понимать, что на улице сейчас не жарко, но лучше, чем здесь, и в подвале родном, хоть и страшно, но уже не так: ну, привиделось — жизнь-то то свободная на этом не заканчивается?.. Гопу одного не оставляли, но угощали папиросами, поили чаем, и он пугался ещё больше.

Арсентьев набросал схему событий и был приятно удивлён: подворотня и подвал располагались почти рядом. Он соединил две точки прямой линией, разделил её пополам, поставил в эту точку циркуль, увеличил радиус произвольно — в полтора раза и обозначил круг. «Надо посмотреть, послушать, понюхать, — подумал он. — Кто сказал, что эпизодов два? Мы имеем дело с информацией, поступившей к нам случайно или с чужой подачи. Мы ничего не знаем о других свидетельствах и наблюдениях — забытых, скрытых по различным причинам, не оценённых как необычные».

А в соседнем кабинете шла аналогичная работа с инженером. Смагин не удивился, увидев его указательный палец на том же рисунке дерева, который только что указал Свирский. По ходу дела было сделано ещё одно небольшое, не значимое, но интересное открытие. Пелехов Иван Андреевич, именовавший себя инженером, по большому счету таковым не являлся. Он закончит три курса физико-технического училища, что само по себе было, конечно, не мало, но права называться инженером не давало. Но полученная, бесспорно мощная, учебная база давала возможность освоить практически любую техническую специализацию.

Пелехов выбрал полиграфическое оборудование, без труда его досконально изучил и подрабатывал в нескольких типографиях, где его с нетерпением ждали, радостно встречали и как незаменимого работника баловали, как могли. Новая экономическая политика желала прогрессировать, а двигатель прогресса — реклама нуждалась в разнообразии и высоком качестве типографского исполнения. И вот это разнообразие и качество могло обеспечить только хорошо отлаженное типографское оборудование, особенно если дело касалось цветной печати.

С задачами своими Иван Андреевич успешно справлялся, и в тех перлах, что украшали рекламные страницы и щиты того времени была и его заслуга. «РЕЗИНОТРЕСТ: защитник в дождь и слякоть — без галош Европе сидеть и плакать», «С нами остаются от старого мира только папиросы ИРА» — это только отдельные образцы рекламного творчества тех лет, и они бы, возможно, не смогли появиться без участия в этом сложном процессе самоучки-полиграфиста.

Два эпизода, как и предполагалось, оказались частями одного целого. Но пока это целое представляло собой большое белое пятно на большой белой карте.

9

Четвёртый элемент

Скорость воспроизведения можно увеличивать, уменьшать, изображение тоже подвергается существенной регулировке. Но качество, не смотря на все эти ухищрения, остаётся паршивым. В день и в приблизительное время преступления подъезд госпожи Z посетили два неопознанных гражданина. Иван вглядывался в экран монитора, и в его трепещущей душе зарождалась надежда, что личность одного из них вот-вот перестанет быть тайной. У него на столе лежали фотографии убитого мажордома. Он поочерёдно смотрел то на них, то на остановленную запись и всеми силами стремился заставить себя не выдавать желаемое за действительное. Похож? Да. Но уверенности — никакой. Небрежно одетый раздолбай, похожий на покойного мажордома, уверенно и легко входит в подъезд.

Иван позвонил мне. Я приехал. Он показал мне фотографии, ткнул указательным пальцем в экран и с нескрываемой надеждой спросил: «Ну? Похож?» Я ответил в аналогичной манере: «Ну, похож...» Иван чертыхнулся и извиняющимся тоном прокомментировал: «Согласен: мы его одетым не видели... — подумал и добавил: — Живым — тоже не видели. Надо приглашать или хозяев или кого-то из окружения».

Я не мог не согласиться. И опять был возмущён недосказанностью: я не знал, кто на фотографиях, и лишь догадался по понятным признакам, что моему вниманию предоставлены посмертные фотографии мажордома. Естественно, я об этом откровенно высказался.

Иван никак не отреагировал на моё негодование и без особого энтузиазма сообщил: «Это он, покойник наш». Задумчиво помешал ложечкой в стакане, куда, по-моему, забыл положить сахар и добавил: «Во всяком случае — похож. В таких деликатных вопросах лучше избегать неподтверждённой однозначности».

Не хотелось бы впадать в правовой либерализм и связанную с ним ущербную философию, суть которой выражается приблизительно так: все мы отличные пацаны, только вот полиция, а также врачи, учителя, водопроводчики, вредители-чиновники, работают из рук вон плохо, занимаются очковтирательством, мошенничеством, подтасовками и так далее, в общем — редиски. Полагаю, что если бы результаты «нашего», труда были бы для широких слоёв населения также очевидны и болезненно ощутимы, как действия упомянутых категорий, то мы стали бы более требовательны, в первую очередь, к себе, а затем уже ко всем остальным. Но это — лирическое отступление.

Тем не менее, не беря на себя роль всезнающего прокурора, считаю допустимым сделать одну ремарку. Выстраивая очередной «пласт», Иван вполне мог бы безоговорочно признать, что на записи — убитый мажордом

и тем самым положить начало более-менее логичной цепочке расследования. Однако его задача заключалась не в построении удобоваримой версии происшедшего. Он стремился к другому — воссоздать фактическую картину преступления и, главное, найти реального преступника. «Удобная версия и правдивая версия — это не одно и то же!» — так примерно он выразил свою позицию, подумал, отхлебнул чаю и добавил: «Но когда они совпадают — душа поёт!»

Я с трудом себе представляю пение души при расследовании убийств, ограблений и прочих неприятных жизненных казусов, но, видимо, у Ивана имеется на этот счёт своё мнение.

Также я запомнил сомнение, явно прозвучавшее в оценках Ивана при кратком обсуждении записи камеры наблюдения, и постарался возвратить его внимание к этому важному эпизоду. Иван замялся, закурил, первый раз за всё время нашего общения, и пообещал: «Непременно. Как только — так сразу. Не готов я пока. Пригласим людей — пусть выскажутся. Машка нужна...»

Чего-чего, но упоминания в такой логической связке о художнице, мною, кстати, давно не виденной, но по-прежнему весьма и весьма уважаемой и где-то по-братски обожаемой, я никак не ожидал и решил не настаивать — всему своё время. Я хорошо помнил историю «Тролля» и чувствовал: скучно не будет.

10

Четвёртый элемент

Антикварным магазином занимался Демьян, которого Иван вынужденно ввёл в некоторое заблуждение, так как действовал запрет на объединение «групп», чему, по глубокому убеждению Ивана, пора было положить большой-большой конец. Иван намекнул, что сейфов три — одна партия, но интересуется именно приобретённый господином Х. Добавил: для полноты информации желательно поинтересоваться всем комплектом. Заверил: об ограблении директор вряд ли что-либо знает. Хотя и не был уверен на все сто, что дело обстоит именно так.

Магазин располагался в уютном подвальчике, вход в который, к искреннему изумлению Демьяна, был оснащён мини-эскалатором. «Такая новация сама по себе привлекает, — подумал Демьян, — да и людям в возрасте — респект и уважение». И оказался прав: навстречу ему с помощью с помощью узкой движущейся ленты поднимался плюгавый бомжеватого вида мужичок с прекрасными и недешёвыми часами на левой руке, которые тот выставил, словно на показ. «Оригинал! — подумал Демьян. — Неужели все увлекающиеся антиквариатом люди немного с прибабахом?»

Славился магазин тем, что время от времени радовал истинных любителей старины и примазавшихся к ним действительно заслуживающими внимание предметами. Ткацкий станок восемнадцатого века — довольно сложный и поражающий совершенством исполнения деталей. Булатная

сабля с впечатляющей инкрустацией. Справедливости ради надо отметить: натуральные драгоценные камни были изъяты, уж теперь трудно сказать, каким поколением экспроприаторов, и заменены на добротные подделки, что от покупателя не скрывалось. Допотопный арифмометр, датируемый шестнадцатым веком, во что было нелегко поверить. Сложный прибор, напоминающий астролябию, действие которого, не имея специальной подготовки, понять трудновато. Фронтальной набор «катюша». Словом, было, чем поживиться.

Потенциального покупателя, наряду с разнообразием ассортимента, притягивал в этот неброский магазинчик тот факт, что многие эти раритеты пребывали во вполне рабочем и даже свеженьком состоянии.

Директор магазина Антон Маркович Зайд, давший все эти разъяснения и комментарии, — пот пятьдесят, подтянут, подвижен, с явной претензией на показную молодость. Он откровенно и с некоторым апломбом заявил: «Работоспособный товар, особенно в части механики, — мой, вернее, моего магазина конёк». И добавил при этом: «Я не намерен тратить время на дискуссии о первозданности того или иного изделия, так как покупатель — не историк, покупателя и его гостей, — последнее слово он повышенным тоном подчеркнул, — больше интересует рабочая диковинка, забавная редкостная вещица, которой ни у кого другого нет».

«Ёмкое признание, — подумал Демьян, — только никто вам, уважаемый Антон Маркович, дискуссию не навязывает. Возможно, вам её навязывают другие господа — знатоки и поклонники старины, и вы даже от этого устали, но я здесь не причём».

Однако спросил он, по возможности дипломатично, о другом:

— Вот этот ваш принцип, торговое кредо — о «рабочих диковинках» не нарушает, так сказать, связь времён? Антиквариат остаётся антиквариатом?

— Намёк понятен, — ничуть не обидевшись, ответил директор. — В классическом, идеальном, так сказать, смысле нарушает. Некоторые истлевшие под гнётом веков детали мы меняем. Да, меняем, стараясь при этом сохранить изначальный внешний вид и, по возможности, используемый материал. «По возможности» — по той простой причине, что некоторые материалы и рецептура их изготовления или приготовления канули в Лету.

Директор вёл себя спокойно, демонстрировал любовь и к своему торговому заведению, и к избранному направлению бизнеса, что даже вызвало определённую симпатию.

— Изменения, вносимые нами, незначительны, в рамках объективной необходимости. И главное, — Антон Маркович сделал многозначительную паузу и прибавил звук, словно старался, чтобы его речь в этой части наверняка попала в предполагаемую запись, — в сопроводительных документах мы даём не только исчерпывающую пользовательскую инструкцию, но и указываем перечень восстановленных деталей, — хитро

улыбнулся, обозначил глазом действие, похожее на подмигивание и добавил: — А делиться или не делиться с кем-либо подробностями приобретения антикварного изделия — это уже на усмотрение покупателя.

В качестве примера директор показал типовой набор документов, вручаемых покупателю. Выглядело внушительно. Заметив понимание в глазах Демьяна, Антон Маркович задал почти риторический вопрос:

— Как вы полагаете, в исторических музеях, образцах старинной архитектуры... всё гладко с соответствиями, так сказать, времён?

— Думаю, не гладко, — ответил Демьян, отнеся вопрос к нериторическим.

— Вот и я так думаю, — продолжил директор. — Даже не думаю, а знаю наверняка. Так что у нас с этим делом порядок.

Демьян не совсем понял, что значило «с этим делом», но не стал утруждать себя раздумьями, предположив, что директор опасается обвинения в исторических фальсификациях. Он уже хотел перейти к основной части визита и интересующим его вопросам, но Антон Маркович не угомонился.

— Вот, к примеру, сабля булатная, что мы осматривали. Я вас, как и любого покупателя, сразу предупредил: камни поддельные. Но красота? А булат? И поиск средневековых металлургов! Такую вещь иметь дома! Завистливые взгляды друзей! А вот «катюша»... Ну, нет сейчас такого фитиля. Мы закладываем свой — качественный, но похожий. А кремь и кресало — металлическая пластина такая, ну, вы видели? — настоящие. Набор, доложу вам, редкий. И представляете, достаёте вы сигару, высекаете огонь, фитиль загорается... Прелесть! Все смотрят, завидуют, медленно выпадают в осадок!

Демьян не стал оспаривать прелесть прикуривания сигары от сталинградской зажигалки и аккуратно перешёл к сейфам.

Можно было предположить, что все те мелкие и не мелкие ремонты и реставрации, о которых шла речь в начале разговора, кто-то выполнял. Директор не разочаровал: действительно, есть такой человек, мастер на все руки, «наш левша» и так далее. А потом запнулся, и на лице его выразилось крайнее удивление. Он объяснил: вдруг осознал, что не знает ни имени, ни фамилии мастера.

— Как не знаете? Вы же общались как-то... Расчёты производили...

— Ну, общаться не сложно — величали его Реставратор, вот и всё общение. А вот насчёт расчетов... Ей богу, не помню... Нет, помнить-то и нечего. Не знал и не знаю! Странно, сам удивляюсь, только сейчас осознал... Почему никогда не задумался...

Похоже, что на этот раз директор задумался. Не об имени — о расчётах. Понятно: наличка, она и есть наличка. Но ведь иногда можно и даже нужно официально оплатить.

Демьян не стал уходить в сторону налоговых дебрей. Ему нужны были сейфы.

Антон Маркович не скрыл облегчения — подводный камень, может, и временно, но миновал. И нарисовал, вроде, вполне понятную картину.

Сейфы были приобретены у частных лиц — вполне привычная легальная сделка. Вид — не ахти. Вот тут и был приглашён реставратор.

— Как? — спросил Демьян.

— Что как? — несколько опешил директор.

— Приглашён как? Телефон, посыльный?

— По телефону, конечно. Вот у меня и номерок...

Листочек с номерком переключался в карман Демьяна.

— Что значит «не ахти»? — задал второй не совсем корректный вопрос Демьян.

— В смысле? — занервничал директор.

— Вы сказали сейфы — не ахти, состояние, как я понимаю, неважное...

— А-а, кто ж вещь добротную, ухоженную продаст... За дёшево. — Похоже, директор умилился наивности представителя закона. — Побитые, потёртые, без бирок... У них у каждого — такая судьба!.. Погрузки, разгрузки, переезды, возможно, пожары и даже бомбёжки. Человек, ежели ему годков сто пятьдесят-сто шестьдесят, бывает бодрым?

Демьян не высказал свою точку зрения, ибо такой возраст ему представлялся слишком гипотетичным.

— Вот он их и привёл в порядок, подмарафетил, — продолжил Антон Маркович. — И задача в данном случае, я бы сказал, упрощалась. Дело в том, что сейфы те — братья—близнецы, что ли. Одной фирмой изготовлены, в одно время... приблизительно. Внешне — не отличишь, после реставрации, конечно. Потому и восстановил он их — бирки, товарный знак, фирменные прикрасы всякие и прочее — по одному заказу. Заказ один, но в трёх экземплярах — так проще, мороки меньше, ну, дешевле, естественно.

— Он, реставратор этот, привёл их в первоначальный вид или, так сказать, творчески обновил? — спросил Демьян.

— Со мной можно прямо, — мягко ответил директор. — Он придавал им первоначальный вид, именно — первоначальный... Вещь солидная — покупатель достойный. Опять же архивы есть, каталоги... Здесь играть нельзя. И смысла нет. Я, пожалуй, поясню...

И пояснил. Старые сейфы, старые замки, занятные шкатулки — это новая волна дорогих увлечений. И захлестнула она не только профессионалов. Втесалось в их ряды много любителей-снобов. И первые, и вторые

иногда пересекаются, поэтому явных вольностей торговля себе не позволяет. Уважающая покупателя торговля, многозначительно подчеркнул Антон Маркович. Кому нужны неприятности?

Охота за шильдиками, редкими бирками, продолжил познавательную лекцию общительный директор, приобрела серьёзный размах, и иногда эти, на взгляд неосведомлённого человека, мелочи по своей значимости становятся весомей базового изделия. Сейфы, в частности, попали к нам в основном из Германии, и не только в период репараций. Дружили мы с немцами тесно до войны. Но дружба кончилась, а сейфы остались. Потому и предметы особой гордости коллекционеров оказались сбитыми, спиленными — за пользование немецкой вещью можно было поплатиться и карьерой, и свободой.

В данном случае повезло — почти вся «знаки отличия» на месте, но кое-что подправить, откосметировать имело смысл. Что и было сделано. Вещи от этого только выиграли...

Магазин, надо полагать, тоже не проиграл, подумал Демьян. Антон Маркович словно прочёл его мысли и как бы продолжил: «А кто ж будет себе в убыток торговать? Заработали прилично! Кстати, все документы имеются...»

— А замки? — спросил Демьян.

— Замки? Боже упаси. Примечательно, что все сейфы были исправны, замки — как часы. Реставратор наш кругами ходил, языком щёлкал... Но замки не трогал.

— Может, вы просто не знаете? Такой мастер и удержался? Слабо верится, что не полазил.

— Ну, во-первых, он человек слова. Во-вторых, без необходимости в замок мастер не полезет, а такой необходимости не было. В-третьих, даже если бы он захотел полазить в замках, времени у него не было: заказ шёл как срочный, времени только было на шильдики, да косметику. А в четвёртых, для того, чтобы сейфами основательно позаниматься, их в мастерскую или лабораторию надо доставить — были такие случаи. А их никто не трогал. Сейф — не спичечная коробка. Заказ он дома или, где уж, не знаю, отработал, да пару часов с товаром в подсобке повозился. Есть у него волшебный чемоданчик, он так и говорил: «Всё моё ношу с собой». Вот он с этим чемоданчиком пришёл, погудел, пожужжал, кислотой экологию подпортил, маслом пол запачкал... и был таков.

Иван внимательно выслушал доклад Демьяна. Вопросов почти не задавал, испытывая перед парнем явную неловкость в связи с тем, что не мог полностью раскрыть перед ним все карты. Демьян не учёл или, скорее, не понял намёки Ивана и принёс копии документов только по сейфу Х. Этого было мало. Но как иначе могло быть — при таком дурдоме? Самому надо было идти...

Вот и выплыл реставратор, подумал Иван.

— Номер... Звонили? — спросил Иван.

Демьян смутился и неуверенно ответил:

— Да. Не отвечает.

— Не отвечает? Или... — быстро переспросил Иван.

— Нет связи. Отключён или потерян... — ответил Демьян.

— Или выброшен... — добавил Иван.

С трудом верится, что директор вообще не знал его данных, подумал Иван. Это настолько нелепо, что похоже на правду. Есть такие умельцы — молчаливые, незаметные, никому, вроде, не интересные. Делают своё дело — и никаких вопросов. Если директор здесь как-то замешан и реставратор — ложный след, то это очень грубый и неуклюжий след: можно было бы и что-нибудь позанимательней придумать. Но ведь и стетоскоп и взломщик с сигаретой в зубах — тоже не образцы мудрости...

Необходимо выяснить, как пострадавшие вышли на магазин и, в частности, на злополучные сейфы. Реставратора — искать, искать и искать! Пусть добивает Демьян.

11

Зёрна

В это трудно поверить, но знаменательное событие, всколыхнувшее всю научную общественность, не на шутку взволновавшее и позвавшее в мир сложнейших гипотез и фантастических умопостроений мятущиеся умы, нагнавшее страху на тысячи и тысячи людей, подумавших, что пришёл «конец мира», было на много лет вычеркнуто из людской памяти.

Газета «Сибирь» от 2 июля 1908 г., выходящая в Иркутске, разместила следующую информацию:

"17-го июня утром у нас наблюдалось какое-то необычное явление природы. В селении Н.Карелинском (вёрст 200 от Киренска к северу) крестьяне увидали на северо-западе, довольно высоко над горизонтом, какое-то чрезвычайно сильно (нельзя было смотреть) светящееся белым, голубоватым светом тело, двигавшееся в течение 10 минут сверху вниз. Тело представлялось в виде «трубы», т.е. цилиндрическим. Небо было безоблачно, только невысоко над горизонтом, в той же стороне, в которой наблюдалось светящееся тело, было заметно маленькое тёмное облачко. Было жарко, сухо. Приблизившись к земле (лесу), блестящее тело как бы расплылось, на месте же его образовался громадный клуб чёрного дыма и послышался чрезвычайно сильный стук (не гром), как бы от больших падавших камней или пушечной пальбы. Все постройки дрожали. В то же время из облачка стало вырываться пламя неопределённой формы.

Все жители селения в паническом страхе сбежались на улицы, бабы плакали, все думали, что приходит конец мира".

Прошло всего 2 года, и на оборотной стороне листка отрывного календаря от июня 1910 г. была напечатана следующая заметка: «В половине июня (по старому стилю) 1908 г. в г. Канске около 8 часов утра, в нескольких саженьях от полотна железной дороги, близ разъезда Филимонова, не доезжая одиннадцати вёрст до Канска, по рассказам, упал огромный метеорит. Падение его сопровождалось страшным гулом и оглушительным ударом, который будто бы был слышен на расстоянии более 40 вёрст. Пассажиры подходившего во время падения метеорита к разъезду поезда были поражены необычным гулом; поезд был остановлен машинистом, и публика хлынула к месту падения далёкого странника. Но осмотреть ей метеорит ближе не удалось, т.к. он был раскалён».

Читатель тогда более, чем в наше противоречивое время, доверял печатному слову. И можно только представить, какие смелые идеи и предположения рождались тогда относительно упавшего небесного тела. И возможно, этот поток попыток научного осмысления и романтического восприятия столь громкого события мог вылиться в массовое изучение проблемы и рождение ярких однозначных выводов. Но время было неспокойное, место удивительного происшествия — далёкая, суровая Сибирь... О катастрофе на время просто забыли. Изредка появлялись отрывочные упоминания о сибирской, тунгусской, филимоновской (называли — кому как нравится) катастрофе, но никакого движения в сторону изучения тайны они не пробуждали.

И только в 1921 году один человек, как это ни банально, посмотрел на листок отрывного календаря и прочёл сообщение о наблюдавшемся в Енисейской губернии полёте большого болида. И могла бы эта заметка остаться не замеченной, но попала она на глаза учёному, увлечённому поиском метеоритов, геофизику Л. А. Кулику. И привела эта «встреча» к тому, что в этом же году к месту предполагаемого падения небесного тела, в Восточную Сибирь, была предпринята экспедиция.

Найти гигантский метеорит — задача достойная и заманчивая. Были изысканы средства, подобрались добровольцы — учёные-энтузиасты, романтики, искатели приключений, которых объединяло горячее желание познать одну из главных тайн начала века.

Экспедиция прихватила и следующий год, отчёт о её работе опубликовал журнал «Мироведение». Его поначалу пролистал, а затем внимательно прочитал Смагин. Статья делала упор на падение гигантского небесного тела. Ни само тело, ни его детали не были найдены. Однако учёные в основном по косвенным данным определили район его падения — река Катанга, так её называли эвенки, или Подкаменная тунгуска.

Смагин отметил: материала для однозначных выводов мало. А что касается вопроса, непосредственно его интересующего, то состав экспедиции в журнальной статье не приводился, и потому интересующую его персоналию найти в отчёте не удалось. Ответ на запрос в Минералогический музей Академии наук и другие, имеющие отношение к организации экспедиции инстанции, мог готовиться многими днями и даже неделями. Арсентьеву было поручено разобраться за день, максимум два.

А вызван был интерес к метеоритной проблеме довольно непростым обстоятельством. В деле появился ещё один очевидец, и даже участник, чрезвычайного происшествия, рассказ которого был по стать двум предыдущим свидетельствам.

Сокольникова Мария Ивановна, москвичка, проживающая в зоне поиска, обозначенной Арсентьевым, познакомила сотрудников УРР со странной и поначалу вызвавшей недоверие историей. Её племянник, с которым она виделась в последние годы довольно редко, если верить её словам, как раз и был участником той сложной и довольно рискованной экспедиции.

Мария Ивановна, женщина в годах, безграмотная, рассказывала сбивчиво, неуверенно, путалась в датах, названиях учреждений. Многое пришлось уточнять и додумывать.

Смагин сознательно переставил хронологию её свидетельства, не меняя фактажа, чтобы облегчить восприятие рассказанного.

Племянник заходил к ней по возвращении их экспедиции, рассказывал о сибирском крае, делился впечатлениями о своей работе. Простой женщине трудно было представить картины и проблемы, излагаемые молодым эмоциональным родственником. Помнит: путь был дальний — много дней, вроде, до Иркутска, затем больше сотни вёрст по тайге. Комары, болота, добычливая охота, добрые и забавные местные жители... Многое забылось. Пару-тройку раз забегал племянник и в последующем. Пили чай, говорили о новой жизни. И всё бы хорошо, но посетил её с год назад учёный воспитанный господин... Она так и сказала «господин», затем поправилась — солидный мужчина. Представился участником той самой экспедиции и с прискорбием сообщил: он очень долго её искал, чтобы сообщить печальную весть — её племянник ещё тогда, давно, в экспедиции погиб.

Женщина настолько растерялась, затем испугалась, что приняла неожиданную и страшную весть молчаливо. Мужчина отдал ей кое-какие мелкие вещи, принадлежавшие усопшему племяннику, и, оставив листок бумаги, где было указано место его захоронения, удалился. Она не поверила. И как тут поверить, если видела и не раз своего родственника после его смерти.

Смагин крутил в руках записку. Никаких мистических настроений у него не возникло. Во-первых, женщина не в ладах с памятью, путается. Во-вторых, она сама лично знала немало случаев, когда после жестокой войны, голода, разрухи, массовых переездов, бегства и возвращения людей и «покойники» оживали, и давно пропавшие дети находились, и чего только граничащего с удивительным чудом ни случалось. На записке был указан населённый пункт Тайшет и данные покойного: Синельников Илья Петрович. Возможность проверить информацию вызывала у Смагина сомнения, но проверить было необходимо.

Погиб... С учётом природных условий места поиска небесного тела, чрезвычайным событием это назвать нельзя. В чертовщину Смагин не верил, но как ещё назвать появление покойника в доме Сокольниковой?

Возможно, незнакомец что-то напутал — разберёмся. С момента его визита прошёл, со слов Сокольниковой, приблизительно год. За это время племянник не появлялся, не было от него и никаких вестей. Почему она молчала? А кому рассказывать о визитах покойников? Паре соседок? От них и поступил сигнал. И поступил он после последнего крайне странного и пока не объяснимого визита, о котором испуганная женщина не преминула сообщить подругам. Судя по описанию Сокольниковой, это мог быть тяжёлый сон, даже галлюцинация. Почему Сокольникова в тот самый, последний, раз увидела в племяннике китайца? Она этих китайцев хоть раз наблюдала в жизни? Если только добровольцев товарища Якира, отдельных торговцев, да дворников... Что её натолкнуло на такой необычный образ? Необходимо изучать, думать, искать.

Смагину нравился душистый крепкий янтарный плиточный чай. Он попробовал стакан рукой — тёплый, отхлебнул и подумал: «Странно, уже без него не могу. Привык. Если не выпью стаканчик, слабость лёгкая в ногах, даже головокружение. Надо как-то сократить потребление, а то разошёлся — аристократ!» Он редко видел взволнованного Арсентьева, сотрудника молодого, несколько несобранного, но человека по жизни опытного, решительного, не лишённого неординарных подходов к решению поставленных задач. Но именно таким он выглядел, когда вошёл в кабинет. Смагин не стал спрашивать.

— Был в кадрах, — начал Арсентьев, подумал, видимо, подбирая формулировки, но решил не усложнять и выразился кратко: — Подтвердили! Был такой. Погиб. Похоронен в Тайшете.

Смагин не ожидал полного совпадения. Что-то было не так, не вязалось.

— С кем беседовал?

— С замом по кадрам.

— Детали?

— Экспедицию собирали из разных учреждений. Брали добровольцев — надёжных, проверенных. Общий список хранится в кадрах в музее. Сам Синельников из Горного института. К списку, что в кадрах, приложен рапорт о гибели. Имеется копия уведомления, направленного по месту основной работы.

— Это в Горный институт?

— Да.

— Что сказано в рапорте? — спросил Смагин.

— Смертельно травмирован лесинной.

— Сибирь... — пробормотал Смагин.

«Доброволец надёжный, проверенный...» Не всегда реальный человек соответствовал, таким, казалось бы, безупречным характеристикам. На траурном заседании II Всесоюзного съезда Советов, состоявшемся 26

января 1924 г., накануне похорон В. И. Ленина, было принято два важных решения: переименовать Петроград в Ленинград и укрепить партийные ряды массовым приёмом пополнения рабочими от станка. Этот процесс был назван ленинским призывом. Смагин знал статистику роста партийных рядов, она представлялась ему очень показательной, заслуживающей тщательного анализа.

В 1917 году в партии насчитывалось порядка двадцати пяти тысяч человек — тех, кто вынес на себе всю тяжесть революционной работы, закончившейся приходом большевиков к власти. Уже в 1921 года партийные ряды выросли до шестисот тысяч человек. Но количество не есть качество, решило руководство молодого государства, и в этом же году была начата масштабная суровая чистка, показавшая и выявившая многих отщепенцев, перерожденцев и просто скрытых врагов. К началу 1924 партийные ряды составляли приблизительно триста пятьдесят тысяч, ленинский призыв увеличил их на двести сорок тысяч.

Это было не просто пополнение, это было — обновление, новая тенденция. Каждый понимал процесс партийного строительства по-своему, хотя это вовсе не означало стремление каждого выкрикивать свою исключительную точку зрения на оживлённом перекрёстке. Смагин выделил для себя две составляющие. Первая — на смену элитарной партии товарища Ленина, ордену меченосцев, пришла и приходит массовая партия товарища Сталина. Вторая — принадлежность к партии означала теперь не только верность её идеалам, но и строгое соблюдение партийной дисциплины: неукоснительное подчинение меньшинства большинству при реализации принятых решений.

После острой внутрипартийной борьбы, бескомпромиссных, порой заводящих в тупик дискуссий, мятежей и расколов такой подход был логичен. Но к чему он мог привести в будущем? Этот вопрос Смагина серьёзно беспокоил. Он не спешил поделиться своими мыслями с первым встречным, но своё осторожное отношение к «проверенным и надёжным» не скрывал. Для него эта дежурная формулировка ничего не значила.

И здесь Смагин, обладающий довольно широкими взглядами, превратился в непреклонного скептика.

— Этого не может быть! — твёрдо сказал начальник УРР, подумал и предложил: — Давай сначала... Как был сформулирован вопрос? Однофамилец? В списке экспедиции нет другого Синельникова? Ошибка?

— Исключено. Я список просмотрел.

— Инициалы, даты, возраст?..

— Инициалы — те. Год рождения совпадает. Год, месяц... Одна экспедиция за небесным камнем была. О второй пока только говорят, планируют...

Смагин был рьяным противником алкоголя. Но сейчас ему захотелось выпить — сразу стакан, залпом. Он ничего не мог понять и ничего не мог придумать. В голову пришла только одна мысль — простая и много раз

проверенная — поехать и разобраться самому! Нет, пока не в Тайшет. В кадры. Посмотреть, показать ещё раз фотографии.

12

Четвёртый элемент

Если бы Ирина была участником нашего с Иваном последнего разговора, она бы была поражена прозорливостью моего приятеля. Тогда он сказал: «Сдаётся мне, выплывет ещё один трупик...» Вообще-то, появление ещё одной жертвы преступления логически было обосновано. Но, что жертва именно «выплывет», предсказать было довольно трудно, хотя бы по той простой причине, что для такого прогноза не было никаких оснований. Тем не менее, тем не менее...

Полицейский УАЗик свернул на грунтовую дорогу, врезавшуюся в редкий лесок, насыщенный высоким кустарником. Жёсткая машина несколько раз некомфортно накренилась, преодолевая и объезжая довольно глубокие лужи, и довольно быстро выбралась на симпатичную лужайку на берегу озера. У воды — надувная лодка, возле неё — главная причина вызова. В сторонке — служебная «Нива». Утопленник располагался на спине. Старший лейтенант, держащий в левой руке старенький портфель, сделал навстречу машине пару шагов, приветливо помахал свободной рукой, радости при этом лицом своим не продемонстрировал. Возле него крутились трое граждан, как можно было предположить, местного разлива. Именно «розлива», о чём со всей наглядностью свидетельствовали цветастые носы, нездорового блеска глаза и годами сложившиеся нескоординированные движения. Ирина отметила: вот тот, потирающий липкие ладошки — уж совсем придурковатого вида.

Ирина и сопровождающий майор вышли, поздоровались. Утопленник — мужчина средних лет, среднего роста и сложения, ближе к шатену. Джинсы, простенькие кроссовки, цветастая рубашка с длинным рукавом, часов на руке не было, но хорошо просматривался след от ремешка. Старлей, видимо, хорошо знал сопровождавших его официальных лиц, общался с ними запросто. Главный их них — Митяй, слегка растерявшийся хитровато-нагловатый парень лет тридцати с восточными штрихами на помятом лице. Нетрудно было предположить, что группа свидетелей и сочувствующих пребывала на берегу довольно давно, минимум часа два, и многое уже переговорила и для себя решила.

— Вот — в сеть попал, — безучастно доложил участковый, показывая рукой на покойника.

— В сеть? — строго уточнил майор.

— Сеть — дело святое, только в рамках необходимого пропитания! — высказал свою вескую точку зрения Митяй.

Майор тяжело вздохнул, промолчал. Старлей бросил на Митяя огненный взгляд. Предводитель смутился, ему стало стыдно.

— И как его угораздило? — спросил майор.

— Мелко здесь, — пожал плечами участковый. — Пока — трудно сказать.

— Скорее принесло, не сам он, — весомо заявил Митяй и к немалому удивлению прибывших достал из кармана курительную трубку и пачку фирменного табака. Не спеша набил и раскурил.

Если бы приодеть, да взгляда тигриного добавить, точно — товарищ Сталин, подумала Ирина. Майор подошёл к утопленнику, присел на корточки, осмотрел, слегка повернул ему голову — с левой стороны над ухом приличная рана. Уже не кровоточила, что было естественным, но просматривалась хорошо.

— И как же его принесло? — осматривая рану, пробормотал майор.

— Подводное течение! — отчеканил Митяй, выпустил струйку дыма и добавил: — У берега здесь мелко, кто здесь потащит — ботинки мочить... И брюки — тоже. Если бы сюда привезли, то так бы у берега и бросили. А мы его с Серёгой там, — он неопределённо махнул рукой в сторону озёрной глади, — выловили. Видно с дамбы спихнули. Там и на машине можно подъехать — удобно. А сюда принесло...

Майор встал и задал, неизвестно кому, вопрос:

— Так уж прямо и спихнули?

— Тогда сам себя стукнул по голове, разбежался и спрыгнул, — вмешался тот, которого Ирина назвала про себя придурковатым, и закончил своё краткое выступление отталкивающим идиотским смехом.

— А ты, Стёпа, молчи, взялся на нашу голову! — оборвал его Митяй.

— Так это, что, не с вами? — спросил Митяя майор.

— Этот? Пришлый, — довольно неопределённо проворчал Митяй и, сообразив, что ответ неполный, с раздражением добавил: Каждой бочке — затычка!

Стёпа покраснел, обиделся и отреагировал на замечание болезненно:

— Сам бы флибустьер хренов! Браконьер! Расхищаешь народное достояние!

— Что? Фли... Повтори! — потребовал логической сатисфакции Митяй.

— Сетями ловить запрещено! — отрезал придурковатый Стёпа.

— Да ты откуда вообще взялся? — вознегодовал Митяй и взглядом попросил поддержки у напарника Серёги.

Серёга на всякий случай слегка отступил и мужественно промолчал.

— Стоп, стоп, господа натуралисты! — оборвал склоку майор. — Давайте по делу! — строго посмотрел на участкового и обратился непосредственно к нему: — Рапорт — письменно, по форме, детально. Ясно?

— Так точно! — участковый вышел из состояния наблюдения и ожидания, повернулся и пошёл к «Ниве». Остановился, покосился на Ирину и осторожно спросил майора: — А с сетью как быть?

— С сетью разбирайся сам! — по-командирски отрезал майор, но тут же спохватился пошевелил, обозначив матерные слова, губами, и, задумчиво глядя на участкового, задал коварный вопрос: — Не руками же они его поймали?

И тут вмешался мудрый Митяй и предложил соломоново решение:

— Сети... можно указать — обнаружили случайно, в них, проклятых, вот это и оказалось... случайно. Но чьи они, проклятые, не указывать. Мало ли... элементов всяких несознательных...

Майор одобрительно кивнул и бросил строгий взгляд на старлея. В этом взгляде Ирина прочла ёмкую мысль: «Вот видишь, какие у тебя помощники толковые — хоть сейчас в дипломаты. А ты, мудака, даже элементарную проблемку замять не можешь, позоришь перед начальством!» Правильно мыслит майор, подумала Ирина и поняла: лирическая пауза затянулась. Махнула рукой сидящему в УАЗе криминалисту. На всякий случай спросила участкового:

— Одежда, карманы?

— Не трогали, как и было приказано.

Придурковатый Стёпа бросил на неё уважительный взгляд и выразительно покачал рукой. Этот жест можно было понять приблизительно так: «Так оно и есть, господа начальники: труп не трогали, ждали вашего прибытия, я ситуацию полностью контролировал».

Эксперт подошёл к утопленнику, поставил на землю чемоданчик.

13

Четвёртый элемент

Иван Смагин пребывал в одиночестве в выделенном генералом кабинете. Запись камеры наблюдения просмотрели два человека, неоднократно видевшие Косолапова в различных одеяниях и головных уборах. Подтвердили: скорее «да», чем «нет». Что и требовалось доказать. На столе лежали фотографии Косолапова и огромное количество всевозможных бумаг, разобрать которые Иван планировал каждые полчаса и каждый раз откладывал это многосложное и занудное мероприятие.

Вывод первый: мажордом узнаваем, время входа-выхода известно. Вывод второй: тумана ещё больше. Попутное замечание: на кой чёрт генералу устраивать эту неразумную игру с нестыковкой рабочих групп. Иван уже начал путаться в этой внутренней интриге и даже заметил, что становится смешным. То, что по первому трупам работал Демьян — просто случайность. На его месте, на свалке, вполне могла оказаться Ирина. И как тогда Иван должен был ей объяснять острое внимание к сигаретам покойника и прочие «повышенные интересы»?

Он позвонил генералу и поставил вопрос ребром. Координатор неожиданно быстро согласился, отметив при этом: разобщённость групп нужна была на первом этапе — во избежание построения всеобъемлющей версии-симпатика, которая, как правило, вытесняет своей массой все альтернативные умопостроения. А теперь, заявил координатор, кто главный, тот и решает, а кто главный — известно. Иван выдохнул и подумал: и кто вам раньше мешал цветами торговать?!

Надо по возможности срочно собрать совещание и прекратить эти мешающие делу игры, подумал Иван. Совещание — это хорошо, но время уходит, спохватился мой друг. Он обзвонил своих временных подчинённых и, насколько мог кратко, откорректировал картину преступления. Я представляю, как нелепо выглядела эта новая информационная волна в телефонном режиме... Но время в такой ситуации было самым большим богатством и требовало эмоциональных жертв. Ребята поймут, понервничают, подумают и поймут, убеждал себя Иван, отчаянно пытаясь сам себе доказать, что в этом идиотском организационном хаосе его вины нет.

Иван отдышался после телефонных переговоров, теперь можно было подумать о «тумане», навеянном появлением мажордома в качестве возможного грабителя в деле ограбления госпожи Z.

Иван пытался сформировать «пласт» из имеющихся обстоятельств. Не получалось. Выплывала из густого тумана Третья сторона. И так...

Мажордом Косолапов, воспользовавшись близостью к господину X, выяснил код. Мотивы: заказ, личный злой умысел, праздный, граничащий с маниакальным интерес. Мотивы спорные — ранее таких склонностей за Косолаповым не отмечалось. В стабильном поведении взлёт фантазии и решительности — неожиданный и... уж слишком высокий: в доме барахла всякого — бери, что хочешь, на всю жизнь хватит. Получается — заказ, и посему есть основания предположить: мажордом совершил преступление под влиянием Третьей стороны или в сговоре с ней.

Далее. Третья сторона вручает Косолапову код от сейфа и направляет его в квартиру госпожи Z. Камера фиксирует его появление и уход. Ситуация требует матерных комментариев, ибо, если в первом случае — заговорческая классика, то во втором — логический сюрреализм. Шпион, вошедший в доверие и воспользовавшийся легкомыслием хозяев — сюжет простой и понятный. Если этот сюжет жизнеспособен, то и у госпожи Z, и у семьи Y должны быть свои «косолаповы»... И уж совсем злым гением оборачивается гипотетическая Третья сторона, не известно, на кой, подставляющая под камеру наблюдения кандидата в покойники.

Далее. Третья сторона устраняет Кололапова, подсовывает стетоскоп, что выглядит явно нелепо и отдаёт чем-то патологическим. Возможно, это вызов, насмешка, игра...

Косолапов по наводке и поручению Третьей стороны теоретически мог ограбить и господина Y. Зацепок по этому направлению пока нет. Экспертиза затрудняется с точностью до нескольких часов установить время убийства Косолапова. Здравый смысл и запись камеры дают основания предположить: он был убит вечером после ограбления квартиры.

Иногда полезно, подумал Иван, поступать и размышлять вопреки здравому смыслу, не усердствуя в этом процессе в поиске союзников — лучше в одиночку. Но посылку эту развить не смог. Его давил и отвлекал главный вопрос: каким образом пресловутая Третья сторона узнала коды?

Иван понимал зыбкость «пласта» — не хватало информации. Но пока — пусть будет так.

Далее. Сейфы X и Y оставлены в одинаковом положении: на лицевой стороне сейфа набран и главное оставлен на обозрение все желающих хозяйский код, зафиксированный на внутренней стороне дверцы. Сейф Z открыт мягко, без взлома, однако на дверце диском задано иное положение — выполнен набор букв и цифр, хозяевам, в частности, ничего не говорящий.

Нужен исходный момент. Что здесь самое главное? Код? Нет — коды. Три сейфа — три кода. Кто из всех фигурантов имеет отношение ко всем трём сейфам? Директор антикварного магазина. Через его руки прошли все три старинных и надёжных изделия. Он знал адреса покупателей. Он вполне мог провернуть эту головокружительную операцию. И он придумал эту наивную и неправдоподобную историю с реставратором, не имеющим ни имени, ни документов, ни адреса, и который, возможно, вообще не существует в природе.

10

Зёрна

Если Синельников Илья Петрович был прикомандирован к экспедиции от Горного института, то там его, вернее, сведения о нём, и следует искать. Так решил Смагин. Демонстрация удостоверения могущественной организации в данном случае была неуместной — решил: лучше представиться репортёром «Комсомольской правды». Такому шагу способствовал имевшийся опыт небезынтересного общения с литсотрудниками и даже членами редколлегии этого молодого издания, печатавшего на своих страницах не только острые политические материалы на злобу дня, но и стихи, обзоры, памфлеты, очерки и репортажи о научно-технических достижениях и захватывающих приключениях.

С одним из ведущих журналистов, членов редколлегии Сергеем Стаховым Смагин столкнулся недавно, 20 декабря прошедшего года, на чекистском праздничном смотре, где, как подумалось Смагину, впервые прозвучала прекрасная песня «Там вдали за рекой» Сергей в свойственной репортёрам манере восторженно похвалил строевое действо и тут же в разговоре со Смагиным развенчал новизну исполнения яркого и душевного произведения. Сергей заверил: он слышал эту же мелодию, но с другим текстом. Та песня была посвящена событиям двадцатилетней давности на Дальнем Востоке. Газетчик даже напел: «За рекой Ляохэ загорались огни...» И сделал это так душевно, что слова и мелодия буквально запали Смагину в душу.

Смагин удивился, так как уже был наслышан о том, что некоторые авторы песен — и поэты, и композиторы — были таковыми, мягко говоря, не в полной мере. Понятно, подумал тогда Смагин, истинное творчество не рождается в раз, с утра, в полностью законченном варианте — есть здесь и историческая преемственность и сиюминутная доработка, но всё же с однозначным авторством последних лет надо быть поосторожней. К либеральной беседе отнёсся с интересом, так как в последнее время понимал: сложившийся круг общения позволяет видеть жизнь однобоко, порой даже искажённо, и потому любые нестандартные точки зрения, без сомнения, помогут этот пробел восполнить, не дадут мозгам заснуть и глазам замылиться.

Тогда же Смагин спросил приятеля, почему бы набирающей вес молодёжной газете не напечатать яркое произведение Алексея Толстого «Аэлита»? И получил, к своему удивлению, не совсем либеральный ответ. Журнал «Красная новь», опубликовавший повесть «красного графа», предназначен для взрослого, умудрённого жизненным опытом читателя. Излишняя чувственность, увлечение героев «Аэлиты» сложными душевными переживаниями — не для молодёжной «комсомолки»: юноши, девушки, тем более, подростки могут не понять или неправильно истолковать суть авторского видения революционного процесса. Поговаривают в творческих кругах, добавил Сергей, Толстой неоднократно обещал на литературных встречах переработать повесть и сделать её более приемлемой для нового подрастающего поколения строителей коммунистического общества.

Смагин отметил про себя: ничего крамольного он лично в фантастической повести не нашёл и с доводами Сергея согласен лишь отчасти. Возможно, у произведения есть недостатки и объясняются они, скорее всего, тем фактом, что написано оно в эмиграции, где автор не мог обладать необходимой полнотой видения реалий, нуждающимся в возвышенном фантастическом толковании. Однако собеседнику ничего не сказал. Но сделал вывод: крайне необходимо вовлекать молодёжь в решительный, бесстрашный и даже безумный поиск. Именно в такой среде рождаются великие идеи и большие дела.

Режимность ещё не охватила Горный институт, хранивший в своих архивах и кабинетах немало документов и наработок, представляющих собой бесспорную государственную тайну. Всему своё время, подумал Смагин. А пока время предложило ему встречу с суетными, порой забавными реалиями институтской жизни.

Отдел кадров, как и в большинстве учреждений, находился на первом этаже. Большие окна, свежее окрашенные стены, изрядно выщербленный, но всё ещё паркет, резко пахнувший мастикой, много молодёжи — жизнь течёт, жизнь налаживается. В кадрах о Синельникове ничего не знали, зато задали огромное количество праздных вопросов, на большинство из которых он не мог, даже при большом желании, ответить. Смагин представил на мгновение, что объясняет кадровику, зачем ему нужен Синельников. Мол, так и так, после ряда галлюцинаций или видений неиз-

вестной природы, жертвами которых стали уважаемые и не очень москвичи, обозначился таинственный фигурант по фамилии Синельников. Он, будучи покойным, неоднократно посещал свою тётку, пил с ней чай и рассказывал об экспедиции в далёкую Сибирь...

А далее Смагин поначалу занервничал, а затем взял себя в руки и постарался извлечь полезный урок из курса психологии общения. Он не раз брал на заметку случаи, когда неверно построенный диалог не давал результатов не по причине злого умысла какой-либо из сторон-участниц (как это иногда воспринимается), но в силу неправильного его, диалога, построения. Сотрудники любой замкнутой структуры, в том числе академических и других аналогичных учреждений, строят свои взаимоотношения на основании годами сложившегося формата, которые предполагает, что все общающиеся плывут на одной информационной волне и с полуслова понимают один другого.

Так получилось и в этом случае. Хорошим примером, подтверждающим эти размышления, стал диалог с кадровиком.

— Так, Синельников... — кадровик вопросительно смотрит на Смагина.

— Илья Петрович, — добавляет Смагин.

— По памяти скажу почти наверняка — у нас такого нет, — доброжелательно сообщает кадровик. — Но, чтобы без «почти», сейчас уточню.

Пожилой и, по всей видимости, опытный служащий идёт к шкафам с личными делами, ищет разбитые по алфавиту бирки, открывает нужный ящик...

— Ничем не могу... Нет такого. У нас в Горном, вы говорите?

— Да, у вас в Горном институте, — подтверждает Смагин.

— Простите, можно напомнить, откуда вас направили в нашу Академию?

«Из Минералогического музея», — ещё раз напоминает Смагин, начинает мучительно вспоминать табличку на входе института и вспомнить ничего не может. Память подсказывает: на табличке имелась чёткая связь с чем-то горным, но, что конкретно там сказано, увы и ах — уже забылось. Стыдно, конечно, признаётся про себя Смагин и уточняет:

— Вы сказали «академия»?

— Академия, конечно. Московская Горная академия... — не без гордости и удивлённо заявляет кадровик. — А мы о чём говорим?

— Сначала мы говорили о Горном институте, затем перешли к Горной академии, — пытается внести ясность Смагин.

— Верно, товарищ репортёр, — очень мило и уверенно заявляет кадровик и смотрит на Смагина уже с недоумением и некоторой тревогой. В его глазах начинает вырисовываться надпись: «А ты, вообще, кто такой,

откуда взялся на мою голову и зачем?» Но, к счастью, не спешит с выводами и осознаёт: человек первый раз в заведении, может не знать тонкостей, хвалит себя за прозорливость и поясняет:

— По привычке, по традиции — горный институт, официально — Горная академия: геологи, нефтяники, шахтёры — это всё у нас...

— Ясно, — говорит Смагин, понимая, что ничего пока не ясно, несколько секунд взвешивает ситуацию и осторожно вставляет: — В Минералогическом музее мне чётко сказали: Синельников из Горного института — участник экспедиции товарища Кулика. — При этом Смагин внутренне смущается: ему лично в Музее ничего не говорили, разговор был с Арсентьевым.

Кадровик оживляется:

— Леонид Алексеевич — сотрудник и ученик, не побоюсь этого слова, великого Вернадского — хранителя Минералогического кабинета Московского университета. Интересный человек, пытливый учёный... Именно ему могла придти в голову идея отправиться в рисковую экспедицию на поиск гигантского, якобы, метеорита. Я с ним знаком. И можно было бы с ним побеседовать, но отсутствует он в столице — командировка. Что я могу сказать... Научная кампания, вас интересующая, была более разведочной, чем исследовательской... В геологическом, так сказать смысле. Средства, понимаете, инструментарий, глушь... Ходят упорные разговоры об организации второй — более предметной и более оснащённой экспедиции...

— А почему «якобы» метеорита? — не сдерживает любопытства Смагин.

— Как вам сказать... Поначалу Леонид Алексеевич был сторонником, о чём неоднократно публично заявлял, предположения о столкновении нашей планеты с огромной кометой. А затем переключил научные приоритеты на поиск остатков метеорита, — снисходительно поясняет кадровик и назидательно добавляет: — В научном поиске не бывает постоянства — диалектика, понимаете...

Смагин понимает, что есть диалектика, однако чувствует: нить разговора теряется. Признает, в этом, в первую очередь, виноват он сам. Опытный сотрудник видит его замешательство и возвращает разговор в изначальное русло:

— Кулик собирал сборную команду. Он был потрясён результатами экспедиции. Рекомендую вам уточнить, о каком институте вам говорили в Музее. Горных заведений не мало, а называют их... кому как заблагорассудится: кто — по-старому, кто — по-новому... Возможно, речь шла о Петроградском, простите, Ленинградском Горном институте. У нас тесные академические связи, обмен кадрами, истинная научная дружба...

Смагин улавливает хрупкую надежду и вкрадчиво спрашивает:

— А справочку навести нельзя? Дружба — она, понимаете...

Кадровик, лучше представляющий формат академической дружбы, неожиданно соглашается и удаляется в дальний кабинет. Через несколько минут возвращается и деловито сообщает:

— Вот видите, разрешилось. Ваш Синельников — сотрудник Ленинградского Горного института. Был, к сожалению. Действительно, он погиб летом 1924 года.

— Ясно, спасибо, — говорит Смагин и тут же одёргивает себя: что ж тебе ясно, товарищ начальник управления — ведь ничего не ясно. Опять обращается к невозмутимому и в данный момент всесильному сотруднику:

— Позвольте... Экспедиция товарища Кулика — это 1921 и 1922 годы. Она была первой и единственной...

— Экспедиция Кулика была первой и единственной. Но были и другие попытки исследования, — в очередной раз открывает глаза Смагину педантичный кадровик. — Вы как сформулировали вопрос в Музее, когда наводили справки о Синельникове? Вы интересовались экспедицией именно товарища Кулика или попытками разгадать тунгусское диво, так сказать, в целом?

— В целом! Подошёл, понимаете, поверхностно... Незнание вопроса во всей глубине... Изучаем, пишем, — домыслил поведение Арсентьева и попытался смазать ситуацию начальник УРР.

— Вот и получился у вас пассаж, товарищ репортёр, — резюмировал кадровик.

«Здравый человек, — подумал Смагин, — знающий дело, выдержанный, понимающий суть вопроса, не смотря на отвлекающие факторы». Что такое «отвлекающие факторы», хотя был достаточно самокритичен, уточнять не стал, только схематично представил себе грядущий разговор с Арсентьевым.

Понимая неловкость, порой, нелепость ситуации и прочитав разумное сомнение в глазах собеседника, Смагин решил прекратить комедию и представился. Кадровик подтянулся и всем своим видом выразил готовность к дальнейшему сотрудничеству. Там же, в глазах, Смагин прочел лёгкую иронию, но заставил себя поверить, что ему это показалось.

— Думаю, товарищ Смагин, вам не мешает встреча с товарищем Обручевым, — предположил сотрудник научного заведения, в очередной раз не удосужившись принять во внимание значительную отрешённость собеседника от кипящей в академии жизни. Через мгновение спохватился и подробно рассказал, где и когда найти упомянутого работника уважаемого учреждения, и даже дал некоторые вводные — должность, звание, достижения, круг научных интересов. Смагин не стал спешить и уповать на память. Записал рекомендации на листе бумаги и сделал попутно два вывода: никогда не строить диалог в манере продолжения и по возможности настраивать на такой подход собеседника; добиться от сотрудников — притом любой, возможно, даже жёсткой ценой — полноты картины

расследования на каждом его этапе. И ещё он подумал о совпадении фамилий названного учёного и автора прочитанной им пару лет назад увлекательнейшей книги.

11

Четвёртый элемент

Слабый стук в дверь, и в кабинет впорхнула Ирина. «М-да, — подумал Иван, — одну-две красавицы, и можно полностью нейтрализовать любой мыслительный процесс. О чём я там думал? Хоть убей, уже не помню...» Ирина заметила его замешательство и тихонько присела на стул в противоположном конце большого стола. Иван облизнул пересохшие губы, приосанился, насколько смог, и выдавил дежурное «на как?»

— Труп, — устало ответила Ирина и кратко изложила всё увиденное и услышанное на берегу озера.

Иван слушал внимательно, не перебивал. Это был уже четвёртый представлявший потенциальный интерес покойник, и особых иллюзий по поводу полезных для дела открытий он не испытывал. Во всех предыдущих случаях Иван действительно интересовался личными вещами жертв, поэтому Ирина без напоминаний доложила:

— В кармане — сигареты.

Когда прозвучала марка, Иван оживился.

— Где они? — спросил он, прекрасно понимая, что всё найденное на экспертизе.

Прозвучал предсказуемый ответ.

— Как выглядят сигареты? Что в пачке? — спросил он.

— Не смотрела — всё размокло, сплошная каша.

— Фото? — спросил Иван.

— Скоро будут — криминалист...

Иван усмехнулся и поинтересовался:

— А неформальный вариант?

— Есть, — ответила Ирина и достала из сумочки фотоаппарат.

Переброска снимков на компьютер заняла, как показалось Ивану, считанные секунды. Он посмотрел на экран. Снимки не из приятных, и надо иметь немалый опыт оперативной работы, чтобы сравнить или идентифицировать покойника. Иногда смерть снисходительно сохраняет основные черты лица, иногда меняет их до неузнаваемости. В данном случае имелся средний вариант. Человек, изображённый на снимках, был не известен Ивану. Однако он напряжённо всматривался в экран: промелькнуло что-то далёкое и знакомое. Но что?

Он без особой надежды листал в памяти лица, мешая времена, ситуации, и понимал тщетность своих усилий — нужна была какая-то наводка. Только кто ж её даст? Что за привычка пагубная, подумал он: искать отгадку в серых смазанных временем далях? Может, недавно, рядом, совсем близко промелькнуло это лицо? Ответ был неожиданным и болезненным, он словно уколол где-то в районе левого глаза, и Иван чуть не подскочил на стуле. Ирина заметила его болезненное замешательство, на её лице появилось сочувствие.

Иван успокоился и сокрушённо покачал головой. «Надо же...» — пробормотал он. Иван впился в экран, тёр глаза и время от времени бросал взгляд, исполненный глубокого раздумья, на Ирину. Молодая сотрудница смутилась и с тревогой оглядела свою одежду: может, непорядок какой. Ивана не интересовали ни одежда, ни её порядок. Он лихорадочно старался вспомнить, принимала ли Ирина участие в просмотре записи камеры наблюдения. Много народу крутилось, и он не мог прийти к окончательному выводу. Ладно, не надо усложнять, подумал он и спросил:

— Вы запись камеры смотрели?

— Какую? — уточнила Ирина.

Иван недобрым словом помянул изначально возникшую не по его вине путаницу и не стал делать акцент на том факте, что в распоряжении группы имелась только одна запись, и кратко пояснил. Ирина ответила отрицательно. Иван вставил диск, запустил просмотр и «перемотал» на интересующий его эпизод. «Вот!» — сказал он, указывая на мужчину, входящего в подъезд и говорящего по мобильному телефону. «Вот!» — повторил он и продемонстрировал того же мужчину, поспешно выходящего из подъезда с дымящейся сигаретой в руке. «И вот!» — завершил Иван довольно быстрые манипуляции Иван, открыв крупно снимок утопленника.

— Он? — спросил Иван.

— На все сто не уверена, но много общего, — кивнула Ирина.

Иван знал, что такое удача, он понимал, что иногда фартит — бывают такие запоминающиеся случаи. Однако с сомнением относился к совпадениям, которые внезапно и неожиданно преподносили ответы на многие вопросы или давали один большой ответ на большой вопрос.

— Утопленник, вернее, убитый тоже входил в подъезд в день ограбления, — задумчиво прокомментировал Иван.

— И выходил из него, — без заметной иронии добавила Ирина.

— И ещё прикуривал, — продолжил диалог Иван, предположив, что скрытая ирония всё-таки есть.

Он пришёл к твёрдому выводу: нужна пауза. Поинтересовался рабочими планами Ирины на остаток дня и назначил встречу через полтора часа. Позвонил Демьяну.

...Иван наконец собрал, как он полагал, полноценное совещание, к началу которого имелись предварительные данные экспертизы по утопленнику. Его речь заняла минут двадцать. Демьян и Ирина слушали его внимательно, поначалу иногда странно переглядывались. Затем их настрой сменился, они оживились, Ирина даже слегка раскраснелась. Я не знаю, насколько в своём выступлении Иван был логичен и последователен, но уверен, что своей убеждёностью и искренностью он не мог не заразить собеседников.

Иван не был профессиональным следователем и не мог им быть — не такой он человек. Возможно, поэтому — по причине отсутствия давления школы или в силу особенностей характера, которые не позволяли без наличия серьёзных оснований вешать ярлыки на невинных людей, он не очертил традиционный круг подозреваемых и не навязывал версию. Он выделил, как он выразился, ключевые моменты.

Мажордом Косолапов. Необходимо углублённое изучение связей. Цель — Третья сторона. Обстоятельства смерти Кололапова — явная нездоровая подстава, вызов, насмешка. Пусть поиграет, может, заиграется. Кто заиграется, не уточнил.

Директор Зайд — ключевая фигура, возможный организатор всей этой кровавой, граничащей с маниакальностью аферы. Копать всё и везде! Но не распыляться: при его деятельности можно такого накопать, что сам в яму попадёшь. Уточнил — в яму заблуждений. Линия «директор-реставратор», скорее всего, ложная. Но о ней забывать не стоит. Да, объяснения директора по поводу личности реставратора нелепы. Но в реальной жизни и не такое бывает. Никаких преждевременных выводов!

Утопленник. Личность пока не установлена. В его кармане обнаружены сигареты, пепел от которых найден возле сейфа X. И главное — он входил в подъезд гражданки Z, что зафиксировано теперь уже известной всем записью. Дьявольщина какая-то! Опять игра? Логичнее было бы стетоскоп — утопленнику, сигареты — Косолапову. Мозги пудрит, сволочь! Возможно. Ищем, не ждём — время против нас.

Сейфы... Иван откровенно предупредил коллег о щекотливости рассматриваемого дела, назвав собеседников «уже взрослыми и понимающими, что к чему и почём». Вряд ли Демьян и Ирина полностью осознали глубину намёка, но чувством принадлежности к делу исключительно важному и специфическому прониклись. Поэтому, когда он сообщил, что сейфы были изучены экспертами с некоторым опозданием — «после длительных уговоров пострадавших», ни Демьян, ни Ирина не удивились и не стали его просвещать в плане соблюдения процедуры при расследовании ограбления, неотъемлемой частью которой является экспертиза замков.

Так вот, проинформировал Иван, все замки не взламывались. Признаться, заявил Иван, что поначалу предположил: однотипные сейфы вскрыл серьёзный профи. А набрал на лицевой стороне хозяйский код с простой целью — переориентировать сыск на изучение окружения пострадавших, утечку информации, заговоры и так далее. Моё предположение

оказалось неверным, подчеркнул Иван. Сейфы вскрыты при помощи хозяйских кодов. Во всяком случае — стопроцентно первые два и предположительно третий.

— Зачем преступнику вообще понадобилось демонстрировать знание кодов? — вставил свои пять копеек Демьян.

— Повторяю: поначалу я думал — чтобы отвлечь внимание от специфики взлома. Хотя цена этому отвлечению — день-два промедления в расследовании, скользко как-то, несерьёзно... Теперь полагаю — это бравада, вызов, — ответил Иван.

— Почему в третьем случае преступник не показал, какой он могущественный? Там на лицевой стороне хаотичный набор... Как-то нелогично... — вступила в разговор Ирина.

— Интересное наблюдение... Зачем? Надо чаще задавать себе такой вопрос! Надо... Может, причина проста, она здесь рядом, в этой комнате?.. — глубокомысленно высказался Иван и замолчал.

Демьян и Ирина замерли в ожидании логического прорыва. Ирина смотрела на Ивана. Демьян, видимо, сообразив, что два пронзительных взгляда на одного, хоть и временного, начальника слишком много, стал перебирать разложенные на столе фотографии.

— И причина эта заключается в том, чтобы мы, сидя здесь, в этой комнате, задавали себе этот мучительный вопрос и также мучительно искали ответ на него! — весомо заявил Иван и добавил, говоря о преступнике: — Игрок! Понимаете — игрок. Манечка.

Рукоплесканий не было. Явное разочарование молодые дарования дипломатично скрыли.

— У игры... У преступной, возможно, маниакальной игры тоже есть своя логика... — продолжил Иван.

Но в этот момент Демьян повёл себя неожиданно некорректно.

— Откуда это? — безадресно спросил он, держа в руке одну из фотографий, принесённых и выложенных на стол Ириной, чем прервал очередное ценное откровение начальника.

Ирина заглянула через руку Демьяна и ввела коллегу в курс дела:

— Это и есть утопленник, мы о нём уже говорили.

— Это и есть директор! — не без волнения выпалил Демьян.

— Какой, к чёрту, директор? — потребовал уточнения Иван, внезапно почувствовавший, что, если не земля, то рабочее кресло поплыло из-под него.

— Директор антикварного магазина Зайд Антон Маркович.

В немой сцене приняли участие Иван и Ирина. Демьян оказался в качестве зрителя.

— Стоп-стоп-стоп... — только и пробормотал Иван.

Сообразительная и внимательная Ирина встала, взяла на полке пепельницу и поставила на стол. Иван благодарно кивнул, пошарил по карманам — сигарет не было. К его удивлению, Демьян, в курении не замеченный, достал из кармана его любимые и протянул пачку шефу. Иван взял сигарету, кивнул, подумал: а этот Демьян не прост...

Он лихорадочно прикидывал. Так-так-так, директор Зайд, как его там... Антон Маркович зафиксирован — он ли? — камерой наблюдения в подъезде госпожи Z. Недано Демьян с ним мило беседовал и поражался его забывчивости и непрактичности. Непрактичный директор антикварного магазина — это хорошо, это интересно. Вчера нашего директора нашли в озере. Как он там оказался? Ну, да, понятно, как. И почему он там оказался вчера, а не сразу? Сразу — когда? Начатую мысль о логике преступной игры, которую хотел довести до ребят, он забыл напрочь. Вернее, не забыл — её вытеснила неожиданная информация. Иван закурил — было от чего.

— М-да, ребята — моя вина! — сказал Иван, понимая в душе, что вина здесь не только его — переборщил генерал, переборщил. — А что это меняет? — вопрос был скорее риторическим.

Молодые сотрудники молчали. Иван понимал, что у них более-менее зрелых версий, в отличие от него, нет. Поэтому чувство крушения, пусть не мчащегося, но уверенно ползущего локомотива они не испытали. Им проще. И не надо на них вешать свою проблему. И главное: ведь действительно, в постановке задач диаметрально ничего не меняется, за исключением пункта по директору.

— Не паникуем, — спокойно, рассчитывая хотя бы на моральную поддержку, сказал Иван и потушил недокуренную сигарету. — По Зайду... Анализ переписки, перезвонки — всего. Разобрать на байты, биты и прочие любые информационные единицы его рабочий и домашний компьютеры. По крупинкам вытащить и собрать в кучу всё. Жизнь человека, даже нелюдимого, замкнутого, не протекает без следов. А наш фигурант к таким не относится.

Ирина и Демьян согласно кивнули.

— Каким образом директор попал в подъезд? — раздражённо сказал Иван и далее его монолог был обращён более к себе самому: — Перед входом он говорил по мобильному... У покойника мобильного нет. Возможно, звонили ему, возможно, звонил он... Если он — уточнял? Так! Он курит? — Иван посмотрел на Демьяна.

— Думаю, нет. Не предлагал, принадлежностей на столе не было, запах в кабинете отсутствовал.

— На записи... — попыталась включиться в обсуждение Ирина.

— На записи, — продолжил её мысль Иван, — директор выходит из подъезда с сигаретой... И если он не курит, зачем ему в карман подкладывать сигареты? И почему не подложен окурок? Он издевается? Это уж

слишком, перебор. Слишком — понимаете? Разрушена ключевая версия! Вы это понимаете?

Демьян и Ирина уже понимали.

12

Четвёртый элемент

В кабинете висела на стене одна учебная доска. Иван выпросил вторую. На первой он схематично изобразил состояние сейфов после взлома с указанием всех набранных кодов. Когда он заканчивал это весьма небрежное художество, зашёл Демьян. Иван указал ему на стул, закончил с первой доской и приступил ко второй.

Он размашисто выписывал крупные цифры, обводил их жирными кругами, соединял круги замысловатыми линиями, делал разноцветные пометки... При этом он довольно бодро разговаривал то ли сам с собой, то ли с некой воображаемой персоной. Демьян не очень-то смутился и вместо того, чтобы обижаться по причине лишения его должного внимания, представил себя на месте того самого воображаемого собеседника и тем самым легко стал, хотя и поначалу немым, участником этого своеобразного диалога.

«Наша Третья сторона... так и хочется назвать её троллем... решила развлечься, каверзу устроить, — почти напевал Иван, разрисовывая доску. — То, что манечка — это понятно, это, так сказать, база — мироощущение и миропонимание. Но этого не достаточно: психопатов много, но не все они стремятся войти в историю через преступления... А наш захотел и с какого-то момента начал действовать прямо, дерзко, жестоко и демонстративно... Вот этот момент нам и нужен... »

Иван посмотрел на Демьяна, показал рукой на изображённую и пока ещё незавершённую схему. В его глазах Демьян прочёл вопрос: «Ну как?» Демьян изобразил мимикой нечто вроде: «Ну, вы, шеф, даёте, как же вам это всё удаётся, за что не возьмётесь — везде прорыв и наступление по всем направлениям...» Думал он о другом. Не смотря на небогатый опыт оперативной работы, Демьян уже достаточно насмотрелся и нарисовался всевозможных схем и потому потерял к ним трепетный интерес, свойственный юному детективу. Они, эти схемы, нужны, безусловно, полагал он, но всё это сложное рисование может и помочь, а может и увести в такую даль, что выбраться из неё можно только через предупреждение о неполном служебном соответствии.

Но в данном конкретном случае Демьян выделил крайне заинтересовавшее его радикальное отличие. Схема строилась не от набора известных группе фактов, формирующих посредством и простых, и замысловатых логических соединений, переплетений желанную точку пересечения — Центр событий. Нет, Смагин шёл от Центра событий, то есть преступника или преступников, по цепочке взаимосвязей к известным

группе фактам. Возможно, это и есть логика преступления, о которой уважаемый шеф начал говорить в прошлый раз, но не договорил по причине появления форс-мажорных обстоятельств.

Иван продолжал свои художества, но уже изредка посматривал на Демьяна. «Деньги у Третьей стороны... Что ещё надо? — продолжал он свои странные комментарии. — Имел место некий перелом, ключевой момент, возможно, информационный, возможно, коммуникативный... становятся известные источники наживы, становятся известными пути завладения их средствами... Следуют действия, для Третьей стороны успешные... Рисуем действия, видим результаты... Замены, подмены, подставы — кому они нужны?..»

Демьян попытался сам выстроить в уме такую же систему анализа преступлений и довольно быстро понял парадоксальность картины. Если её, картину, не усложнять всевозможными мудрствованиями, то получалось, что после опустошения сейфов все дальнейшие действия преступника бессмысленны. Какой в них прок? Замести следы? Это в книжках преступник прячет награбленное на известной всем участковой хазе и упорно замечает следы, заодно привлекая к себе дополнительное внимание и наращивая объём улики... Что же тогда мы имеем в нашем случае?

— Вы знаете, коллега, — заговорил нормальным тоном, обращаясь к Демьяну, Иван, — похоже, мы близки в наших рассуждениях. Вам, как и мне, поведение нашего фигуранта представляется, мягко говоря, нелогичным?

Демьян удивился прозорливости шефа, согласно кивнул:

— Действительно, его поведение нетипично для обычного грабителя. Он как будто специально закручивает... нас в хоровод странных и нелепых событий...

— Ну, это уже давно понятно, — заявил Иван и через секунду уточнил: — Несколько дней в нашем случае — это давно. Вопрос в другом — зачем? Нам этот хоровод не нужен. Зачем он нужен ему?

Демьян пожал плечами. Зачем преступнику деньги, он в общих чертах понимал. Но зачем ему нужен такой странный кураж — нет.

— Вы с ним случайно не знакомы, коллега? — спросил Иван.

— Нет! — ответил несколько опешивший Демьян и совершенно не к месту вставил: — Я уточнил — директор-антиквар не курит... что, впрочем, и так было ясно.

— Интересно! — отреагировал Иван и, постучав пальцами по столу, бросил реплику: — Завидую тем, кому всё и так ясно.

Демьян никак не отреагировал на колкость и добавил:

— Но раньше курил! Бросил!

— Ещё интересней! — сказал Иван.

— А в последнее время иногда баловался электронной сигаретой! — решил Демьян добить шефа.

— И что отсюда следует? — спросил Иван, не удосужившись даже слегка похвалить подчинённого.

— Что это... там.... на записи был наш директор...

— Похоже, — коротко отреагировал Иван и к удивлению Демьяна продолжил свой замысловатый монолог: — Я, поверьте мне на слово, тоже с ним... ни на короткой ноге, ни на длинной. Ирина, надеюсь, таких... порочащих связей избегает. Люди мы скромные, непубличные, много не болтаем... Зачем перед нами куражиться? Вы им восхищаетесь? Вы ему завидуете? Вы его боитесь?

— Нет, — ответил Демьян и пришёл к промежуточному выводу, что разговор заходит куда-то не туда.

— Получается, зрители здесь не мы. Тогда кто?

Иван замолчал. Скрестив руки на груди, он несколько раз прошёлся по комнате и наконец переключился:

— Поверьте, всё, о чём мы сейчас говорили — не лирическое отступление, эта сторона вопроса ещё попудрит нам мозги. А пока... Единственный живой фигурант, имеющий самое что ни на есть прямое отношение ко всем трём сейфам — это таинственный реставратор. И именно о нём у нас нет никакой информации. Никакой! Вы это понимаете?

— Понимаю. И даже рассматриваю этот печальный фактор как руководство к действию! — позволил себе явную, но не тяжкую дерзость Демьян и тоже прибегнул к риторике: — Живой ли?

Иван сразу не сообразил, о чём речь, но промотал в голове своё последнее высказывание и въехал.

— Типун вам на язык, коллега! — это всё, что он смог сказать, но от мысли, что реставратора уже нет в живых содрогнулся.

А подумал Иван со сдержанным оптимизмом следующее: «Неплохо. Позволяем себе слегка дерзить, ставим под сомнение начальственные версии... Словом, входим в стадию оперения...»

13

Зёрна

Леонид Алексеевич Кулик не оставлял надежды провести серьёзные изыскательские работы в районе предполагаемого падений метеорита. Средств не было, подаваемые прошения и служебные записки оставались без ожидаемой реакции. Имеющегося материала даже для предварительных научных выводов явно не хватало, а большая сибирская загадка звала, постоянно напоминала о себе и яркими воспоминаниями о первой экспедиции, и время от времени появляющимися в печати околонучными, а то и чисто фантастическими заметками.

Именно поэтому летом 1924 года Кулик обратился к С. В. Обручеву с просьбой посетить места близ Ванавары и хоть как-то пополнить скудный разведочный материал. Известный учёный и исследователь в это время был привлечён к изучению геологии Тунгусского угленосного бассейна. При этом он оставался одним из ярых сторонников идеи о необходимости тщательного научного анализа феномена, часто именуемого филимоновским метеоритом. Обручев откликнулся на просьбу коллеги, но выполнить её смог лишь отчасти: экспедиция имела перед собой вполне конкретную геологическую задачу, и серьёзные отвлечения от её решения были просто невозможны.

Селение Ванавара, располагавшееся на одноимённой реке, впадавшей в Подкаменную Тунгуску, представляло собой недавнюю торговую факторию, где в основном происходил обмен всевозможных продуктов с «большой земли» на пушнину. Место предполагаемого падения метеорита отделяло от Ванавары порядка ста километров, что по представлению эвенков — вполне преодолимое прогулочное расстояние. Общение с кочующими в районе фактории местными жителями дало небогатую, но впечатляющую исследователя информацию.

Опрос жителей стал делом непростым, так как быт, традиции, мировоззрение эвенков легли в основу довольно быстро сформировавшегося и явно противоречивого видения тунгусского чуда.

Эвенки без утайки, порой охотно рассказали о гигантских лесоповалах, имеющих севернее Ванавары, происхождение которых трудно было объяснить какими-либо другими причинами, не связанными с образованием мощной ударной волны. Многочисленные свидетельства, помноженные на здравый смысл, говорили: взрыв был! Но к немалому удивлению столичных учёных эвенки не желали не только указать место падения небесного тела, но и даже обсуждать эту тему — в глазах тунгусов метеорит стал священным.

Местный колорит породил трудно воспринимаемую москвичами и к ним примкнувшими модель: с одной стороны, большой метеорит и его падение, сильный взрыв, лесоповал; с другой стороны, небесное тело священо и место падения — табу. Часть кочующих охотников вообще отрицали факт взрыва. И причина такого «заговора молчания» связана была, скорее всего, не с суевериями, а с элементарным инстинктом выживания: любой повышенный интерес чужаков к тайге — это опасно, чревато разрушением традиций, устоев и, в конечном счёте, зоны обитания. И в этом молчаливом упорстве эвенков вполне можно было понять.

Так вкратце изложил своё видение событий С. В. Обручев. Сеулин терпеливо выслушал и про себя посетовал на недостаток образования. Ему изначально было неловко навязываться на встречу с крупным учёным, но Смагин, срочно вызванный к начальству, поставил вопрос ребром, и выбора не было. Робость прошла — собеседник вёл себя доброжелательно, излагал материал просто и доходчиво.

— При падении такого гигантского тела должна была образоваться соответствующая воронка, — высказался наконец Сеулин. — Такой факт

трудно утаить, даже с учётом суеверий и страха перед приезжими. Да и, кроме рассказов местного населения, есть показания приборов, записи наблюдений...

— Безусловно, — согласился Обручев. — Кратер должен быть впечатляющим. Но есть ли он? Леонид Алексеевич предположил: метеорит, столкнувшись с землёй, распался на части... В этом случае, понимаете, о кратере говорить трудно. А что касается приборов... И сейсмографы Иркутска, и барографы Киренска зафиксировали огромную массу, упавшую на землю. В отчётах именно так и говорится. Но давайте не будем фиксировать внимание на этой не совсем научной формулировке, поиграем, — Обручев бросил на Сеулина озорной мальчишеский взгляд, — словами. Приборы фиксируют, — он сделал ударение на последнем слове, — воздействие большой массы или, если хотите, силы на поверхность и атмосферу Земли. А выводы делают люди. В нашем случае сделан вывод о падении на поверхность Земли небесного тела. Однако это могло быть и падение с расколом на много частей, и падение с распылением, и даже взрыв в воздухе. В любом случае действует гигантская масса, возможно в миллионы тонн, с соответствующей кинетической энергией. А приборы этот природный факт фиксируют, и не более.

Сеулин, пришедший с вполне конкретной целью, не заметил, как увлёкся метеоритной темой. Он пытался себе представить, хотя бы общих чертах, что же произошло в далёкой Сибири в том не менее далёком 1908 году. Пытался — не получалось. Он видел и неоднократно ощущал на себе взрыв снаряда довольно мощной гаубицы. Наблюдал, к счастью, издалека, обстрел набережной крупнокалиберной корабельной артиллерией. Стал свидетелем взрыва повозки с боеприпасами, когда ни от повозки, ни от лошадей ни случилось ничего, вообще ни-че-го. А земля дёрнулась под ногами, перекосилась, прогнулась, затем резким толчком вспучилась... и швырнула его, как невесомую пылинку. С того момента он перестал верить в могущество человека. Нет, не так. Он перестал верить в физическое могущество одного человека, оставшись приверженцем неограниченных возможностей коллективного разума.

И сколько там, в повозке, было тех снарядов? Пудов десять-пятнадцать, прикинул Сеулин. Взрыв страшный, а воронка небольшая. Вот если бы заложить фугас, тогда результат был бы другой. Но сотни тысяч или миллионы тонн... Каким же должен быть этот лесоповал? Никто его не измерил, но предварительные прикидки показали: не одна тысяча квадратных километров. Это надо нарисовать хотя бы в воображении, но лучше, конечно, увидеть. Непросто. Геологи мыслят тысячелетиями, миллионными запасами угля или других полезных ископаемых, тысячами квадратных километров тайги... Им легче. Но надо постараться осознать масштаб этого природного катаклизма...

Полученная информация не была для Сеулина неожиданной. Часом раньше он разговаривал с участником экспедиции Кулика. Что дала первая экспедиция? По сути — ознакомительную информацию. Выехали поздно и неудачно — в сентябре, для Сибири это уже не самый благопри-

ятный сезон. Огонь в небе, светящееся облако, громовые раскаты, «сошедшие с ума» лошади и коровы... И суеверный — конец света! — вполне понятный ужас. И земная — артиллерийская канонада, война с японцами — паника. И лес, павший под ударами и перегородивший речку Огнию, правый приток Ванавары. Небесное тело продвигалось с юго-запада на северо-восток...

О Синельникове ничего примечательного сказано не было. Молод, горяч, романтик, в меру исполнитель, слегка строптив, работал с энтузиазмом — как и подавляющее число участников экспедиции. Горел желанием продолжить исследования, потому и напросился в поездку с группой Обручева. Маловато. Зацепиться не за что.

— Если взрыв был высоко в воздухе или близко над землёй, — предположил Сеулин, — то и лес должен быть повален соответственно. Можно проконсультироваться с баллистиками...

— И то верно, — уважительно глянув на Михаила отреагировал Обручев. — Данных мало. Но свидетельства о том, что в эпицентре деревья сохранились, имеются. Но поймите, разговоры, рассказы — это не из области науки. Это...

— Наводка! — неожиданно для себя выпалил Сеулин.

Обручев снисходительно улыбнулся:

— Можно и так, но и это из другой области.

Сеулин смутился.

— А по поводу Синельникова, Ильи... Хороший парень, наш человек, по натуре исследователь. Жалко парня. У нас геология на первом плане была. А он метеоритными опросами занимался, много с охотниками-промысловиками общался. Торговцев из фактории замучил — настырный. Насколько помню, материал собрал неплохой, планировал тропу проложить... к месту взрыва, к эпицентру. Жаль... Вещи его личные собрали, передали родственникам.

Сеулин отметил тактичность учёного: он ни разу не спросил, почему органы заинтересовались Синельниковым. Человек занят серьёзными государственными делами, понимает: не к чему задавать лишние вопросы, можно будет или надо будет — скажут.

Обручев корректно поинтересовался, бросив изучающий взгляд: «Из студентов?» Сеулин подтвердил. «Образование продолжать намерены?» Подтвердил.

— Рекомендую — учитесь. Сейчас самое время. Упустите... Сами понимаете. Романтика, порыв — это необходимо для геолога, впрочем, как и для любого исследователя. Но без серьёзной научной базы можно зайти в такие мрачные лабиринты заблуждений. Не хватает у нас в геологии основательных людей, специалистов с большой буквы — они куются годами. Пока не хватает.

— Жизнь сейчас кипит. По всей стране — кружки, добровольные объединения. Те школьники, студенты, вчерашние беспризорники, что недавно в Планерском этажерки бумажные запускали, уже самолёты строят. Впечатляет. Пропаганда нужна... — подхватил Михаил Сеулин тему.

И здесь он наконец решился, похвалив себя за плавный переход к интересующему его вопросу:

— Если б я «Плутонию» не прочёл, не поверил бы, что геология настолько увлекательная наука...

— Верно мыслите. Скажу вам по секрету, — глаза учёного изучали детское озорство, — не писатель я по призванию. Но понимаете, какая штука... Я ж за книгу эту сел ещё до войны. Хотелось дать молодому читателю в художественном, пусть фантастическом, виде, возможность заглянуть в прошлое. Заглянуть не сквозь страницы академического учебника, не посредством длительного лекциона. Нет — в форме приключения, живого участия, ярких впечатлений и переживаний. Те, кому она предназначалась, ушли на фронт. Не до книг было. Теперь вернулись, осмотрелись по сторонам и строят новую жизнь. Энергии много, но под-сказка нужна, наводка, как вы сказали.

Обручев искренне рассмеялся, видя явное смущение Сеулина, и продолжил:

— Вот это и есть моя пропаганда. — Посерьёзnel, задумался и добавил: — Путешествие в прошлое — это тоже наука. Не я первый направил своих героев туда, куда можно попасть только силой мысли и воображения. Жюль Верн, Конан Дойль... — он посмотрел на Сеулина, и Михаил прочитал в его глаза вопрос.

— Да, я читал, увлекательно, — ответил он.

— А ошибок не заметили?

— Нет, — смутился Сеулин.

— А они имеются, и в количестве, смею заверить, немало. А неподготовленный читатель принимает на веру всё. И затем идёт по лабиринту заблуждений. Так что книга эту ещё можно назвать работой над ошибками. И это — тоже пропаганда.

Сеулин задумался. Как-то он и Смагин в беседе о превратностях учёбы заспорили о свойствах памяти. Смагин упорствовал, уверяя, что в разном возрасте учебный материал воспринимается также по-разному, привлекая в качестве примера свой опыт получения образования в составе красной профессуры.

Взрослый человек, имеющий трудовой опыт и понимающий, что ему от образования надо, вполне воспринимает прямую, военную, как он выразился, подачу материала. А вот для юношей или девушек, выбирающих только свой путь, такая метода не годится, уверял Смагин. Здесь игра

нужна, живость, краски яркие... Знания желательно в красивой рамке подать. Вот вам, товарищи, и пример подачи: думаешь, что ты на мамонтов охотишься, а на самом деле азы геологии усваиваешь, подумал Сеулин и, осмелев, спросил:

— А над продолжением не думали?

— Над продолжением я не думал, зачем опять... в одну и ту же реку. Но о пропаганде помню. Сейчас в наборе новая книжка — о Земле Санникова... Гранки правлю, работы много. Надеюсь, труд этот доброму и нужному делу послужит — воспитанию молодого поколения и её величеству науке...

Сеулин уже забыл, кто он есть и зачем он здесь. Память выбросила многолетний отрезок времени, и он ощутил себя студентом — наивным, ищущим и упорным. Пришлось одёрнуть себя. Он вспомнил по пунктам маленький план, набросанный мысленно перед посещением Горной Академии, и спросил:

— Владимир Афанасьевич, фотографии из экспедиции имеются? Не могли бы вы?..

14

Четвёртый элемент

Демьян удивился, когда подошёл к искомому дому. Перед ним стояло неказистое старенькое здание, никак не ассоциировавшееся в его сознании с социальным статусом успешных предпринимателей. Подъезд был оснащён не побитым, не жжёным спичками, не ржавым домофоном, что также контрастировало с внешним видом строения. Демьян позвонил, напомнил вдове директора магазина, кто он есть. Она открыла. Демьян вошёл, и тут на него пахнуло свежестью, порядком и покоем. Чистота, цветы на подоконниках, приятные глазу тона.

На лестничной площадке между вторым и третьим этажами хорошо пристроился и, как определил Демьян, готовился справить лёгкую нужду неряшливо одетый и не в меру лохматый мужчинка. В иной ситуации Демьян, возможно, и дал бы ему хорошего пинка, но благодатная атмосфера ухоженного подъезда к излишней агрессии не располагала и лишь обострила чувство обиды и брезгливости. Нарушитель порядка, так и не приступивший к своему занятию, дёрнулся, согнулся, втянул голову в плечи и прошмыгнул мимо Демьяна вниз, к выходу. Демьян помянул пресловутую «разруху в мозгах», но развитием этой глубокой мысли терзать себя не стал.

Визит к вдове бывшего директора магазина Антона Марковича Зайда, миловидной и спокойной женщине тридцати восьми лет, ничего существенного не дал. Это был третий брак поклонника антиквариата, позволивший создать, во всяком случае, на первый взгляд, спокойный стабильный союз, вполне устраивающий обе стороны. Дурными привычками, наклонностями Антон Маркович не отличался, даже не так давно

бросил курить. Если что и было по молодости, до это — дела давно минувших дней, а кто старое помянет... и так далее. Совместных детей у пары не было, в доме — достаток, без вычурностей и глупых излишеств. Компьютера дома не было: покойный не жаловал всякого рода оргтехнику и вообще дома предпочитал отдыхать, а не заносить хозяйственные хвосты, возникающие по его убеждению только и только по причине собственной неорганизованности и склонности к имитации активного рабочего процесса.

Опрос, проведённый на работе, в магазине, тоже деталями не блистал: спокойный, не без юмора человек, хозяйская хватка — дай бог каждому, дело своё знал... Попутно Демьян попытался прояснить картину с реставратором. Работники склада, продавец, он же грузчик и на все руки мастер, подтвердили. Да, был такой, товар доводил до ума, ремонтировал, приходил-уходил, видели его редко — то в полутёмном коридоре служебного входа, то в помещении, которое мастерской можно назвать с очень большой натяжкой.

Ни бухгалтер, ни кассир понятия не имели ни о каком реставраторе, что говорило со всей ясностью о формате расчётов директора за его услуги. Небольшой, невзрачный, немногословный. Словом, от записей служебный блокнот Демьяна не распух.

Кое-что дало изучение рабочего компьютера. Антон Маркович баловался с интеллектуальными тестами, для них была выделена отдельная папка. Судя по отчётам, покойный показывал неплохие и даже иногда высокие результаты тестирования. Демьян отметил: высокие результаты достигались там, где фигурант возвращался к одному и тому же тесту многократно, что методически неприемлемо. Тщеславен Антон Маркович, тщеславен, сделал заметку Демьян. И быстро поправился: был тщеславен.

Особого интереса заслуживало другое увлечение директора. Он был зарегистрирован на интернет-ресурсе знакомств и вёл там себя вполне активно. Не обошлось без технических специалистов. Теперь в распоряжении группы имелась обширная переписка, которую предстояло изучить. Надо — значит надо, Демьян это прекрасно понимал. Не понимал он другого: неужели человек, связанный каким-то образом с криминалом, будет вести какие-то дела через амурную службу? Демьян был молод, но уже сформулировал для себя некоторые жизненные постулаты. Один из них — никогда и ни при каких обстоятельствах не впутывать в серьёзные дела женщин. Исключение — работа. Следовательно, Ирина — исключение. А значит... На этом он огромных усилием воли поток сознания, связанный с Ириной, останавливал.

Возвратившись в офис, Демьян излагал полученную информацию подробно, не спеша. Иногда Иван просил его уделить внимание некоторым деталям. Во время беседы в кабинет были доставлены результаты экспертизы. Они гласили: среди отпечатком пальцев, снятых на двери и на дверной ручке квартиры граждански Z, имеются следы Антона Марковича Зайда, заходившего в подъезд в день ограбления.

— Вы любите материться? — спросил Иван.

— Нет. Не люблю, я не сторонник мата, — ответил Демьян.

— Пользительно. Дурное это дело... — тихо сказал Иван, достал пепельницу, закурил и продолжил этическую тему: — Я тоже не люблю и стараюсь не позволять себе нецензурно ругаться, даже на рыбалке. Но иногда... ох, как хочется...

— Да я тоже... иногда... при случае... — допустил откровение Демьян.

Иван наивно полагал, что внёс в сформировавшийся абсурд расслабляющую паузу. Он ошибся. Зазвонил стационарный телефон. Демьян взял трубку и на всякий случай пододвинул служебный блокнот. Несколько секунд его лицо было нейтральным, затем оно буквально вытянулось, так как нижняя челюсть заметно провисла. Он убрал от уха телефонную трубку и тихо шепнул:

— Реставратор...

Иван напрягся, переспросил:

— Реставратор на связи?

— Нет, на проходной...

Драматическая пауза, заполненная драматическим молчанием.

Иван наконец ожил:

— На какой проходной?

— На нашей, на нашей проходной. Пришёл, ждёт, хочет встретиться... — пояснил Демьян и коротко в трубку: — Сейчас, секундочку.

— Иди встречай! — скомандовал Иван.

Демьян неуверенно встал, сбросил оцепенение и быстро вышел из кабинета. Отсутствовал он недолго, минуты три-четыре, и возвратился в компании невысокого, солидно одетого мужчины средних лет. Иван сразу решил, что незваный гость или нездоров или чрезвычайно волнуется. Бегающий взгляд, слегка трясущиеся руки и совершенно нездоровый цвет лица. Мужчина вошёл, осмотрелся, немного щурясь от света, бьющего из окна, освоился и заговорил первым:

— Остужев Михаил Юрьевич. Мне сказали в магазине, что мною интересовались. Ваш сотрудник оставил визитку... Я позвонил.

— Присаживайтесь, — сказал Иван.

Мужчина сел, придвинулся к столу.

— Какая беда — Антон Маркович... — тихо сказал он. — Мы сотрудничали, работу он мне предлагал... часто увлекательную, порой фантастическую. Было, где развернуться.

— Как он с вами рассчитывался? — спросил Иван.

— Наличными, так ему было удобно.

— А вам?

— Мне? Тоже удобно. Я понимаю, налоги и прочее... Платательщик в данном случае диктует условия...

Иван понимал, что давить на рычаг налоговых злоупотреблений нет смысла. Человек сам пришёл, внемля голосам сознательности и ответственности, хочет помочь, а мы сейчас начнём его прессовать. Он заявит, что денег вообще никаких не видел, ничего не помнит и ничего не знает... Потому решил вести разговор по существу.

По сути, реставратор повторил всё сказанное Антоном Марковичем Зайдом в беседе с Демьяном. И по поводу роста интереса к антиквариату, и по поводу особой категории клиентов «лишь бы у других не было», и по поводу сейфов: были такие, привёл в порядок, почистил, помыл, ярлычки, таблички, прочие шильдики. Иван поинтересовался, откуда они вообще взялись три одинаковых сейфа. «Кто знает, это надо у директора... Нет, теперь уже не у директора, в бухгалтерии, может, поинтересоваться...» — пожал плечами неожиданный гость.

По поводу бухгалтерии Демьян уже интересовался. И там очень даже откровенно пояснили. В основном все операции шли через бухгалтерию. Но были отдельные, как выразилась бухгалтер, «проекты», который Антон Маркович проводил самостоятельно. С целью соблюдения формальностей бумаги, конечно, выписывались, но потом эти бумаги, сами понимаете... Демьян понимал.

Демьян подробно записал все данные гражданина Остужева, не особо надеясь, что это направление поиска может дать для расследования что-либо путное: был бы реставратор в чём-то существенно запачкан, видели бы мы его. Поинтересовался, почему не отвечал номер телефона, посредством которого он общался с Зайдом. Гость пояснил: сменил карточку, для того в магазин и зашёл, чтобы новые координаты оставить.

Иван задал ещё несколько вопросов. Знаком ли уважаемый реставратор с замками сейфов? Ответ: в общих чертах, но лезть туда — упаси бог. Знаком ли Михаил Юрьевич с историей сейфов? Ответ: иногда приходится лезть в дебри, уточнить детали внешнего вида, содержание бирки, но в данном случае не понадобилось. Знает ли что-либо мастер на все руки о покупателях сейфов? Ответ: нет, ничего не знает и никогда к этому не стремится, все отношения строит и в дальнейшем регулирует магазин.

Перебросились ещё несколькими малозначительными фразами, расшаркались, раскланялись, распрощались.

У Демьяна слегка заболела голова, и он с надеждой посмотрел на кофеварку, стоящую на подоконнике. Иван поймал его взгляд и весело сказал:

— Дерзайте коллега, кофе в шкафчике на нижней полке. А вот насчёт сахара — не знаю...

Пока Демьян возился с кофеваркой, Иван ещё раз осмотрел записи на досках, что-то подправил, достал и просмотрел мобильный телефон, удовлетворённо покачал головой, почёсывая подбородок.

— Вы знаете коллега, мне кажется, мы с вами пришли к сходным выводам, которые пока не в состоянии сформулировать. Что-то выглядит из тумана, корчит рожи... В нашем деле есть два ключа, всё остальное — детали, их может быть больше, меньше...

Предлагаю не спешить и сделать перерыв... минут на пятнадцать-двадцать.

Демьяну польстил намёк на его принадлежность к выводам. Он отметил про себя, что выводов у него никаких нет, есть только чувство чего-то близкого и ощутимого, но чувство это очень зыбкое. Пренебрежительное отношение к деталям он не одобрил. Мысль о перерыве ему понравилась.

— Накрывайте на троих, коллега: Ирина на подходе! — прервал его раздумья Иван.

— Вы назначили ей? — спросил Демьян, быстро глянув на настенные часы.

— Нет, я чувствую — она уже близко. Интуиция, — пояснил Иван.

Демьян занервничал. Он уже давно отказался от своего первого, и не очень лестного, впечатления о начальнике. Но нового отношения к нему ещё не сформировал. Появляющиеся в ходе работы и общения несуразности, странные высказывания и шутки уже не обижали его. Но эти непривычные экстравагантности, дёрганая манера общения не позволяли выработать стабильную линию поведения, заставляли постоянно читать между строк и слышать, если так можно выразиться, между слов. Это создавало определённую нервозность и напряжение и, в конечном счёте, сеяло душевный дискомфорт.

Небрежная оценка деталей, слова всякие — «игра», «манечка», «третья сторона», «первый элемент», «второй элемент» не вязались с методикой расследования преступления. И вот теперь — «чувствую», «интуиция», он что ещё и телепат?

Демьян прервал свои рассуждения, заметив, что Иван устало и серьёзно смотрит на него. В глазах шефа уже не было смешинки, в них были ясность, глубина и доброжелательность. Иван подмигнул и сказал:

— Она мне несколько минут назад сбросила СМС-ку...

15

Четвёртый элемент

«Предсказание» оказалось верным. Не прошло и пары минут, как открылась дверь, и в кабинет сначала заглянула, затем впорхнула Ирина.

Влетела она шустрой бабочкой, но лицо её искромётной радости не излучало — сплошное волнение и даже страх. И здесь есть смысл сделать небольшую ретроспективу.

Иван покончил с неуместной конспирацией. Появилась ясность, согласованность действий, но оптимально распределить усилия не удалось. Пока Демьян занимался директором, Иван, дабы не терять время, перебрал тематику мажордома Косолапова на Ирину.

Это не было вершиной руководящей мудрости. Там вырисовывался довольно экзотичный круг общения, и молодая броская девица, мягко говоря, в него не совсем вписывалась. К счастью, она не комплексовала по этому поводу, что Ивана, поначалу испытывающего небезосновательные сомнения, успокоило.

Ирина легко сходилась с людьми и обладала редкостным для её возраста талантом. Во взаимоотношениях с мужчинами она находила невидимую грань в поведении, отделяющую лёгкий изящный флирт — ну, чуть больше, чем дружеский, от безвкусного ремесленного кокетства со собственными ему провокационными амурными авансами, шантажом мужской бубновой надежды и вытекающими отсюда обидами и даже озлоблением.

Она умела расположить к себе и уличного алкоголика, ещё не бывшего, что такое женщина, даже если для этого требовалось душевно, «по-братски» объяснить собеседнику, что пить в одиночку не стыдно, ибо это всё же лучше, чем с кем попало, где попало и сколько в рот попало. Такой основательный взгляд на жизнь, в том числе и на её тёмные стороны, не только мгновенно возвышал её авторитет в нетрезвых глазах до недостижимых высот, но и со всей наглядностью показывал человеку, ещё не потерявшему веру в себя: бывает и хуже, но реже, и посему шанс ещё есть.

Она могла наладить ровные отношения и со светским львом-ловеласом, даже если для этого требовалось указать визави на тот факт, что столь солидному мужественному и многоопытному мужчине вовсе не следует поддаваться слабости и уподобляться всяким там бабам-дурам, стремящимся залезть в штаны своей очередной симпатии на первом же свидании. Действовало и в большинстве случаев позволяло получить статус «умна чертовка — не из тех».

Ирина опросила двенадцать человек, входящих в круг общения мажордома. В ходе общения она проявила настолько виртуозную коммуникативность, что большинство участников опроса без какого-либо значительного сопротивления даже соглашались сфотографироваться. Необходимости в этом не было, но Ирина в работе, да и в жизни, придерживалась принципа: чем плохо, лучше никак. В ходе такой сессии, то ли с шестым, то ли с седьмым клиентом, она, неловко повернувшись и едва не сбив с ног собеседника, уронила и чуть не разбила фотоаппарат. Красноносый гражданин очень расстроился по этому поводу и витиевато извинялся. Его внешность была настолько выразительна, что и фотографировать не надо — классический генерал мусорных карьеров, хоть сейчас — в кино. Так

или иначе, восемь снимков у неё было, если, конечно, после падения камеры настройки не сбились.

Общий жизненный портрет гражданина Косолапова приблизительно понятен. Он появился в «районе» четыре года назад ниоткуда. И в этом «ниоткуда» ничего удивительного нет, хотя бы потому, что подавляющее большинство опрошенных также по оценке сторонних наблюдателей появились в районе новостроек с нарушением закона «ничто не берется ниоткуда и не исчезает в никуда».

Картинка довольно типичная. Строятся дома, появляется работа, народ собирается всякий. Приходят, уходят, статистически подбирается стабильный состав. И вот этот выживший в условиях и социальных, и бытовых неурядиц шабашнический костяк каким-то непостижимым образом закрепляется в освоенном ареале и по-своему обживает его. Разбросать чернозём по клумбам, разгрузить мебель, отремонтировать, подправить — они всегда рядом. А некоторые, самые достойные последовательные и лояльные, даже получают «постоянную прописку», долгосрочно прилипнув к хозяйскому дому: там, где хозяйство большое, всегда есть, чем заняться. К таким счастливчикам, наряду с тремя другими ценными кадрами, относился Иван Фёдорович Косолапов. Поначалу его звали почему-то на грузинский манер Вано, затем он превратился в Федорыча.

Жизнь полна парадоксов. Никто не видел его документов и не интересовался ими. Никто не знал, есть у него хоть какое-то жильё или нет. В хозяйском доме у него была комнатка в летней кухне. Но ночевал он там не всегда, хозяева этого и не требовали. Приходит человек с утра на работу, иногда ночует здесь, иногда «дома»... Сильно не пьёт, исполнитель, услужлив, не ворует, если только по мелочи, — что ещё надо? Информации много, но вся она однообразная и интереса не представляет.

Что можно было выделить?

Предварительно было известно, что незадолго до гибели завелись у Косолапова денежки. Действительно, не миллионы, но завелись. «Провернул что-то», — такое объяснение этому факту дали кореша. Не жадный — угощал. Купюры попадались крупные.

Одежда на нём постоянно была неважная, рабочая. Но постиранная и даже временами поглаженная. Хозяева его за стиркой не замечали, отметили: оно нам надо? Это уже что-то — одежда, имеется в виду.

Но есть и не «что-то». «Однополчане» Косолапова — народ наблюдательный, не лишённый склонности к праздной философии. Один отметил: стригся он аккуратно, как в парикмахерской. Привлёк этот факт внимание по той простой причине, что стрижка «цирюльне» — дело понтное и дорогое. Есть мастер, умелый, «нашенский» — его услугами все и пользовались. А Федорыч — как пижон.

Курил немного, даже когда выпьет. Самоконтроль? Или психотип такой?

И ещё. Отметили кореша, что словечки он часто вворачивал умные. И не для того, чтобы грамотность свою показать, а так — естественно, без

показухи, «словно это его родной язык». Интересно. Но кто знает, кем он раньше был? Шёл человек по ровной дороге, возможно, имел образование, работу интеллектуальную, споткнулся, упал, встал, но... пошёл в другую сторону. Всякое бывает. Но интересно.

И ещё. Отметим приятели Косолапова любопытную вещь. Знал он все новости. А откуда ему их знать? В комнатке его телевизора не было, это точно. Приёмника какого никто не замечал. С газетой его никто и никогда не видел. А новости знал. Пришлось уточнить: в чём это выражалось — рассказывал, лекции читал? Нет, пояснили, говорил мало, не спорил, но видно было, по курсам он. Как это? Вот так: «по курсам, и всё тут...» Исчерпывающе.

Книги читал? Нет, вроде. Но нашёлся один парень, Макс, — вспомнил: видели как-то раз Федорыча за книгой. «Сидел он возле кухоньки — там такая кухонька, что роту солдат и поселить, и прокормить можно! — на порожке и читал». Какая книга? «Кто ж её знает. Не помнит, он, вернее, помнить нечего — не видел. Но читал он не так, как все». Стоп-стоп-стоп... Ирина тормознула собеседника. Что значит «не видел»? Кто видел? «Как кто? Пингвин видел и мне рассказал, — пояснил собеседник. — Они ещё и повздорили». Как это повздорили? «Ну, поссорились...» Из-за чего? «Из-за этого и поссорились! Книгу он читал быстро, другие так не умеют...» Так поссорились из-за чего? «Я ж сказал: из-за того!» Убила бы, подумала Ирина.

Макс заметил гнев её глазах. Объяснил: «Пингвин тогда ему возьми и скажи: если ты такой умный, почему не работаешь, почему не начальник или бригадир хотя бы? А тот психанул, слово за слово...» А Пингвина этого где найти, спросила Ирина. «Далеко идти, — вздохнул Митяй, — на небе он, на облаках катается...» И что ж так? «Да вот так: то ли упал на кирпич, то ли кирпич на него спланировал. Нет Пингвина, но память о нём...» Опять команда «стоп».

Что ещё примечательного? — дело расследуется серьёзное! Да ничего — такой ответ. А если подумать? Если подумать, внёс свою лепту гражданин мира по кликухе Фазан, то можно что-нибудь и придумать. Пришлось внести поправку — не надо придумывать, правда нужна и только правда.

— Правда — так правда, — глубоко задумался Фазан. — Движения у него не наши, странные какие-то...

— Это как понимать, Фазанчик миленький, объясни? — взмолилась Ирина.

— Ну, правильные какие-то, что ли, не как у нашего брата...

Ирина вцепилась в Фазана, как голодная лиса. После долгих и туманных фраз, сложных междометий и нелирических отступлений поняла, о чём речь. Пьющая братия со временем приходит к явно заметной раскоординации движений. Описывать долго — достаточно посмотреть. Типичный набор. А Косолапов этому недостатку подвержен не был. Что это? Опять психотип?

Ирина воодушевилась — было, что обсудить с шефом. Имелись и предположения. Подходя к конторе, Ирина как раз и пыталась эти самые предположения упорядочить. И тут сигнал — СМС-ка — после того, как она таким же образом известила шефа о своём прибытии. Думала, что-то вроде «ОК»...

И вот Ирина присела за стол, и Демьян, сама любезность, налил в стоящую перед ней чашечку ароматный кофе.

— А мы тут решили слегка расслабиться... — пояснил происходящее Иван.

— Спасибо за кофе и... за внимание, — поблагодарила Ирина, отдышалась и не без волнения сказал: — СМС-ка...

— Спасибо, я получил, — сказал Иван. — Потому и на троих... — он указал на накрытый стол.

— Нет, я не о том. Я СМС-ку получила....

— Я не отправлял, — сказал Иван и вопросительно посмотрел на Демьяна.

— Я — нет, ничего... — смутился Демьян.

— Не, не... абонент мне не известен. Содержание...

Ирина высветила экран и протянула телефон Ивану.

Иван прочёл: «Девочки и мальчики! В квартире навер. уже воняет!»

Иван не стал зачитывать, протянул телефон Демьяну. Он посмотрел внимательно на экран.

— Ну и что выдумаете господа? — обратился Иван к коллегам.

Ирина и Демьян молчали.

— Ведь догадываетесь, ребята? Не молчите, — выдавил из себя Иван и затем продолжил в своём духе: — То, что ваш, прошу прощения, наш абонент — не эстет, в этом я убеждён. Но ещё более я убеждён в том, что надо срочно ехать. И мы все знаем, куда.

Демьян и Ирина встали. Иван смотрел то на входную дверь, но на доску, где он художественно преобразовал тематику ограбленных сейфов. Видно, какая-то светлая мысль пришла в его не менее светлую голову, и он посчитал возможным придать ещё большей густоты замешанному сумбуру:

— Мне бы надо ещё добровольцев... человек двадцать-тридцать... разных возрастов и обоего пола... Можно не всех сразу — группами и даже по одному, по графику... Да-да, лучше по одному в порядке очереди! И ещё: есть у нас в распоряжении техническая мастерская? Кстати, у меня, простите, у нас, тут папочка имеется, незавершённая, к сожалению... Время-время-время...

При этом «у нас» прозвучало не совсем уверенно. Вопрос и набор последующих реплик прозвучали явно неопределённо, и можно было предположить, что мгновенных чётких ответов он и не ждал — лишь выдал информацию к краткому размышлению.

Демьян и Ирина не продемонстрировали недоумения — сама беспристрастность. Они были разные, однако после неоднократных доверительных двусторонних бесед и нелёгких персональных раздумий пришли к единому выводу: есть смысл внимательней прислушиваться и присматриваться к экзотическому шефу — линию он гнёт довольно кривую, но кто скажет, что кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая и только прямая, пусть первым бросит в нас камень. Именно поэтому Демьян, подумав, чем чёрт не шутит, ещё раз глянул на телефон Ирины, быстро покопался в бумагах, нашёл нужную запись и победно изрёк:

— Это реставратор... с нами переписывается...

— С чем всех нас и поздравляю, — без особого энтузиазма сказал Иван, дёрнулся, как от укола, и спросил: — Какой ещё к чёрту реставратор? Он же был недавно... — Иван пошевелил губами, изображая, скорее всего, плохо переводимые обороты и скомандовал: — Звони!

Демьян протянул руку, и Ирина без тени возражения дала ему свой телефон. Демьян, действуя на автомате, нажал вызов. Через несколько секунд отрапортовал: «Нет на связи. Выключил, наверное...»

— Ты куда звонишь? — недобро спросил Иван.

— Реставратору...

— По какому номеру? — жёстко спросил Иван.

— С которого СМС-ка пришла. По тому, что Антон Маркович Зайд...

Иван хотел сказать что-то очень важное и весомое, но покосился на Ирину, тяжело вздохнул и внёс поправку:

— Звони Остужеву. Он же сказал, что сменил номер. Вон он — в бумагах! — подумал, зло улыбнулся и добавил: — А прикольно, господа, если бы ответили...

Демьян, видно, растерялся: он прекрасно помнил о смене тарифа и не понял, зачем набрал номер и что ожидал услышать. Во всяком случае его действие не было нелепым — с той стороны могли и ответить. Насчёт «прикольности» ситуации он был согласен, у него в голове даже сложился каламбур: а вдруг с той стороны — Третья сторона?

— Пусть вспомнит, где карточка, — подсказал Иван.

Демьян глянул на свежие записи и быстро набрал номер. На другом конце ответили. Демьян задал известный вопрос и получил неизвестный ответ.

— Ну что? — явно нервничая спросил Иван.

— Говорит, старую карточку украли. Вместе с телефоном... старым. Сразу не сказал, потому что не хотел вносить сумятицу.

— Кто? — не сдержался Иван.

— Какая-то мерзкая личность! — отчеканил Демьян. — Мужичонка шустрый, плюгавый, грязный — возле него в метро крутился... Возможно, он.

— А, ну теперь понятно... — с досадой и деланным пониманием сказал Иван.

Демьян и Ирина переглянулись и сделали вид, что они тут вообще не причём.

16

Зёрна

Той ночью, летней и душной, не спалось. Сокольникова Мария Ивановна несколько раз просыпалась и, дабы избежать сухости во рту, делала один-другой глоток воды из гранёного стакана, предусмотрительно поставленного на стол. Глубокой ночью она в очередной раз открыла глаза. В комнате было необычно светло, но через занавески уличный свет не просматривался, это она точно помнит. Состояние полусонное — что только не покажется или не привидится. Протёрла глаза, протянула руку к стакану и замерла.

В углу комнаты сидел племянник. Лица не видно. Она его признала, но как, до сих пор объяснить ни себе, ни кому-либо другому не может. Может, по фигуре, может, по жестике, может, по голосу... Трудно теперь сказать, но признала. Выглядел он как китаец. Почему как китаец, объяснить не может.

Илья сидел в углу, вроде, как на корточках. Угол освещался ровным светом, не ярким, словно лунным. Ужас охватил Марию Ивановну. Она много думала, после визита образованного незнакомца, известившего её о смерти племянника, о визитах покойника. Сон, воспаление мозга? Ничего на ум не пришло. Но позднее и Илья перестал её навещать, и думы тяжёлые незаметно рассеялись. И вот опять.

Если ранее, после смерти, заходил он к ней... живой, бодрый, настоящий, то на этот раз сидел в углу, писал что-то в тетрадку или книжку, да ещё бубнил вещи не совсем вразумительные.

Откуда шёл свет? Из угла и шёл — мягкий такой, ровный... Не электрический — это точно. Но и не колыхался — как от керосинки. Не как в кино, но похоже, немножечко. И лица как бы нет, но видно — он, Илья.

Мария Ивановна не уверена, но, скорее всего от страха и удивления ахнула. Племянник даже не посмотрел в её сторону — сидит себе пишет. И бубнит. И время от времени рукой, в которой карандаш, отмахивается от чего-то невидимого — как от мухи назойливой. И пишет.

Женщина замерла. Закрыла глаза и долго так лежала — может, сон этот страшный уйдёт, и она проснётся, чтобы сделать глоток воды, облегчённо вздохнуть и порадоваться — мало ли что бывает — привиделось! Она закрыла глаза. Илья не исчезал — было слышно. Она невольно полностью переключилась на слух и даже запомнила набор слов: «Какие тут сланцы, кораллы-минералы... Событие мировое, великое.... Никому дела нет. Врут, скрывают...» Что-то вроде этого. И пишет.

Затем голос стал как бы удаляться, затихать. Мария Ивановна решилась — открыла глаза, и развернулась новая картина. Видит она племянника со спины. Он спускается с покрытого высокой травой холма... Трава ещё зелёная, но снег виден — странно. Припорошило слегка. Он идёт быстро, чуть не вприпрыжку, а она как бы вслед ему с вершины холма смотрит. Он не оглядывается и слово какое-то твердит, то ли «рама», то ли «нары», «нора» или что-то другое похожее. И одет — как... старец или странствующий монах... Такая вот картина.

И тут она хотела закричать, но дыханье перехватило, дальше ничего не помнит. Проснулась, когда уже дневной свет до настенных часов дошёл — поздно, то есть. Ну, испугалась, ну, в церковь сходила... Позже не удержалась — соседке сболтнула, сначала одной, потом другой, по большому секрету, конечно.

Такой была последняя «встреча» Марии Ивановны с племянником Ильёй. По поводу «посмертных» визитов родственника Смагин Марию Ивановну просветил и даже приложил к своему объяснению необходимые документы. Женщина поняла, что и даты попутала, и рассказы Ильи о сибирских и других приключениях не совсем поняла, да и как тут понять... И незнакомец тот, сослуживец племянника, толком ничего не объяснил, а толковать надо было.

«Ну а последний раз, когда ночью? Ну, а в углу кто ж сидел? Может, не он — похожий?» — задала она тогда невинный вопрос, просвещая Смагина по поводу племянника, посетившего её в образе китайца.

Смагин тогда не стал вслух рассуждать на эту тему. Даже если «в углу сидел похожий», легче, во всяком случае, ему, от этого не становилось. Марье Ивановне — возможно: уж лучше похожий, чем покойник, тем более родственник. Но ему — нет.

Он уже полчала беседовал с гражданкой Сокольниковой — ясности никакой: покойник пишет, бормочет, гуляет по зелёным холмам... Голова шла кругом. Он не заметил, как открылась дверь, и когда посмотрел в ту сторону, то увидел заглядывающего в кабинет Сеулина, производящего странные манипуляции. Михаил держал в левой руке пачку бумаг, а пальцами правой настойчиво водил по лицу. Судя по живому блеску глаз, которые он замысловато очерчивал указательным и большим пальцами, преследовалась цель донести до начальника что-то большое, важное, тайное и им обоим понятное. Смагин не понял.

Он жестом пригласил войти. Сеулин подошёл к столу, положил перед начальником управления стопку фотографий и ловко разложил их веером. Смагин глянул на фотографии, присмотрелся к нескольким, покачал

головой и облегчённо вздохнул. Взял одну и, уже было, протянул Марье Ивановне, но передумал. Спросил её:

— А вы китайцев видели?

— Видела, давно, правда, — спокойно ответила женщина.

— Добровольцев в гражданскую? — задал наводящий вопрос Смагин.

— Не... Тех видела — красноармейцев китайских. Но они другие, не настоящие, даже в будёновках...

Смагин не случайно задал этот вопрос. Китайцы служили в Красной армии. Хорошо был известен 1—й крестьянский коммунистический полк «Красных орлов», воевавший в основном на Урале, и другие формирования китайских товарищей. Жизнь как-то свела Смагина с Николаем Толмачёвым, пламенным революционером и талантливым агитатором. Он ему рассказал, в начале 1918 года в Перми был создан союз китайских рабочих, позднее активно включившийся в боевые действия. Николай проповедовал в рядах китайских революционеров марксистско—ленинские идеи. Как он сам отметил, работа была адова, даже простые истины, которые наш российский пролетарий усваивал влёт, приходилось вдалбливать часами, днями, неделями, словом, аудитория — сложная.

В более узких кругах Смагину уточнили: китайцы не всегда и не везде служили в Красной армии добровольно, за революционную идею. Большею части платили неплохое жалованье, и были они, по сути, наёмниками. Но воевали исправно, жизнью не дорожили, зачастую отличались чрезмерной, даже по меркам войны, жестокостью, особенно в карательных акциях, учёт потерям вели неохотно, и начальство их предпочитало получать деньги на весь штатный состав, без вычета убитых. Немало китайцев служило в частях Красной армии, воевавших в Украине. Немало их волею сложных судеб оказалось и в столице.

Начальник УРР как-то раз лично столкнулся нос к носу с китайским товарищем. Был он по пояс обнажён, обмотан пулемётными лентами, потен и грязен, что в бою неудивительно. Смагин надолго запомнил безумный взгляд и звериный оскал. Возможно, нечто похожее пришлось встретить его собеседнице, человеку мирному и потому более впечатлительному, и это воспоминание, деформированное и дополненное новыми впечатлениями и фантазией, могло превратиться в навязчивый образ, её преследующий. Похоже, он был не прав. Мария Ивановна выдержала паузу и продолжила без напоминания:

— Кухарила я. А дворником был китаец. Сядет, бывало, на скамейку в шапке своей чудной... с ногами, ругали мы его ещё, за ноги ругали, и трубочку такую небольшую курит... Чудной, но добрый... Чистоту любил...

— И почему вы того... что ночью вам привиделся китайцев называете? Что общего? — спросил Смагин.

— Не могу сказать, вот похож и всё, а почему... Спаси и сохрани... — женщина вконец растерялась.

Странно, подумал Смагин.

Смагин решился и протянул ей фотографию.

— Он?

— Кто он? — не посмотрев на снимок, вздрогнула Мария Ивановна.

Затем повертела фотографию в руках, внимательно оглядела. Глаза наполнились удивлением и страхом.

— Он! — выдохнула женщина.

— Кто он? — попытался уточнить Смагин.

— Тот, что ночью, тогда, но не Илья, не он... И на того, что дворником... не похож, тоже.

Ответ был явно не исчерпывающим, но Смагина вполне устроил. Он осторожно забрал карточку и спросил:

— А что такое сланцы?

— Как? — переспросила женщина.

— Сланцы, — повторил Смагин. — Это слово произносил тот, что в углу сидел, вы мне только что рассказывали.

— А... Слова я такого не знаю... — растерянно сказала Мария. — Только помню: какие тут сланцы, кораллы-минералы...

Она вновь слово в слово процитировала бормотанье, услышанное той ночью. Смагин даже сверил по записи. Странно — помнит, просто набор слов помнит, смысл её не интересует. И такие случаи были. Он вежливо распрощался с женщиной, заверил, что «непременно разберётся, на этот раз окончательно» и поручил дежурному проводить её до выхода. Мария Ивановна ничего не поняла, но было видно: ей стало легче.

— Кто это? — спросил Смагин Сеулина, показывая на фотографию.

— Трудно сказать. Кто-то из экспедиции товарища Обручева. Даже в сухую погоду комаров там и нечисти всякой мелкой — тучи, едят заживо. Это шапка, панамой ещё называется, с марлевой маской. Обручев сказал, что сам Кулик посоветовал изготовить такие — настрадался он сам и его люди в первой экспедиции. Вот к такому решению и пришли. А руки — керосином, иначе — смерть.

Смагин просмотрел ещё несколько фотографий. Если бы его спросили, кого он на них видит, он бы ответил: «Китайских крестьян». Но если бы дополнительно спросили, почему он так думает, он бы не смог объяснить. Во всяком случае — быстро объяснить: долго бы пришлось ковыряться в памяти в поисках то ли страницы из забытой книги, то ли газетного снимка, то ли реально виденной когда-то картинки...

Беседа с Сеулиным заняла почти сорок минут. Михаил иногда сбивался, заглядывал в блокнот. Когда Сеулин дошёл до названия сибирской фактории, Смагин хлопнул ладонью по столу, затем себя по затылку:

— Как же я сразу не догадался, ведь читал отчёт, читал... Рама, нары...рама-нора...

Сеулин посмотрел на него, не скрывая удивления и озабоченности.

— Ванавара! — выпалил Смагин. — Вот что он говорил!

Воцарилась тишина. Смагин вызвал дежурного и попросил кипятка. Закурил, подошёл к окну, приоткрыл форточку. «За рекой Ляхэ загорались огни...» — услышал Сеулин. Смагин несколько раз глубоко затянулся и ткнул папиросу в пепельницу. Сеулин продолжил доклад, изредка бросая на начальника беспокойный взгляд.

17

Четвёртый элемент

Группа, впервые в полном составе, в сопровождении милиции и криминалистов прибыла, как указал Иван, к подъезду, где проживала гражданка Z, через полчаса после получения СМС-ки. Пока собирались, вызывали машину, перебросились несколькими короткими фразами. Прошло несколько минут, прежде чем они одновременно и с удивлением отметили странный факт: не сговариваясь, они все пришли к единому предположению о месте совершения третьего преступления — подъезде, где проживала гражданка Z. Надо признать, что Иван подыгрывал ребятам. Интуитивное единодушие молодых коллег его порадовало.

«Времени мало, трудно всё разложить по полочкам, — объяснял мне позднее Иван. — Если даже в голове торжествует сумбур, и векторность поиска только-только зарождается, интуиция не спит и шагает более уверенно. А что такое интуиция?» Я не стал отвечать на вопрос, подумав при этом: это ещё что за умствования, кто здесь спрашивает, в конце концов? Иван ответил без моей неоценимой помощи: «Интуиция — это совокупность неуправляемых логических операций!»

Я согласился с определением, но, откровенно говоря, оно меня не окрылило. Я понял его примерно так: если несколько человек упорно размышляют в одном и том же направлении, то и приходят они к одним и тем же выводам. Только высказывать своё мнение не спешат — по той простой причине, что оно, мнение, сырое, и вразумительно обосновать его пока трудно. Но если кто-то из размышляющих видит поползновение своего единомышленника в какую-то сторону, то понимает его без слов, ибо сам мысленно движется туда же. Расшифровав тезу Смагина об интуиции, я даже вспотел.

Все трое, разрисовывая и анализируя график входа-выхода жителей и посетителей подъезда, в разное время пришли к одному выводу: этот подъездное уравнение плюс ко всем имеющимся неизвестным содер-

жит ещё одно. Какое — не понятно, но содержит. Пока ехали в микроавтобусе, Ирина ещё раз глянула на содержание послания. Что такое «навер.», спросила она попутчиков и ещё раз показала каждому их них приличных размеров экран.

— Наверняка? — предположил Демьян.

— Вряд ли, — без особого энтузиазма сказал Иван. — Злодей наш грамотный, хитрый, слово, тобой предложенное, большой нагрузки не несёт. Не стал бы он... Но согласен — любит он, когда всё наверняка.

— Наверное? — высказалась Ирина.

— Не думаю, — буркнул Иван, подумал и неожиданно спросил: — А вы, господа, куда едете?

Демьян внутренне напрягся и приготовился выслушать поясняющее продолжение. Ирина растерялась и не скрывала своего состояния. Пауза затянулась.

— Понятно, куда, — сказал Иван. — Вы и водителю адрес назвали — по месту жительства гражданки Z.

На лице Ивана нарисовалось разочарование: все иллюзии по поводу бесструктурного взаимопонимания улетучились. Он хлопнул себя ладонью по колену и криво улыбнулся.

— Так вы полагаете — это нашу пострадавшую...того?

Молодые коллеги согласно кивнули.

— То есть, если упомянута квартира — это непременно наша ограбленная. А если бы речь шла о доме? Тогда куда ехать?

Мгновенных ответов Демьян и Ирина дать не могли. Но позднее в личной беседе они признались один другому: именно упоминание в СМС-ке квартиры натолкнуло их на мысль о возможном убийстве упомянутой дамы. А кого ж ещё? Уж слишком много непонятных фактов и событий было связано с этим злополучным подъездом. Чего-то в этой цепочке явно не хватало. Из серии ограблений третье как бы стояло в стороне и своим граничащим с нелепым содержанием буквально кричало: будет продолжение!

Самое интересное, что Иван, как он мне позднее пояснил, рассуждал также и пришёл к выводу о наличии в подъезде дополнительного пока не заметного звена. Но гражданку Z таковым не считал, вернее считал, но отчасти. Цельный недостающий элемент он чувствовал, но вычислить не успел. Он не стал тянуть время и выдвинул свою версию:

— Слово это «наверху», — сказал он. — Думаю, что преступник поначалу набрал текст без него — мол, и так догадаются. Но затем решил: а вдруг совсем тупые? И подсказал — поспешно и с ленцой. Дегенерат!

Ирина знала много бранных слов и при случае без особых эстетических угрызений могла их употребить. Однако данный отзыв о личности преступника показался ей слабоватым. Иван заметил несогласие в её

взгляде и почти через силу скороговоркой пробормотал: «Человек, обладающие неординарными умственными способностями и использующий их во зло — это и есть дегенерат. Во всяком случае — в моём понимании».

Ирина согласилась с формулировкой, но осталась при своём первоначальном мнении: слабо!

Иногда фортуна показывает тыл, иногда встречает аверсом. На этот раз получилось последнее, если, конечно, в описываемых событиях вообще уместно говорить о фортуне. У подъезда было довольно многолюдно. Полицейский, скорее всего, участковый, был явно рад прибывшей поддержке. Полную готовность к действиям демонстрировал разухабистый парень, готовый в любой момент ко всему, начиная от взятия штурмом федерального банка США до вскрытия двери в указанной начальством квартире. Рядом с ним пребывала мощная и решительная женщина, представляющая, бесспорно, начальство невольного медвежатника. И конечно, столь серьёзная драма не могла разворачиваться без несколько озабоченных обитателей подъезда.

Не надо обладать большой фантазией, чтобы догадаться о содержании оживлённого разговора: они говорили о специфическом запахе, исходящем из квартиры, расположенной этажом выше ограбленной. Ивана эта информация не удивила. Его молодые коллеги выглядели слегка шокированными, так как до последнего момента рассматривали версию шефа как маловероятную.

Пострадавшая — хозяйка квартиры, одинокая, тридцати шести лет, убита одним ударом колющего предмета в темечко. По весьма и весьма предварительным данным, преступление было совершено в день взлома сейфа Z. Признаки ограбления отсутствовали. Следы пребывания в квартире посторонних позанимались, как и анализом прочих прямых и косвенных свидетельств, всерьёз.

Иван уехал с места преступления на такси. Вышел, не доехав до офиса, и прошёлся пешком. Добравшись до кабинета углубился в бумаги. Вскоре прибыли Демьян и Ирина.

Когда Демьян доложил Ивану об отпечатках пальцев на оружии убийства — крупной отвёртке, реакция была более, чем сдержанная. Не впечатлило Ивана и известие о том, что эти же отпечатки имеются на двери убитой. Казалось бы, однозначный вывод о том, что убийца ни кто иной, как директор антикварного магазина Антон Маркович Зайд, должен был разбудить Ивана, настроить его на креативный лад. Однако из уст Ивана прозвучала скомканная и неожиданная фраза: «Понятно, а кто же ещё?»

Были основания предположить, что чашу философского покоя должно было наклонить и опрокинуть ещё одно абсурдное известие: на двери убитой женщины обнаружены отпечатки пальцев Косолапова... Иван был нем и могуч, как одинокий утёс.

Убитая — опытная и авторитетная в своём кругу массажистка, некогда даже обслуживала солидную спортивную команду пловчих. Последнее

время работала в оздоровительном салоне. Ирина разбирала собранные бумаги, Демьян с привлечёнными айтишниками «потрошил» в лаборатории компьютер.

Иван занялся просмотром подъездного диска. Он довольно долго пялился в экран и затем негромко сказал: «Стыдно, как стыдно! Никакой культуры мышления, мать её!» Ирина посмотрела на него с опаской, промолчала. Иван отметил заинтересовавшие его точки на записи, вышел в коридор и позвонил Машке.

Художница отреагировала живо. Прошло полчаса, и она перезвонила. Иван не ожидал такой быстрой реакции и уже корил себя за поспешность и недальновидность. В голову лезла навязчивая мысль: нежелательно сводить Ирину и Машку. Почему нельзя, он объяснить вразумительно не мог. Машка была уже в двух минутах ходьбы от конторы. Надо было или идти встречать или придумать повод и отменить деловое свидание. Решил — встречать.

Он встретил Машку недалеко от входа, перед этим согласовал визит с охранником. Задача художнице в общих чертах была поставлена раньше в телефонном режиме, теперь необходимо было её конкретизировать, что он и сделал по пути следования в кабинет. Они вошли. Ирина слегка приподняла брови. Иван вёл себя сурово. Дамы словно не замечали друг друга, лишь косили глазками.

Иван, не говоря ни слова, разложил фотографии Косолапова и запустил просмотр. Как ни странно, взбалмошная Машка, проникнувшись чувством большой ответственности, сосредоточилась на записи. Ирина занималась своими делами и заметного любопытства не выказывала. Иван корил себя за дурость и в очередной раз напоминал себе: пора повзрослеть! Миновали кадры, где Косолапов входил в подъезд. Машка почти прилипла к экрану. Но ещё более оживилась, когда предполагаемый злоумышленник покидал место преступления.

— Останови! — скомандовала Машка.

Иван остановил.

— Увеличить можно?

Иван увеличил.

— Чёткости можно прибавить?

Иван прибавил.

Машка по-дурацки захихикала, несколько раз ткнула пальцем в экран.

Иван быстро проводил Машку к выходу. Затем они вернулись, уединились в углу за рабочим столом Ивана. Машка что-то энергично рисовала на листке бумаги и шёпотом поясняла. Иван слушал молча, неуверенно разводил руками и недоумённо пожимал плечами. Иван проводил

Машку до проходной, в коридоре она ему почему-то сказала на прощанье: «Ванюша, ты ж умненький мальчик... Голову только не теряй. И — время тоже не теряй...» Иван сделал вид, что ничего не понял.

Когда он возвратился в кабинет, Ирина сидела за столом и просматривала бумаги. Она явно скрывала волнение, уши пылали. Оценив этот фактор, Иван мудро рассудил: «Шанс есть. А шанс — это всегда надежда! Но... такая слабая... Тоска!»

Он заставил себя отвлечься от фривольных мыслей. Отметил: как мало времени, ни на что не хватает. Расследование, проведённой Ириной в окружении мажордома, со всей ясностью показывало: этот Косолапов не так прост, как казалось... Получается он — ниточка к Третьей стороне. Упоминание пресловутой «стороны» пробудило в его памяти мимолётный разговор с Демьяном.

Иван вспомнил, что в незначительном разговоре опять навязчиво упоминал Третью сторону и давил на необходимость её поиска. Демьян соглашался, но попутно задал странный вопрос:

— А нет ли над нами другой Третьей стороны.

Иван не понял и допустил продолжительную паузу. Демьян пояснил:

— Мы всё время говорим о Третьей стороне, предполагая существование реального эффективного криминального организатора. Логично. Но ещё мы говорим о нелогичности, маниакальности поведения этого преступника. Мы, наша группа, не являемся причиной этих странностей. Во всяком случае, мы так думаем... — Демьян посмотрел на Ивана, в его взгляде был вопрос.

Иван прочёл вопрос и ответил:

— Я помню свой несуразный монолог о странностях в поведении преступника.

— Может, рядом с нами также существует некая Третья сторона, неизвестный фактор, вызвавший все эти несуразности? Просто мы его не замечаем?

Иван был впечатлён разговором.

«Есть о чём подумать — толковый парень!» — подумал он, машинально глядя на пустой экран. Он нажал кнопку, панель дисководов выехала. Он её слегка толкнул — диск скрылся. Иван вновь нажал кнопку — диск выехал. «Какой же я идиот!..» — прошептал Иван. Он посмотрел на Ирину, понял — услышала. Это была уже вторая за день грубоватая реплика. Решил отрегулировать ситуацию:

— Это я о своём... о себе.

— Понимаю, понимаю, — с улыбкой сказала Ирина. В глазах плясали чертенята.

«Дал Бог помощничков!» — подумал Иван.

Четвёртый элемент

Демьян привлёк специалистов, они путём несложных манипуляций составили полное досье на виртуальный мир, в коем последнее время пребывала убитая. Особенно Демьяна заинтересовала переписка пострадавшей в блоге знакомств. Вполне понятной была заинтересованность одинокой женщины в мужском внимании, она его добивалась довольно прямолинейно и избирательно. Речь не шла о секс-услугах в каком-либо варианте, напротив, абонент, скрывавшийся под ником MLADA, настаивала на длительных, как минимум, романтических, как максимум брачных отношениях. Переписка охватывала последний месяц, и в ней внимание Демьяна привлекла страница, родившаяся за три недели до убийства. Здесь теперь уже известная нам MLADA выстраивала бубновый путь к сердцу некого AZORa, мужчины, по его заверениям, в полном расцвете сил и жаждущего найти покой в объятиях знойной и сговорчивой женщины. Примечательным был тот факт, что MLADA показала себя в переписке настолько сговорчивой, что назвать её ветреной было бы ярким примером преуменьшения. Дело шло к очень-очень романтическому свиданию.

Демьян, как джентльмен, для которого чтение чужих писем было служебной обязанностью, сформировал довольно толстую стопку распечаток, разукрашенных цветными пометками. Тексты были довольно однообразными, в основном в одном стереотипном формате. Он поместил направление AZORa в отдельную папочку и мысленно отметил при этом, что мотивом этого своеобразного выделения «в отдельное производство» стал не только временной фактор и упоминание в тексте интимного свидания. Он чувствовал, как гончая, близость объекта поиска, но, что именно и как он это чувствовал, объяснить не мог.

Иван выслушал аргументацию молодого коллеги именно в таком туманов виде, посоветовал ему не уподобляться гончей — «инстинкт может затмить рассудок» и морально поддержал: «Чувствую я, мой друг Демьян, что в вашей светлой голове поселилась не только птица мудрости, но и её младшая сестра — интуиция!» Демьян не обиделся.

Иван просидел над папкой не менее часа. Бормотал, чертыхался и в конце концов поступил, по моему мнению, очень предсказуемо — позвонил Глебу. Тот прибыл незамедлительно, и они ещё долго колдовали над разложенными на столе распечатками переписки.

Немного времени ушло и на поиск таинственного и романтического обольстителя AZORa. Когда Иван излагал мне этот эпизод, экспромтом родился тест на сообразительность.

— Угадай с трёх раз, с кем переписывалась знойная женщина? — предложил Иван.

Мне не хотелось падать лицом в грязь и я крепко задумался. Должен отметить, что на момент нашего разговора я обладал весьма скудной информацией и посему выстроить что-то более-менее удобоваримое не мог.

Я исходил из известной мне информации, мысленно покопался в записях и предположил:

— С мажордом Косолаповым!

Иван сморщился, бросил на меня взгляд, полный разочарования:

— Не спорю — фигура примечательная, но не гусар.

— Уже не гусар! — вставил я.

Иван промолчал. Я подождал — он молчал.

Мне не понравилась эта игра в многозначительную секретность и я напомнил своему другу:

— Дорогой Иван, я не веду расследование, много из того, что вы тут накопили, не знаю. Моё предположение не так уж глупо, особенно с учётом того, что я переписку, на которую ты ссылаешься, не видел, дат развития эпистолярных отношений не знаю, и вообще...

Иван не дал мне договорить и коротко бросил:

— Это директор!

— Какой ещё директор? — немного опешил я.

— Антон Маркович Зайд — любитель антиквариата и... гусар.

— То есть, она с ним переписывалась? — спросил я, и в моей голове закрутился довольно сложный мыслительный процесс с признаками векторности. Довольно быстро я понял, что векторность эта самая уперлась в три сосны.

— Не утруждай себя: ничего конкретного это пока не даёт, только усложняет, спокойно сказал Иван.

— Ты меня успокоил, — таков был мой ответ.

Иван быстро переключился, и я стал не замечаем. Мой любезный и воспитанный друг стал звонить какому-то консультанту. Из разговора, вернее из той части разговора, что вёл Иван, я понял, что на другом конце сидит какой-то историк, специалист по XIX веку. «Цифры, факты, имена, даты... — меня всё интересует!» — давил на собеседника Иван. Он оперировал в основном междометиями в отрицательной и утвердительной форме, говорил кратко, пару раз даже перешёл на немецкий язык, чего я ранее за ним никогда не замечал.

Мобильный телефон убитой не был обнаружен. Ирина сделала подборку из обрывков бумаги, листков, вырванных из блокнотов и даже салфеток с полушифрованными пометками. Покойная педантизмом не страдала. Всё это богатство содержало номера телефонов, имена, адреса. Графическим инструментом были ручка, карандаш, фломастер и даже губная помада. И всю эту информацию необходимо было в кратчайшие сроки проверить и перепроверить. Ирина понимала: бумаги следует как-то дифференцировать — невозможно здесь действовать методом тыка. Но не

могла пока обозначить критерии, по которым можно было систематизировать весь этот винегрет. Она пыталась сосредоточиться, но в это время в коридоре слышались неясный шум, краткие и крепкие реплики, с шумом открылась дверь, и двое крепких ребят в рабочих спецовках внесли в кабинет здоровенный картонный ящик.

— Куда? — спросил усатый и могучий.

— Туда! — показал рукой в угол Иван.

Грузчики удалились. Ирина посмотрела на коробку без особого удивления. Демьян слегка встревожился, так как понял своими индуктивными мозгами, что в картоне что-то упаковано, и это что-то придётся распаковывать и, возможно, кантовать. Иван не спешил с ожидаемой командой, что Демьяна нервировало.

— Коллеги, прошу внимания! — сказал Иван.

Юные дарования оторвались от своих непосредственных дел и постарались посмотреть на шефа по возможности добрыми и признательными глазами.

— О добровольцах помните? — спросил Иван.

Детективы согласно и с пониманием кивнули.

— Возраст? — спросил Иван.

Кивнули.

— Левша-правша?

Кивнули.

— Помещение... сами знаете. Начинаем завтра. Надо поставить ширму, чтобы люди не отвлекались.

Кивнули.

19

Зёрна

Сито, запущенное по городу, и двойное сито, охватившее места повышенного внимания, дали результат. Поступил сигнал из ювелирного. И сигналом-то эту информацию было назвать трудно — так, зацепка. Может, и вывести куда, может, и пшыком полным обернуться. Как бы то ни было, в сложных делах мелочей не бывает. А это дело не их простых.

Арсентьев не стал играть в строгости, да формальности — времени нет! — и направился в указанный Смагиным магазин. Предварительно было известно: немолодая просто одетая женщина предлагала оценить какие-то камешки. Ну, мало ли кто приходит в ювелирный, горя желанием улучшить своё материальное положение, подкупить продуктов, случаев таких видимо-невидимо — за всеми не уследишь. Примечателен здесь тот момент, что женщина, показывая камушки, то ли по простоте душевной,

то ли по причине чрезмерной болтливости, а скорее всего на почве волнения долго и нудно рассказывала приёмщику о родственнике, доставившем эти камушки из Сибири.

Сибирь — это понятно, в любом случае уточнить, доработать следует такую информацию. Смутила Смагина фраза: «какие-то камешки». Ну, сказал бы так человек далёкий от всяких там драгоценностей и самоцветов, было бы понятно. Но — ювелир... Сказал бы старый солдат Арсентьев, принятый на ответственную работу в УРР, «какой-то пистолет»... Не понял бы его товарищ Смагин, наверняка, не понял. Так же и ювелир...

Арсентьев, добрался до магазина пешком — недалеко. У входа стряхнул снег с обуви, зашёл, поздоровался, представился — всё, как и требовал товарищ Смагин. Продавец, он же приёмщик — само радушие, хотя пальцы слегка дрожат.

Беседуя с приёмщиков, Арсентьев отметил: слегка волнуется, но только слегка, старается помочь органам, не юлит и даже доброжелателен...

Странно, подумал он, может, ювелирные и прочие там торговые работники тоже могут быть искренними строителями нового общества? В голове оно как-то не укладывается: вроде — чуждый элемент... Но ведь не может новая жизнь состоять только из пролетариата, крестьян, заводов, фабрик, полей?... А учителя? И кино кто-то же снимает? И книги пишет... И те же Смагин и Сеулин столько их прочли, что ему, Арсентьеву, порой стыдно становится... Учиться надо! А учить кто будет? Даже он, Арсентьев, начав получать повышенное денежное содержание, стал подумывать о приобретении в подарок жене какой-нибудь красивой безделушки — просто красивой. И что б ей понравилось. Что здесь плохого?

Арсентьев раскрыл блокнот, помечал основные моменты. Ювелир дополнил уже известную картину. Теперь родственника нет, пояснила посетительница. Что значит «нет», не уточнила. Камушки, надо полагать теперь ничьи, а ничьих камушков не бывает, так как, если по совести они — её. А они могут и ценность какую представлять — стал бы он, родственник, за тысячу вёрст их тащить в столицу...

Женщина — тёмная, и для неё тысяча вёрст — географический предел. Приёмщик не стал её поправлять по поводу географии, но вопросом о целесообразности доставки камней в столицу также озадачился. Но пыл его быстро пропал. Во-первых, посетительница сообщила, что родственник её каким-то образом с камнями, минералами всякими связан... Геолог, предположил ювелир, а это многое объясняет. Во-вторых, осмотр ничего обнадеживающего не дал — не входят камешки в перечень товара, представляющего ценность.

— А сколько их было? — спросил Арсентьев.

— Три. Три было предложено на осмотр. А сколько их всего, это можно у граждански той узнать, — ответил ювелир и оценивающе посмотрел Арсентьева. В его взгляде можно было прочесть: её-то вы быстро найдёте, непременно найдёте.

Арсентьев вежливо поинтересовался: ну, пусть не ценные те камешки, но что это такое — название? И тут приёмщик пояснил: делу ювелирному он обучался, так сказать, из рук в руки, из головы в голову. Пришёл учеником, прибирал, мыл, смотрел... Так и выучился. Но специального образования не имеет, и потому знания его «от сих до сих». Ограничены рамками торговли, сформулировал про себя сказанное Арсентьев.

— А выглядят-то как?

— Как вам сказать... Я как-то давно помогал печку топить, и использовался там уголь-антрацит — блестящие такие зёрна попадались. Неровные, небольшие, вытянутые, овальной, то есть, формы, миллиметров пятнадцать на десять. Тщательно я не проверял, но предварительно могу сказать: твёрдые неимоверно. Специалистам бы посмотреть, может, и есть там интерес какой... А нам проку нет. Есть такая наука минералогия. Вот её сыны, науки этой, желательно, сыны достойные, могли б что-нибудь подсказать. Сдаётся мне, это по их части.

Вопросов никаких ювелир не задавал. К рекомендации «не разглашать» отнёсся с пониманием и даже напоил чаем с печеньем.

Арсентьев шёл в управление быстро и с некоторой неловкостью вспоминал, как хотел на днях отказаться от комплекта тёплого белья и портянок в пользу тех, кто больше в них нуждался. Конкретный адрес своего потенциального пожертвования он назвать не мог, так как прикинул и пришёл к выводу, что нуждаются очень и очень многие. Смагин оценил его бескорыстие, однако коротко и довольно жёстко пояснил: работники ему нужны здоровые и здравомыслящие. Если такие, как он, Арсентьев, и многие, и многие другие сотрудники, находящиеся на важной государственной службе, будут здоровы и работоспособны, то и бедных, голодных и раздетых будет становиться с каждым днём меньше.

Хорошо всё растолковал Андрей Викторович. И тёплые портянки очень даже к месту оказались — идёшь, и душа радуется. Даже сосредоточиться можно и на результатах беседы, и на других мыслях, способствующих добротной работе управления. Арсентьев выбрал момент, что б не было рядом прохожих, и несколько раз попробовал чётки и ясно выговорить слово «минералогия». Не сразу, но получилось. Так и с учёбой.

Интересно, к примеру, беседовать с Сеулиным — студент, образованный. Иногда как загнёт, голова кругом. Рассказывал как-то о писателе английском, уверял, что он, писатель, заглянул в своих мыслях настолько далеко в будущее, предсказал такие ещё не освоенные направления и в науке, и технике, что нынешнее поколение осознать это даже не в силах. Сеулину можно верить, и даже нужно. Есть такие люди, как этот писатель, — большие, мощные. Потому, наверное, и в Кремль его допустили, с Лениным беседовал...

Арсентьев намеревался ещё до доклада пригласить через дежурного женщину ту самую, фамилию забыл: понятно, о ком идёт речь. Но никого вызывать не пришлось. Сокольникова Мария Ивановна была уже у Смагина.

Вела она себя, как и ранее, простодушно. Отхлёбывала горячий чай из блюдечка. Каялась слегка, что сразу о камешках не рассказала. Но — откуда ей знать, что они товарищам начальникам интересны? Камни, они и есть камни — не алмазы-брильянты... Думала, хоть какую-то копейку стоят. Оказалось — нет, ничего они не стоят и никому они не нужны. Тяжко вздохнула, задумалась.

На этом вздохе и зашёл Арсентьев. Чаек с морозца не помешал.

— Ну, и где они теперь? — спросил Смагин.

— Нет их, будь они неладны, ещё и страху натерпелась.

— Сколько их было? — спросил Смагин.

— Три, — ответила Мария Ивановна.

Арсентьев кивнул, глядя на Смагина.

— Всего три — не больше? — уточнил Смагин.

— Только и было три.

— И где они сейчас?

— Нет их, украли.

— Они ж никому не нужны... Зачем их красть? — спросил Смагин с некоторой досадой.

— Кабы он знал, что они никому не нужны...

— Кто он? — Смагин повысил голос.

— Грабитель, жиган, ну, на улице...

— Мария Ивановна, — голос Смагина приобрёл твёрдость. — Подробно, где, когда, как и кто ...

Картина нарисовалась такая. Выйдя из ювелирного, Синельникова направилась домой. Грабитель, молодой парень, видно, там её заприметил и шёл за ней, выбирал удобный момент. В руке, в правой, Мария Ивановна держала небольшую сумку, подарок, кстати, того же племянника. Вот как раз напротив подворотни парень тот сумку и рванул. А камни те лежали сверху в сумке, в тряпицу завёрнутые. Сумку он выхватил, и пока пострадавшая соображала, что же произошло и что теперь делать, грабитель шмыгнул в подворотню, и след его простыл. Ценного особо в сумке не было...

В плане городском, как, впрочем, и в любом другом, Мария Ивановна не разбиралась, однако достаточно подробно описала место происшествия. Вот здесь, в этой подворотне, и наблюдал неудавшийся инженер, вполне удавшийся полиграфист и поклонник поэзии Пелехов Иван Андреевич романтическую сцену у костра на фоне сосен. Один из приглашённых экспертов пытался на основе показаний Пелехова определить деревья, как кедры. Но его разбил в пух и прах другой приглашённый эксперт, пояснив: то, что в обиходе часто называют кедром, является ничем иным,

как сибирской сосной, а этой принципиальной ошибки желательно избегать... Спор был жаркий, пришлось даже вмешиваться, одёргивать и успокаивать.

Смагин попросил описать грабителя — на всякий случай. И так было ясно, о ком речь: вырисовывался Гопа, он же Свирский. О нём почти забыли, что было жестковато, ибо пребывал он до сих пор в камере. Не голодал, лишениям не подвергался и, что не удивляло, на волю не просился. Какая тут воля, если по подвалам медведи бродят? И только ли по подвалам?

Задал Смагин гражданке Сокльниковой ещё один давно волнующий его вопрос:

— Почему же вы не сказали сразу, что племянник ваш проживает в Ленинграде?

Ответ был более чем оригинален.

— Ну, тогда он Петроградом назывался, — весело заявила женщина. Подумала, потеряла рукав старого пальто, удивлённо посмотрела на Смагина, что означало «неужели такие простые и понятные вещи надо пояснять?» и заговорила: — Я вам товарищ начальник и говорила «заходил в гости» — приезжал то есть. А давно, когда он жил в Москве... то забегал на чаек!

Логика была убийственная. Смагин ещё раз настроил себя на реализацию ёмкого тезиса, актуальность которого только что была ещё раз бесспорно подтверждена: «Век живи — век учись».

Смагин попросил Сокольнику подождать в коридоре. Арсентьев быстро изложил информацию, полученную при посещении ювелирного магазина. Смагин внимательно выслушал.

— Неимоверно твёрдые, говоришь... — пробормотал он, пристально глядя в окно. — Как антрацит? Блестящие? Где Сибирь, там и медведи. А где медведи, там и Гопа! — перевёл взгляд на Арсентьева и живо скомандовал: — Ну, что? Оpozнание?

Арсентьев кивнул, встал из-за стола и пошёл к двери.

— Пусть Мария Ивановна войдёт, — сказал вдогонку Смагин.

20

Четвёртый элемент

Иван, назвав себя идиотом, не собирался долго находиться в таком незавидном статусе и быстро исправил положение. Он затребовал всю историю записей камеры наблюдения и потратил немало часов на её просмотр. Итогом этой кропотливой работы стал очередной звонок Машке. На этот раз он предложил ей взять с собой Глеба. Через пару минут спохватился, поняв, что его начальственная позиция может быть неправильно понята, и перезвонил персонально Глебу, объяснил ситуацию.

Парочка не заставила себя ждать. Глеб позднее признался, что отнекивался, как мог, так как не горел желанием видаться с Иваном на работе — «для этого есть более приятственные места», но Машка уговорила, намекнув на некоторые дипломатические тонкости и пресекла фантазию супруга, заявив: «Пива не будет — нам и так хорошо!». «Тонкости» Глеб оценил уже на месте, увидев Ирину, пребывавшую здесь же в просторном кабинете.

Смагин представил своего друга Ирине, после чего Машка властно, по-хозяйски увлекла Ивана в дебри компьютерных исследований. Ирина нервничала. Глеб на длительное время оказался не у дел, что его не воодушевляло. Он скучал и время от времени косил глазом в известную сторону. Иван выбрал момент и незаметно для окружающих показал ему кулак, кстати, весьма не маленький. Глеб изобразил лицом: я вообще в вашей Вселенной человек случайный...

Иван прекрасно понимал, что есть служебная тайна и этика. Но Глеб — это не случайный прохожий или шапочный приятель. Поэтому Иван позволил себе процедурное легкомыслие и кратко ввёл своего друга в курс проблемы. Машка вникать не пожелала и быстро набросала на листе бумаги дружеский шарж на Ивана, где он был изображён в виде большого стилизованного знака вопроса. Глеб всё выслушал, отметил, что в спортивной команде массажист — человек чрезвычайно уважаемый. Подумал и добавил: «У неё должна быть частная практика, ибо в салоне, если не хозяин, ни черта не заработаешь...»

Иван бросил взгляд на Ирину, и она без слов открыла сейф и извлекла картонную коробку с бумагами. Её поиск стал целенаправленным.

Предложенные Иваном тексты Глеб небрежно свернул и пообещал рассмотреть «как только, так сразу».

Ирина и Глеб готовы были распрощаться и покинуть помещение, как после осторожного стука в дверь появился господин Остужев. У дверей образовалось маленькое столпотворение. Иван долго извинялся перед реставратором за доставленное беспокойство. Глеб и Машка выскользнули за дверь, предоставив Ивану возможность заняться приглашённым посетителем.

Иван затеял с реставратором довольно пикантный разговор. Ирина пару минут послушала и деликатно вышла. Речь шла о возможных амурных похождениях директора антикварного магазина.

— Мы не были настолько близки, чтобы обсуждать такие интимные стороны жизни, — пояснил Остужев. — Я даже затрудняюсь сказать, как он строил отношения со своими работниками. Я имею в виду особ женского пола.

— Понимаю, понимаю, — заверил Иван. — Просто обстоятельства сложилось так, что мы вынуждены собирать информацию по крупинкам, по бусинкам. Появились веские основания предположить, что Антон Маркович в женском вопросе, так сказать, не совсем праведник. Но это —

дело личное, для общественности закрытое. Закрытое... до тех пор, пока не приводит к последствиям резонансным, трагическим. Понимаете?

— Безусловно, — ответил Остужев. — В такого рода... аномальностях нельзя забывать о последствиях. Чем я-то могу помочь? Если только... Приходилось мне неоднократно бывать в кабинете Антона Марковича. Компьютер, понимаете, под углом стоял. Создалось у меня впечатление, что использует он его больше для баловства, развлечения. Ни разу не видел, чтобы у него какая полезная программа была открыта. То девочки, то острова с пальмами.

— А подвигами своими на этой ниве он не делился? — спросил Иван.

— Нет, нет — не те отношения, — заверил Остужев.

Иван затронул щекотливую тему о возможных связях гражданина Зайда с уголовными элементами: может, авторитетный реставратор даст какие наводки в этом направлении при полной, естественно, конфиденциальности. Остужев ответил просто:

— Думаю, не надо обладать большой прозорливостью, чтобы предположить определённые связи человека, всерьёз занимающегося антиквариатом, с определёнными лицами. Это аксиома. Притом аксиома известная и мне, и вам. Потому я никогда даже не пытался выйти за рамки своей компетенции: меньше знаешь — больше проживёшь.

— Видимо, Антон Маркович где-то нарушил это золотое правило, а то и взял на себя нетипичные функции, — задумчиво произнёс Иван.

— Возможно, — согласился с ним Остужев. — Это сложная система отношений, в основе которой лежат деньги, большие деньги. Туда легко войти, но вот выйти... сами понимаете...

— Понимаю, — сказал Иван.

21

Четвёртый элемент

Согласовать с генералом проведение эксперимента в кабинете не удалось. Иван на это особо и не рассчитывал. Корнеев занял в этом вопросе жёсткую позицию, однако выделил в помощь двух крупногабаритных молодых людей, которые перетаскивали здоровенный картонный ящик в небольшой спортзал. Сюда и были приглашены добровольцы, организованные Ириной и Демьяном. Ребята сбились с ног, вылавливая и собирая до кучи участников этой странной акции, и чуть не натёрли мозоли на языках, повторяя перед приглашённой публикой бесконечное количество раз постановку задачи и отвечая, вернее, умело не отвечая, на вопрос: «А зачем всё это?»

Задача была простой. Ответ на перманентный вопрос также не блистал оригинальностью: «До обработки полученных в ходе исследования данных какие-либо разговоры на эту тему неуместны!» Спрашивающая сторона догадывалась, что к «обработке данных» привлечена не будет и

уж тем более ей не представится возможность ознакомиться с результатами столь важной многосложной работы. Но шанс познать тайну во взгляде всё равно просматривался. В принципе, отказная фраза была не такая уж и сложная, но если повторить её в различных вариантах несколько десятков раз, то состояние молодых коллег Смагина можно понять.

Приглашённые люди разных возрастов, разношерстно одетые и, судя по поведению, принадлежащие к разным культурным формациям, заходили за ширму и довольно быстро проделывали там известные только им и организаторам манипуляции. Выходили с азартным блеском в глазах, который сочетался с явным недоумением. Ирина и Демьян педантично фиксировали данные экспериментов. При этом они перебрасывались удивлёнными, граничащими с возмущением взглядами и уповали на то, что многоуважаемый шеф затеял всю эту возню не по приколу, как, например, вчерашний, продлившийся более двух часов разговор, содержанием которого стало обсуждение многочисленных второстепенных и вообще несущественных деталей, дополнивших и без того мутное и тревожное содержание последних дней.

Серьёзная интрига разворачивалась на улице, куда с чувством глубокого удовлетворения выходили участники эксперимента. Дело в том, что каждый из них получал инструктаж индивидуально и держал его в соответствии с предложенными и взаимно принятыми правилами игры в секрете. Но каково были их разочарование и чувство осознания абсурда, когда они узнавали в ходе краткого обмена мнения, что их задания были одинаковыми, а действия весьма и весьма похожими. Народ слегка негодовал и, немного покучковавшись, расходился поодиночке и мелкими группами: некоторые, видимо, решили продолжить завязавшийся экспромтом обмен мнения в более творческой обстановке.

Смагин в столь интересном действе участия не принимал, ждал результатов. Он был чрезвычайно увлечён чтением документов, собранных в довольно толстую папку с тесёмками. Она содержала компьютерные распечатки, вырезки и их копии из газет, чертежи, фотографии и даже тексты на иностранных языках с приложенными к ним переводами и без таковых. Время от времени он шептал: «Игорь, ты гений! Гений и зануда! Я бы — чокнулся!». Поясняя, речь идёт не обо мне, имелся в виду какой-то другой Игорь, как я в тот момент предполагал, большой дока в истории науки и техники.

В тот день я на правах друга и летописца заскочил в кабинет к Смагину. К моему удивлению, он принял меня, угостил кофе и даже переброевался несколькими словами. Затем без всяких предварительных пояснений сунул мне в руки пару листков бумаги. Я посмотрел. Небольшая газетная вырезка из рубрики, как я предположил, «криминальная хроника». Отрывок текста-оригинала на французском, к нему приложен аккуратный листочек с переводом.

«Как наша газета уже сообщала уважаемым читателям, ограбление ввело в состояние шока хозяев мануфактуры и извещённую об этом гром-

ком событии общественность. Нет сомнения, что после такого трагического пассажа господ, оперирующие большими суммами наличности, вспомнят о существовании банков. Сумма украденного держится в тайне, однако наши источники уверяют, что речь идёт о годовом доходе известного всем горожанам предприятия, где, как известно, трудится более сотни наёмных работников, объединённых крупнейшим в нашем городе профсоюзом.

Оба охранника, вооружённые огнестрельным оружием, были усыплены с помощью неизвестного химического вещества (предположительно хлороформа, используемого в медицине). Затем преступник или преступники беспрепятственно проникли в помещение управления, вскрыли сейф и похитили огромную сумму наличности. Примечательно, что пребывавшие на территории управления сторожевые собаки преступников не тронули и никакого беспокойства не выказали.

Однако главной сенсацией является тот факт, что сейф производства уважаемой немецкой фирмы, пользующейся международным признанием, был вскрыт без взлома и в кратчайшие сроки, что по заверениям авторитетных экспертов технически невозможно. Из компетентных источников нам стало известно, что полиция в качестве основной версии рассматривает возможность тайного и коварного заговора, участниками которого могли быть члены правления или работники мануфактуры, входящие в состав руководства или приближённые к нему.

Следите за последующими номерами: рано или поздно всё тайное становится явным...»

— Ну, и что ты думаешь по этому поводу? — спросил Иван.

Ну, что я мог подумать. Во-первых, наши нечистые на руку предки, жившие в конце XIX века, не сильно отличались от нас в части алчности и желания жить за счёт общества или богатых сограждан. Во-вторых, и тогда были господа с криминальным талантом, действия которых получали широкую огласку. В-третьих, описанный случай походил на расследуемые Иваном и его группой криминальные деяния, как, впрочем, и многие—многие другие аналогичные преступления.

Так примерно я Ивану и ответил.

— Ты знаешь, дружище, — продолжил Иван. — Если бы не углублённое изучение вопроса, которое я вынужден был провести, я бы тоже так отреагировал. Но теперь... — он отхлебнул кофе и, пожалуй, не менее, чем на минуту, уставился в поставленную на стол пустую чашку. Я даже последовал его примеру и тоже заглянул — пусто, никакой истины. Иван очнулся и продолжил: — Дело в том, что сейфы были такой сложности, что открыть их было невозможно. Понимаешь? Невозможно! Не зная кода, конечно. Потому и стала рабочей версия о наличии заговора в руководстве. Иван прошёлся по комнате, выглянул в окно, произнёс сакраментальную фразу: — А ведь где-то есть и нормальная жизнь — полная света, радости, надежды...

Возвратился на своё рабочее кресло и как ни в чём ни бывало продолжил:

— А когда все силы брошены на раскрытие заговора в таком гадюшнике, истина — сам понимаешь... А что если сейф всё—таки взломали?

— Ты же сказал, что это невозможно? — возразил я, всё ещё не понимая смысл и направление реплики, брошенной у окна.

— Ничего невозможного нет! — твёрдо заявил Иван. — Наши же сейфы взломали. Не могло же быть заговора в трёх домах? Вопрос в том — как взломали...

— Надеюсь, вы продвинулись? — опрометчиво спросил я и приготовился получить отлуп. Однако Иван отреагировал спокойно:

— Я тоже надеюсь. Я этого гадёныша пришпилю булавкой к стене.

После такого многообещающего заявления я откланялся и ушёл. В ходе общения я также узнал, что часть бумаг по делу была отдана Глебу, и у него после их тщательного изучения появились кое-какие полезные выводы. Я согласен, что не всё мне дано понять в сложной и запутанной истории. Но этого шага Ивана я не понимал совершенно — ну, Глеба-то зачем впутывать? Он не имеет о преступлениях и витиеватостях расследования даже поверхностного представления. Чем он может помочь?

22

Зёрна

Илья Синельников возвратился домой, в Петроград, в начале 1922 года. Экспедиция продолжалась без него, и он очень жалел, что не смог дойти до финала этого удивительного по своим масштабам и новизне исследования. Причина банальна — начальство его отозвало, производственная необходимость. Прибыв в Горный институт, Илья Петрович, небеталаный геолог и уже не зелёный сотрудник, понял, что никакой необходимости не было. Отпустили как-то невзначай, между делом, и отозвали так же. Оспаривать решение было поздно и бессмысленно. Включился в текучку, но информации, впечатлений было столько, что никакая тягомотина не пугала: душа его всё ещё блуждала по сопкам, среди сибирских сосен и лиственниц.

Если быть откровенным, признавал Илья, даже при таком нелепом раскладе ему всё равно жутко повезло. Тема метеоритная его, безусловно, интересовала, но о том, что удастся попасть в сибирскую экспедицию, он даже во сне не мечтал. В августе 1921 его вызвали в кадры и буднично сообщили: формируется сборная метеоритная группа, есть решение — большой палец показывает вверх — его откомандировать. Именно тогда был вскользь упомянут гигантский метеорит, падение которого произвело в своё время немалый фурор. Через тринадцать лет, как ни удивительно, это, по сути, планетарное событие был почти забыто. У Ильи чуть дыхание не перехватило. Взял себя в руки, помялся для вида, согласился.

Стал готовиться и ждать. По привычке собирал предварительный материал. Добыть газетные вырезки было практически невозможно, поэтому скрупулёзно переписывал найденную информацию от руки и с каждой новой записью всё более и более проникался приподнятым романтическим настроением.

«17-го июня утром, в начале 9-го часа, у нас наблюдалось какое-то необычное явление природы. В селении Н.-Карелинском (вёрст 200 от Киренска к северу) крестьяне увидели на северо-западе, довольно высоко над горизонтом, какое-то чрезвычайно сильно (нельзя было смотреть) светящееся белым, голубоватым светом тело, двигавшееся в течение 10 минут сверху вниз. Тело представлялось в виде «трубы», т.е. цилиндрическим... Приблизившись к земле (лесу), блестящее тело как бы расплылось, на месте же его образовался громадный клуб чёрного дыма и послышался чрезвычайно сильный стук (не гром), как бы от больших падавших камней или пушечной пальбы...»

«Как рассказывают очевидцы, перед тем, как начали раздаваться первые удары, небо прорезало с юга на север со склонностью к северо-востоку какое-то небесное тело огненного вида, но за быстротой (а главное — неожиданностью) полёта ни величину, ни форму его усмотреть не могли. Но зато многие в разных селениях отлично видели в том месте, где было замечено облако, но пониже последнего, на уровне лесных вершин, огромное пламя. Сияние было так сильно, что отражалось в комнатах, окна которых были обращены к северу. Сияние продолжалось не менее минуты — его заметили многие бывшие на пашнях крестьяне. Как только «пламя» исчезло, сейчас же раздались удары».

Газета «Сибирская жизнь» писала, что на приисках Гавриловском и Золотой Бугорок «все почувствовали сотрясение почвы, сопровождавшееся сильным гулом, как бы от грома, вслед за которым последовали ещё два, но более слабых удара, потом ещё не менее 10 ещё более слабых. Постройки приисковые издавали треск и скрип, так что люди выбегали со страхом на улицу; бывшие на работе рабочие замечали, как тряслись «кулибинки» (золотопромывочные машины), и от земли поднималась пыль, что вызвало панику и бегство с работ. На Гавриловском прииске лошади падали на колени, на Золотом Бугорке с полок падала посуда».

Решение о сибирской компании было принято постановлением Государственного Учёного Совета ещё в мае. Но пока суть да дело — получение денег, утряска технических сложностей с оснащением, лето закончилось. Основной состав выехал из Москвы в конце августа, кое-что добрали в Петрограде и затем был взят курс на Сибирь, Канский округ. Здесь, в Петрограде, Илья и присоединился к экспедиции. Планировалось осенью выполнить исследования в далёких краях, а зимой, не забывая метеоритной темы, поработать в Саратовской губернии. В пути Илья со слов Леонида Алексеевича Кулика, человека упорного, властного, фанатичного исследователя, узнал, что организация экспедиции встретила большие трудности, прежде всего, в самой Академии Наук, где её поддерживали только академики В. И. Вернадский и С. Ф. Ольденбург, чем был премного удивлён.

Правительство предоставило учёным специальный вагон, из окон которого переполненный чувством волнительного ожидания геолог наблюдал беспредельную ширь сибирского «моря», окрашенного в цвета богатой сибирской растительности, сдобренные ярким солнцем.

Илье, охваченному тайной филимоновского метеорита, не сразу удалось перестроиться на педантичную исследовательско-собираТЕЛЬскую работу. Только анкет с вопросами на метеоритную тему было распространено около двух с половиной тысяч! Он понимал, чувствовал, цель Кулика — найти гигантский метеорит. «Кусок другой планеты! Далёкой планеты! Миллионы километров... и вот он здесь, на Земле. Вы представляете? Он лежит недалеко, он есть, и мы его можем найти. Это наш небесный гость, это — материя иного мира!» — так кратко излагал свои надежды и планы Леонид Алексеевич Кулик.

Илья быстро понял и другое: цель экспедиции — провести системные, подготовительные исследования на огромной сибирской территории, и в этих исследованиях поиск тунгусского дива — не единственная и, формально, не самая главная задача.

Интересная информация о небесных гостях была получена в Тюмени. В Омске энтузиастам достался монолитный железный метеорит весом более двенадцати килограммов. Великолепный образец предоставил местный сотрудник-минеролог, а добыт он был крестьянами во время вспашки поля. Ценные свидетельства были собраны в Енисейской губернии. В Канске более-менее комфортный этап путешествия закончился — разрешение из Москвы на пользование спецвагоном запоздало, и местное начальство по части железной дороги его опломбировало, любезно позволив выгрузить на станции все богатства экспедиции. Так в Канске возникла база экспедиции.

Исследования, выполненные в Канском районе, позднее в Томске и других регионах позволили предположить: метеорит мог упасть в районе реки Огнии, левого верхнего притока реки Ванавары, правого притока Средней или Подкаменной Тунгуски.

Трудно было поверить, но местные жители рассказывали об огромных даже по сибирским меркам площадях, заполненным поваленным ударной волной лесом. Разговоры, полные научных надежд, о гигантском метеорите продолжались, однако нельзя было не согласиться с фактором, неумолимо эти надежды разрушающим: свидетели отмечали несколько громopodobных ударов, что косвенно указывало на разрушение небесного тела и падение его частями. О кратере — ни слова...

Экспедиция выделила отряд, следовавший через Красноярск частью на лошадях, частью последними пароходами до Минусинска. А Илья, преисполненный впечатлений, возвратился в Петроград.

Нельзя сказать, что последующее время он скучал, но сибирские думы надёжно засели в голове и вспыхнули с новой силой, когда первая метеоритная группа возвратилась. Прошло не так много времени, как в кадрах возник разговор об экспедиции Обручева. Илье Синельникову как

человеку проверенному было предложено в ней участвовать. Он с радостью согласился. Так он оказался в фактории Ванавара. Здесь он приложил все силы к тому, чтобы пополнить наследие первой экспедиции. Собственно, в этом и заключалась просьба Кулика к Обручеву.

Информация, полученная от местного населения, указывала: грандиозный лесоповал находится приблизительно сто километров севернее фактории. Данные куликовских опросов, вопросников-анкет не противоречили этой версии. Добраться туда не было возможности. Местные жители не горели желанием делиться с приезжими чужаками таёжными тайнами, приходилось прибегать к хитрости, спирту, иногда даже угрозам. Очевидцы утверждали: в центре лесоповала деревья сохранили вертикальное положение. Илья рисовал схемы, набрасывал со слов охотников простенькие рисунки, уделяя основное внимание деталям. Картина, составленная в ходе первой экспедиции, приобретала жирные штрихи.

Взрыв или взрывы были в воздухе. Место известно. Разрушения известны. Ещё Скианарели указывал: чем больше скорость метеорита в атмосфере, тем быстрее она теряется, тем интенсивней свечение. Именно так — в этом случае. Мощность можно хотя бы прикинуть. Миллионы тонн? Это даже представить трудно...

Яркое солнце, добротные домики, не менее добротные подводы, местные мужики, не уступающие по экзотичности героям Фенимора Купера, не без успеха промышлявшие пушным зверем, рыбой, лосятиной, олениной, и... мириады комаров и гнуса, докучавших ещё в первой экспедиции. Спасали «китайские» панамы с сетчатыми забралами, да керосин на шее и руках.

Питание геологов было сытным, но разнообразием не блистало. Вяленая щука, нельма, свиное сало, пшено, собственные фантазия, помноженная на умение и благосклонность местных хозяек, позволяли держаться в живой рабочей форме. Охотничьи подвиги Ильи были более чем скромны, однако его этот конфуз уже не разочаровывал. В первой экспедиции Кулик возлагал большие надежды на добычу провианта с помощью охоты. Надежды оказались тщетными. Тайга богата, но не спешит делиться своими сокровищами, особенно с первыми встречными...

Прогулки по сопкам, покрытым живописной причудливой растительностью, удивительные цвета, рождавшиеся на стыке тайги и горизонта, редкие глухари, резко отдающие при готовке хвоей, мощный шорох леса создавали удивительный настрой, граничащий с научным сумасшествием. Фантазия молодого учёного буйствовала, казалось, ещё немного, совсем немного, и все тайны мира, неба, небесных тел, могучей и суровой тайги дружно соберутся и так же дружно сдадутся пытливому исследователю.

Казавшиеся поначалу яркими и необычными образы, рисуемые местными охотниками, стали в их рассказах повторяться, затем потеряли и новизну, и свежесть, и информативность. Конечно, можно было, будучи восторженным поэтом или скорым на руку беллетристом, ухватиться за довольно ограниченный арсенал местной колорита и построить на этом

шумные, но однодневные журнально-газетные сенсации. Такой цели у Илья не было и быть не могло.

Огненный шар, шибко шумевший, лес ломавший, оленя бивший... Могучий Холи, вышедший из подземного мира, дабы наказать детей тайги за нарушение традиций и излишнее баловство с огненной водой... Всё это Илья слышал неоднократно и уже хорошо ориентировался, кто есть дедушка-Амикан, сохатый, изюберь... Отдельного рассуждения мог заслужить упоминаемый охотниками, как живой, Холи, то есть мамонт. Синельников как-то слышал в институте разговор о том, что упоминания о встрече с этим древним животным якобы имеются в исследованиях, связанных с сибирскими подвигами Ермака. Сам он этих документов не видел и не верил в эту легенду. Илья был романтиком-учёным, но не романтиком-фантазёром. Он верил в науку, он верил в геологию.

Лишь один эпизод привлёк его живое внимание. Старый эвенк, которому, как позднее выяснилось, было не больше сорока лет, как и многие другие охотники, много толковал об уничтоженных и разрушенных шибко страшным огнём и учиром, смерчем, то есть, чумах, животных и прочих богатствах. И упоминал он не раз учир малый. Спирт развязал язык, многословие гостя было понятным. Но образ малого смерча не соответствовал небогатой фантазии простого охотника.

Илья пытался понять, о чём идёт речь, но ни к каким приемлемым объяснениям так и не пришёл. Далёкий костёр из смолистых дров? Дым от подземного горения торфа? Столб вращающегося гнуса? Гейзер? Не понятно. Последнее предположение интересное: мог на месте глубокого погружения обломка метеорита в землю образоваться гейзер? Мог. Илья попытался уточнить: «Малый учир — это вода, вода из-под земли?» «Нет, — пытался пояснить охотник. — Ветер чёрные листья крутит и шумит, как бумага». «Как это — как бумага?» — спросил Илья. «А вот так, бае...» — ответил охотник, взял со стола листок бумаги, скомкал, и стал его мять, наполнив комнату шуршаньем. Чудно. Не понятно.

Как-то Илья зашёл в лес далековато, увлёкся, понял, что придётся заночевать на месте, опыт, к счастью, имелся. Нарубил лапника, развёл костёр по-таёжному. Холод, выползавший из мха, пронизывал всё тело. Крутился, поворачивался к костру то одним боком, то другим. Ночь скоротал. Встал рано замёрзший. Решил пройти быстрым шагом. Спугнул куницу. Когда спускался с небольшой сопки, солнце пригрело, повеселел, ожил, душа запела. «Ва-на-ва-ра!» — прокричал он несколько раз от избытка чувств... и замер.

Внизу, у подножья сопки, воображаемую тропу перекрывала тень. Не тень от дерева или от вершины сопки, нет, просто тень, сама по себе. Чёрная пелена тянулась от земли на высоту порядка двух метров, серебрилась, слегка колыбалась. Илья растерялся, он не мог понять происходящее. Тень скукожилась, заволновалась и медленно скрутилась в небольшую чёрно-серую колонну с расплывчатыми границами. Илья стоял и смотрел.

По спине — мурашки, в глубине, в мышцах — слабые уколы. Он почувствовал резкую головную боль и мягкое прикосновение к... мозгу. Словно кто-то провёл тонкой кисточкой внутри головы. Осторожно, даже нежно. И настойчиво. И как бы сказало это нежное прикосновение: не нервничай, не паникуй, всё под контролем, ты — наш.

Головная боль через мгновение прошла. Казавшееся монолитным цилиндрическое образование распалась на чёрные лоскуты, похожие на сгоревшую бумагу, и то, что было тенью, закружилось чёрным вихрем и двинулось навстречу неподвижному геологу. «Вот он какой — учир малый...»

Смерч толкнул Илью в лицо, словно ветер, несущий обрывки ткани. Он увидел свет сквозь рваные чёрные клочья, и затем перед ним предстал... обычный таёжный вид. Привиделось? Заболел? Он стоял и думал: идти — не идти? Оглянулся — пусто, зелёная сопка упиралась в синее небо. Глянул под ноги. На мху что-то блестело. Наклонился. Мягкий покров слегка продавили переливающиеся на солнце камушки-зёрна. Откуда они здесь? Уголь? Нет.

Осторожно присмотрелся, не делая лишних движений. Зёрен было три. Собрал, завернул в тряпицу, положил в карман. Надо бы рассмотреть внимательней, потом. Быстрым шагом направился к дому. Удивительная встреча выбила из колеи, требовалось осмыслить происшедшее. Чуть не заблудился, хотя находился недалеко от фактории. Спohватился, сориентировался по солнцу, вышел. Крайне устал — сказались и длинная дорога, и необычные переживания.

Вечером при свете керосинки сел писать отчёт. Пространство маленькой комнаты тяготило. Перебрался в угол, сел по-киргизски. Несколько раз начинал — не получалось. Навалилась усталость, голова — как чугунная. Встал, развернул на столе тряпицу, осмотрел зёрна. Слегка постучал по одному из них ножом — звук как по металлу. Идентифицировать не смог. Зёрна слабо мерцали в колеблющемся свете.

Усталость парализовала руку, мозг не работал. Кратко, в несколько строк, описал события в лесу. Полусонный Илья тёр виски, бормотал: «Какие тут сланцы, кораллы-минералы... Событие мировое, великое.... Никому дела нет. Врут, скрывают...» Встряхнулся. Вспомнил...

Ещё во время подготовки первой экспедиции сотрудники Московской горной академии посетили Украинскую Академию Наук и доставили в столицу почти цельный «каменный» метеорит весом 1912 граммов с интересной, заслуживающей особого внимания, историей. Он упал в середине июня, по старому стилю, 1908 года в районе местечка Кагарлык и села Гороховатки Киевской губернии. Падение заметили крестьяне, нашли его ещё горячим и даже отбили из любопытства небольшой кусок.

В начале августа 1921 года Илья приезжал в Москву, будущие коллеги по экспедиции ознакомили его с небесным образцом. Метеорит содержал зернистые металлические соединения, напоминающий промежуточные хондриты. Форма сходна с контурами четырёхгранной би-пирамиды. Покрит чёрной, местами блестящей, коркой...

Зёрна своим блеском и переливом цветов напомнили ему те металлические вкрапления. И упал он в середине июня 1908 года, это по старому стилю. И филимоновский — 17 июня, тоже — по старому. Совпадение? Возможно. Однако бесспорно другое — 17 июня 1908 года является кульминационным днём феноменальных, исключительных в истории астрономии ночных зорь или белых ночей. Феномен проявился повсеместно — и в Западной Европе и России, что вполне позволяло выдвинуть гипотезу о прохождении Землёй в эти дни космического облака...

Илья завернул зёрна в листок бумаги с кратким описанием встречи с «малым смерчем» — такой отчёт никуда не годился, так как не тянул даже на черновик. Обмотал исследовательское богатство тряпицей и положил свёрток в небольшую холщовую сумку с личными документами. Решил лечь спать — утро вечера мудрёней.

Возможно, он был прав — разумней написать отчёт на свежую голову. Но вмешалась её величество судьба. Утром пошёл прогуляться. Тайга не пугала, напротив — появилось чувство понимания, тайного единства. Как произошла трагическая нелепость, никто не разобрался: тайга — закон, медведь — прокурор. Илья — геолог, работал по индивидуальному рабочему плану, по сути — в одиночку, вдали от основной партии. Его нашли приваленным лесиной, он уже не дышал. Доставить домой — дело хлопотное, до Тайшета довели с оказией, с огромным трудом и не без драматических приключений. Там и похоронили, личные вещи передали родственнице с большим опозданием — стране нужен был уголь и другие полезные ископаемые, геологи работали на износ, вдали от дома, круглый год.

23

Четвёртый элемент

...Неделя буквально летела, дни мелькали, как окна проходящего поезда. Наступила пятница. Этот день Иван Смагин определил как день размышлений и переговоров.

Два дня назад генерал по своим каналам «додушил» господина Х и порадовал, если можно так выразиться, информацией о перечне украденного. Нонсенс, конечно, проводить расследование в таких нелепых условиях: «зашифрованные» владельцы сейфов, недомолвки в деталях кражи и прочие несуразности. Но, как выразился Иван, назвался груздем...

Он прекрасно понимал — и не только он — что все эти глупые обозначения давно было пора отбросить. Он также в полной мере осознавал, что и его помощники обладают — и уже давно — «чистой» информацией. Адреса известны, имена известны, что-то можно уточнить, что-то додумать — какие уж тут тайны. Но по инерции в беседах о преступлениях использовались изначально заложенные неуклюжие правила.

Ирина пробила почти все данные о клиентуре массажистки и пришла с подробным докладом. Говорила она довольно долго. И вот прозвучала

нужная фамилия. Иван остановил её словами: «Что и требовалось доказать!» Он прочитал вопрос в глаза Ирины.

— Фамилия ни о чём не говорит? — спросил он и тут же спохватился: — Вам она ничего сказать и не может. Это жена господина У. У них гражданские отношения, фамилию она, понятно, оставила. Надо было ввести вас в курс, но эти игры, понимаете...

— Понимаю, — сказал Ирина. — И что теперь?

— Пока ничего, но свет в конце тоннеля уже слегка слепит.

Небо с утра было облачным. Постепенно им на смену приползли мрачные тучи. Воздух отяжелел, повисла духота. Иван открыл форточку. Вдалеке сверкнула молния. Донёсся приглушённым расстоянием громовой раскат. Иван прикинул дистанцию — не близко. Только он определился с эпицентром грозы, как по подоконнику застучали мелкие капли. Дунул ветерок, и по конному стеклу побежали узенькие струйки.

— Как вы думаете, надолго непогода? — спросил Иван.

— Не знаю, может и затянуться, — ответила Ирина и добавила: — Летний дождь — нестрашный. Он всегда хорошо кончается.

— Как вы думаете, кто отправил Пингвина в мир иной? — покончил с погодной темой Иван.

Ирина растерялась. Он напомнил:

— Это из вашего доклада по окружению Косолапова.

— Трудно сказать, возможно, бытовуха — контингент там...не очень. Если наш мажордом... Какой смысл?

— Есть такой смысл, — вздохнул Иван и задал ещё вопрос: — У вас зрительная память хорошая?

— В норме.

— А у меня — отвратительная, — сообщил и Иван и зачем-то поделился: — А ещё я рисовать не умею. Совсем.

Ирина тактично промолчала и оставила то ли реплику, то ли ценную информацию без внимания.

— Думаю, задача ясна, — обратился Иван к Ирине. — Есть основания надеяться, что наша уважаемая госпожа У — будем по старой доброй традиции называть так! — может рассказать много интересного. Но многое нас не интересует. Мы же не сплетники? — произнося последние слова, Иван допустил некоторую игривость. Ирина никак не прореагировала. Иван стал официальным и продолжил: — Пусть однозначно объяснит, для какой цели были предназначенны деньги в сейфе. Будет упорствовать, намекните ей — массажистка убита не случайно, и это убийство не единственное и, возможно, не последнее.

Следующим был Глеб, опоздавший на полчаса и изрядно промокший. Он был немногословен и, по сути, подтвердил предположение Ивана.

— Я — лицо неофициальное, ты понимаешь... — начал Глеб. — Но уверен — это два разных стиля. Автор перестарался — не надо было так много писать, проще было обойтись короткими фразами. А здесь развёл...

— Я тоже так считаю, — высказал своё мнение Иван. — Откровенно стервозный тон появился у массажистки в последние дней пять. До этого она была более корректной.

— Четыре, — сказал Глеб.

— Что четыре? — не понял Иван.

— Откровенно провокационный тон появился у массажистки в последние четыре дня.

24

Зёрна

Смагин редко повышал голос, но на этот раз его разговор с Сеулиным был резким, для обеих сторон неприятным. Смагин был немногословен. «Я говорил о доскональном осмотре мест происхождения! Доскональном! А не о поверхностном осмотре. Попрошу впредь воспринимать и выполнять мои указания — буквально, а не в своём понимании!» — эти его последние слова Сеулин запомнил надолго. Возразить было нечего — начальник управления был прав на все сто. Эти зёрнышки таят в себе... А время упущено. Что они в себе таят?! На этот вопрос, заданный самому себе, Сеулин ответить не смог. И не только он.

Мария Ивановна опознала Гопу, тот не отпирался. Она также передала с поехавшим к ней на дом Арсентьевым мятый-перемятый листок бумаги, где Илья пытался изложить последний черновой отчёт. Смагин, Арсентьев, Сеулин тщательнейшим образом нарисовали путь грабителя от места преступления до подвала. Запросили подмогу — людей явно не хватало. Смагин лично инструктировал и ориентировал приданных в помощь подразделению сотрудников. Вопросов не задавали, но интереса и недоумения во взглядах хватало. Тут и бандиты и контра... какие тут зёрнышки — чёрненькие, блестящие? Но отнеслись с пониманием и чувством ответственности.

И подвал, и подворотня были обысканы тщательнейшим образом. В подворотне блестящий «уголёк» лежал под стеной. В подвале пришлось побеспокоить беспризорников — новых постояльцев, было много шума, даже истерик и попыток сопротивления. Зёрнышко завалилось под подобие старого шкафа. Третий объект найти не удалось. Смагин дал команду продолжать поиски.

Итак, имеем два зерна. Смагин смотрел на них и понимал, что кого бы он ни спросил, что с ними делать дальше, никто бы ему не помог. Передать начальству — это понятно, ему виднее. Но что начальство с ними

будет делать? Бывают ситуации, когда ему очень даже не виднее. Видения по всей видимости связаны с зёрнами. Какова их природа? Как они «работают»? Что писать в отчёте? Что докладывать? И в записке этой... Синельникова — ничего не понятно. Тень, ветер, смерч какой-то... и вот эти зёрна. А сколько их всего? Здесь, в Москве, три. Должно быть три. А сколько их всего?

Слишком много вопросов, подумал Смагин. Решение? Отложить и подумать. Вот и всё решение. Стоп! Камушки были завернуты в тряпочку. Где тряпочка? Могла подобрать какая-нибудь старушка, в хозяйстве всё сгодится. А сумка? Где сумка? Почему её не оказалось в подвале? Наваждение какое-то. Смагин с досады сжал карандаш, тот хрустнул. Гопу сюда! Смагин хотел вызвать дежурного. Не успел — зазвонил телефон. Смагин взял трубку. Он принимал крайне сбивчивый доклад и с каждым услышанным словом сжимался, как пружина. Начальник УРР не хотел верить подчинённому, но понимал: верить надо по той простой причине, что необычность сообщения вполне вписывается в логику предшествующих событий. Смагин волновался, но представить себе, как волнуются участники чрезвычайного происшествия, он мог с трудом.

Сеулин и два приданных ему в помощь сотрудника проводили второй тщательный обыск в подвале — пристанище беспризорников. Четверо милиционеров осматривали двор. Насчёт двора у Селина были большие сомнения — ну, невозможно найти соломинку в стоге сена, если только случайно. На его величество случай и была надежда. Что касается подвала с его ограниченным пространством, то здесь иезуитский педантизм мог дать результаты. Помещение было разбито на малые квадраты, Сеулин составил соответствующую схему и по мере завершения осмотра помечал отработанный квадрат большим жирным крестом. Приближались сумерки, и Сеулин понимал: поиск во дворе вот-вот перестанет быть целесообразным — придётся продолжить завтра в светлое время. Подвал неплохо освещался двумя электролампочками, вторую установили дополнительно, перед обыском.

Он был увлечён работой и, услышав слабый и невнятный шум во дворе, не сразу сообразил, что происходит неладное. Отдельные восклицания, женский крик донеслись слабо, но ставшую привычной за время неспешной работы тихую атмосферу нарушили. Сеулин скомандовал: «Тихо!», — сотрудники замерли. И замерли они не только по команде — оба смотрели в одну точку. Сеулин, стоявший в нем вполоборота, повернулся и тоже замер. В этот момент он услышал выстрел, но не среагировал на него должным образом. И причина тому была веская.

Стена подвального помещения исчезла, растворилась. От неё остались только рваные края. Огромная брешь открыла сыщикам величественную и пугающую картину. Перед глазами Сеулина и его временных помощников протекал ручей. Вода бежала навстречу, чистые, играющие солнечным светом небольшие волны сталкивались, причудливо закручивались и исчезали где-то внизу под рваной стеной. Ручей или даже небольшая речка просматривался далеко. Он разрезал на неравные части большую поляну, окружённую могучим и неузнаваемым лесом. Солнце

светили ярко, но его не было видно, могучее светило можно было только дорисовать воображением. Картина не была чёткой, но в общем воспринималась как вполне реальная.

Сеулин пришёл в себя и подумал об услышанном выстреле: надо было как-то реагировать. Но какой тут выстрел! Сеулин понимал: это камешек, зерно. Он почувствовал, как струйка пота скользнула по затылку и сползла за ворот, его бил озноб. Страх? Нет, это было нечто другое, быстрому и простому описанию не подлежащее. «А каково им? — подумал Сеулин о двух изваяниях, в которые превратились его сотрудники, — они же ни о видениях, ни о камешках, ни о Сибири ничего не знают...»

Представитель Управления режимных расследований умом понимал: это мираж. Однако вид, открывшийся перед ним, воспринимался как физическая реальность: он слышал, как журчит ручей, и он услышал и почувствовал тяжёлые шаги. Справа появилась серо-бурая масса, она шевелилась, хорошо было слышно тяжёлое и зловещее сопенье. Бесформенная масса стала удаляться и разделилась сначала на две, затем на три части... Прошло несколько секунд и только тогда Сеулин сообразил, что видит сначала две, затем три, а затем четыре гигантских лохматых ноги огромного животного. Вдоль мощного ручья вперевалку спокойно и уверенно шёл, удаляясь в сторону дальнего густого зелёного леса, мамонт.

Сеулин не был зоологом и знатоком древней фауны. Однако в данном случае вывод о названии животного был очевиден. Несмотря на очевидность, Сеулин не соглашался с выплывшими из памяти образом и его определением, и в голове промелькнула мысль: «Лохматый слон!» Сеулин почувствовал неловкость от собственной растерянности и попытался взять себя в руки.

Один из сотрудников, что постарше, «ожил» и потянулся к кобуре с наганом. «Отставить!» — тихо сказал Сеулин и любитель пострелять остановил руку чуть выше пояса и стал неторопливо поглаживать печень. «Спокойно», — то ли скомандовал, то ли пожелал Сеулин. Мамонт удалялся. Картинка замерцала, поблекла, по изображению пробежала серая с блесками волна, затем другая, на мгновение вспыхнул яркий, слепящий глаза свет, и изображение пропало. Огромная брешь в стене волшебным образом затянулась, и взору поражённых наблюдателей предстала серая грязная подвальная стена. В подвале воцарился полумрак — слабые электролампочки явно проигрывали в сравнении с солнечным светом. Глаза адаптировались к слабой освещённости, Сеулин осмотрелся — в комнате ничего не поменялось. Сотрудники смотрели на Сеулина.

Руководитель группы преодолел оцепенение и отметил про себя, что с этого момента он стал больше понимать состояние Гопы, столкнувшегося с медведем. Затем он вспомнил о досадном упущении: не засёк точное время возникновения и окончания феномена. Глянул на часы и сориентировался приблизительно — для рапорта. И уже несколькими секундами позже вспомнил о шуме и звуке выстрела. «За мной!» — коротко скомандовал Сеулин и быстро двинулся к выходу из подвала.

Сказать, что четверо милиционеров и несколько случайных прохожих пребывали в состоянии лёгкого шока, значит, ничего не сказать. Старший наряда тупо смотрел в землю и что-то пытался изобразить руками. Рядом с ним стоял другой милиционер, он держал в правой руке револьвер, его левая рука сжимала рукав начальника, словно он его оттаскивал от неведомой опасности. Ещё два милиционера стояли шагах в пятнадцати, неуверенно переминались с ноги на ногу. У Сеулина сложилось впечатление, что они хотели подойти к старшему, но не решались, словно их отделяло от цели видимое только им препятствие.

Гражданские лица пребывали в растерянности, пожилая женщина непрерывно крестилась и читала молитву.

Сеулин отправил одного из своих помощников, строго предупредив о неразглашении, к ближайшему телефону — доложить Смагину. Сам попытался восстановить картину происшедшего. Если бы не предыдущий опыт ознакомления с таинственными свидетельствами, задача бы оказалась невыполнимой. Именно этот опыт позволил увязать сумбурные, порой чисто субъективные описания и ощущения очевидцев в довольно сложный, но всё же воспринимаемый узел.

Картина сложилась неправдоподобная, но впечатляющая. Время шло к сумеркам. Внезапно стало светло. От дома, где находилось интересное сыщиков подвальное помещение, по двору прокатилась волна яркого света. Затем на глазах у всех наблюдателей, находящихся по отношению к феномену под разными углами, в земле образовалась огромная яма, откуда исходил ровный, гораздо ярче окружающего свет. Те, кто стоял ближе к краю образовавшейся «пропасти», увидели небольшую покрытую редкой травой равнину, по которой протекал мощный кристальной воды ручей. Свидетели, находящиеся на удалении от возникшего видения, наблюдали лишь провал и исходящее из него свечение.

Все свидетели заверили, что слышали неясный шум, возможно, журчанье полноводного ручья. Также все подтвердили: прежде, чем появилось это огромное лохматое существо, послышались тяжёлые шаги и сопенье, звуки, сопровождавшие передвижение монстра, слышны были и в дальнейшем. Мамонт как бы вынырнул из-под стены и пошёл вдоль ручья. Близстоящие лицезрели картину полностью. Тем, кого чрезвычайное событие застало поодаль, была видна только верхняя часть туловища. Старший наряда оказался буквально на краю образовавшейся «пропасти». Он замер, после значительной паузы, когда мамонт оказался ближе к нему, попытался отойти, но потерял координацию движений и, избегая падения, начал спасительно размахивать руками, стремясь удержать равновесие. Сотрудник, находившийся ближе других к нему, испугался, что активное поведение старшего привлечёт внимание гигантского монстра, запаниковал и выстрелил в зверя, пытаясь его хотя бы приостановить. Мамонт никак не отреагировал на выстрел. Сотрудник подскочил и схватил старшего за рукав, пытаясь ему помочь. Мамонт прошёл мимо них, последовал далее, придерживаясь маршрута вдоль ручья, и буквально вошёл в глухую обрывистую стену провала. Этот факт зафиксировали трое наблюдателей, находившихся ближе к дому. Остальные этого видеть по

понятным причинам не могли. Старший наряда взял себя в руки, успокоился и осторожно отошёл с помощью подчинённого на несколько шагов назад. Свет, исходящий из провала поблёк, и через несколько секунд провал исчез, как бы затянулся. Звуковые эффекты при этом отмечены не были.

Приехавший Смагин внимательно и спокойно выслушал доклад. Прошёлся по тому месту, где недавно наблюдался провал в прошлое, несколько раз притопнул ногой, попрыгал на месте и попросил у рядового милиционера папиросу. Прикурил, несколько раз затянулся, выбросил окурочек и зло растоптал его сапогом. Замер, присел, осторожно взял выпорхнувший из-под снега чёрный блестящий камешек, подержал его в руке, удовлетворённо хмыкнул, положил его на снег и с полминуты подождал, пожал плечами, взял зерно двумя пальцами, осмотрел, щуря глаза, достал из кармана носовой платок, завернул находку, сунул в карман и дал команду сворачиваться.

Его не покидала мысль, что камешек был явно тёплый. В этом случае снег под ним должен был подтаять. Но этого не случилось. Возможно, показалось — волнение. А ещё он подумал: час от часу не легче, зато сумку искать не надо, видно, третий камешек здесь, во дворе, и выпал. Он попытался заставить себя подумать о новых возможных сюрпризах — голова кипела, не думалось.

25

Четвёртый элемент

И вот настал тот день. Я прибыл в кабинет к Ивану через полчаса после его призывного звонка. Он был не один, и даже слишком не один. На диванчике, который я во время своих неоднократных визитов всегда наблюдал пустым, примостились Демьян и Ирина. Они пили из длинных ранее мною не виденных бокалов сок. Мы были уже мимолётно знакомы, я поздоровался и, не утруждая себя излишними формальностями, подсел к большому столу. Обстановка была умиротворённой, в воздухе висело ожидание чего-то большого и неожиданного.

— Чай, кофе? — спросил Иван.

Я хотел запросить и того, и другого, и, конечно, побольше. Ограничился кофе, порекомендовал не жалеть сахара. Ирина и Демьян переглянулись, но не удивились. Иван услужливо кивнул и изобразил руками сложную фигуру, я её прочёл: ну, и нахал! Не скрою, я в глубине души чувствовал и надеялся, что преступника, если не взяли, то хотя бы вычислили, и меня крайне интересовал путь, ведущий к раскрытию преступления — Иван его выманивал все эти непростые дни.

Понимая, что путь этот был архисложным, я очень надеялся, что ожидаемые пояснения и разгадки будут простыми и понятными, как мотив, который можно напеть. В мягкой форме я намекнул об этом Ивану. Он, похоже, проникся. Задумался и после длительной до неприличия па-

узы довёл до меня и, понятно, до всех присутствующих сокровенную информацию: «Ты знаешь... Я только сейчас осознал — я не умею петь...» Мы ещё некоторое время препирались и наконец перешли в дело. Забегая вперёд, сразу скажу, что с первых слов стало ясно — без «переводчика» не обойтись.

— Все видели или хотя бы время от времени посматривали, — Иван по-доброму глянул на меня, — как развивались события. Не скрою, я готовился к этой встрече, ждал её, но затруднялся выделить главное и определить, с чего начать. Замучился! А потом решил: нет здесь ни начала ни конца, история стара, как мир.

Я забеспокоился. Демьян и Ирина придерживались эмоционального нейтралитета.

— Гений-злодей, обиды, месть, ненависть и алчность, — продолжил Иван. — Обычный набор. Не хочу в этом копаться и останавлиюсь на ключевых моментах. Для меня таковым стал факт ограбления именно серии сейфов.

На первый взгляд, основа ограбления — таинственный способ взлома. Три одинаковых сейфа, и вот так — лёгким движением руки... Такой шанс выпадает раз в жизни. Безусловно, способ взлома — это важно. Но согласитесь, одно дела знать, как открыть сейф, и другое — быть уверенным, что там есть, чем поживиться. Ведь можно, обладая тайной золотого ключика, открыть три одинаковые двери и убедиться, что все они ведут в старые пустые чуланы? Можно, если не побеспокоиться, чтобы обладатели этих чуланов набили их чем-нибудь ценным и вкусным.

Начнём с мажордома Косолапова. Задумал он сам, или подсказал кто, поживиться за счёт хозяина. Человек недалёкий, выпивающий, слегка опустившийся... С просветлениями — об этом потом, подчеркнул Иван, увидев, что Ирина готова вставить свои пять копеек в виде перечисления «просветлений», добытых ей в ходе общения с окружением Косолапова. Ну, нашло б на него такое затмение... И мы знаем, и он знает: там барахла в доме — ему б на всю жизнь хватило. А тут сейф! Иван сделал паузу.

— Значит, он не тот, за кого себя выдавал. Выжидал, следил, выбирал момент, — вступила в разговор Ирина.

Возможно, согласился Иван. Но какой артист! Это уже шпион-нелегал получается. Могло быть так. К нему привыкли. Человека второго сорта перестают замечать, как домашнее животное. Болтают при нём, хвастаются. Возможно. А он смотрит, слушает и ждёт, когда ж в сейфе нужный куш появится. И сколько ждать?

Последний вопрос завис как риторический.

— Возможно, подельник был. Носитель информации, наводчик, — предположил Демьян. — Мы с вами как-то говорили, ответил Иван, о странностях в поведении преступника. Вы верите, что такие, с позволения сказать, непутёвые люди могут иметь подельников и вообще поддерживать какие-то длительные деловые или человеческие отношения?

— Не верю, — с тенью сомнения сказал Демьян.

И я не верю, высказал свою точку зрения Иван. И потому пришёл к выводу, что предположение об актёре и суперагенте Косолапове не лишено смысла. И эту точку зрения подтверждает информация, собранная Ириной в ходе изучения социального окружения пострадавшего и, возможно, соучастника преступления Косолапова. Подтверждает... но не более того.

Согласитесь, Иван говорил спокойно, с расстановкой: сильный организатор и суперагент не становится так быстро сошкой в чужой игре. Ведь он был устранён первым...

Воцарилась тишина. И не согласиться со сказанным было трудно, и продолжить мысль Ивана было не просто. Никто и не пытался. Иван вновь заговорил без чьей-либо помощи.

И уж тем более трудно представить, что предполагаемый организатор преступления Косолапов разбросал свои преступные щупальца на три серьёзных объекта и везде добился несравненного успеха.

Мы, повторяю, мы, сделали упор на бесспорный фактор. Кто имеет отношение ко все трём сейфам, тот и организатор. Директор? Да, имел. Да, он знал, кому они проданы. Но далее — обрыв. Он убит.

Реставратор Остужев? Кулибин местного масштаба — мастеровой мужичок, имеющий постоянный и весьма неплохой заработок, осторожный, немногословный, нерешительный. Он въехал в эту историю на малой скорости и так же осторожно выехал. Мало знаешь — хорошо спишь. Не знаю, как там у него со сном, но он жив, здоров, сотрудничает со следствием. Я и сегодня его пригласил — мне интересна его точка зрения по воду нашего эксперимента.

Что остаётся? Остаётся Третья сторона, которая смогла втянуть упомянутых и других фигурантов во всю эту мрачную историю.

Эта гипотетическая Третья сторона использует Косолапова и грабит неизвестным нам способом сейф X. Эта Третья сторона каким-то образом приклеивает Косолапова и Зайда к ограблению сейфа Z. В результате этих действий мы получаем отпечатки пальцев директора антикварного магазина на двери убитой, на двери ограбленной квартиры и на орудии убийства массажистки. Мало того, на двери квартиры массажистки имеются отпечатки Косолапова.

— Голова не кружится? — спросил, обращаясь к присутствующим Иван.

Я деликатно промолчал. Демьян последовал моему примеру. Ирина довольно неожиданно вставила:

— Пока не кружится.

Иван усмехнулся и отвесил в её сторону лёгкий поклон.

Благодаря упорным детективным усилиям нам становится известно следующее, продолжил Иван. Массажистка вхожа в дом господина Y, и, как это обычно бывает в таких случаях, поддерживает, нет, поддерживала приятельские отношения с его женой. Женщина, я имею в виду супругу, чрезмерно трепетно заботящаяся о своём здоровье, фигуре, невольно попадает в психологическую зависимость от дарителя здоровья и внешних прелестей.

Удобная функция советчика, консультанта и дарителя позволяет массажистке, не имеющей высокого социального статуса, без труда установить тёплые соседские отношения с пострадавшей Z. Благо и идти никуда не надо — квартира буквально под полом, на одном стояке. Конечно, было бы неплохо, если бы ключевая фигура массажистки оказалась каким-то образом связанной и с домом X. Эта версия подтверждения не получила. И как раз этот факт отсутствия связи заставляет нас искать другое связующее звено.

Не скрою, в нахождении этого звена помогло начальство. Иван указал большим пальцем в потолок. Стало известным, что в доме X из сейфа было, так сказать, экспроприировано редкой красоты и ценности ожерелье, с полгода назад исчезнувшее из богатой коллекции. О подробностях умолчу, намекну только, что и в коллекцию оно попало путями несправедливыми. Вещь уникальная, присутствует в солидных каталогах. Потому новый владелец и не хотел огласки...

— И всё же мажордом? — не удержался Демьян.

— Отчасти, думаю, да! — дипломатично изложил свою точку зрения Иван.

Я потерял нить рассказа, решил возвратиться Ивана к исходной точке и напомнил насчёт звена.

Звено? Ах, да, звено, спохватился Иван. Казалось бы такой куш вполне бы мог устроить Третью сторону. Но мощные схемы для того и создаются, чтобы рвать по—крупному, по максимуму. Ожерелье и стало этим звеном. Я говорил о том, что сложно взломать в короткий промежуток времени три сейфа. Но не менее сложно получить гарантии, что они будут не пустыми. И здесь есть резон заострить ваше внимание на массажистке.

Одинокая не лишённая земных потребностей женщина. Она нуждается во внимании, в том числе мужском. Где и как она может знакомиться с мужчинами? В домах, где она бывает, к ней отношение как к обслуживающему персоналу. В салоне красоты — строгие правила: как никак развитой капитализм. Впрочем, не уверен, что развитой, поправился Иван. И если даже она проявит инициативу в отношении клиентуры — реакция и отношение к ней предсказуемы, романтика здесь и рядом не проходила.

И вот на её горизонте вдруг появляется пусть не идеальный, но обслуживающий особого внимания объект.

— Как вы, господа, думаете: кто бы это мог быть? — спросил Иван.

На этот раз в неравную дискуссию вступил Демьян:

— Исходя из объективных данных — или директор, или Косолапов, или оба.

— Тепло, но пока не греет, — заинтриговал Иван.

26

Зёрна

Смагин провёл весь день в библиотеке, затем заявился в кабинет с огромной стопкой журналов и газет. Сеулин, возвратившийся после серьёзной и, как он надеялся, результативной профилактической беседы со всеми без исключения участниками инцидента, посмотрел на него с удивлением.

«Не волшебные же они!..» — только и сказал начальник УРР, при этом, кто такие «они» не пояснил. Сеулин не стал мешать, его мысли были заняты недавней беседой и превратностями понимания своего гражданского долга некоторыми несознательными гражданами, имеющими язык, подобный помелу

Дворник, ставший в числе прочих, свидетелем поражающей воображение картины, долго его выслушивал, согласно кивал и иногда даже кричал от усердия. Такое поведение позволяло прийти к бесспорному выводу о том, что человек надёжно усвоил настоятельную просьбу о неразглашении государственной тайны. Сотрудник управления режимных расследований преувеличил своё искусство убеждения. Дворник в конце разговора хитро прищурился, приблизил своё ослепительно красное лицо на неделикатное расстояние — водку он употреблял неважную! — и задумчиво, как бы взвешивая многочисленные возможные варианты способов сохранения тайны, спросил: «Ну, земля провалилась — это, товарищ командир, понятно... Кто ж поверит такой ерунде?.. Но вот насчёт зверюги? Пару слов? Пару? Лучшим людям? Можно?»

Смагин запомнил обзорную лекцию, прослушанную в ходе обучения в Институте красной профессуры. Речь шла о новых видах вооружений, пару слов было сказано и о средствах ведения войны будущего. Лектор, немолодой, активный и даже лишённый такого атрибута интеллектуальной принадлежности, как очки, выступал живо, образно, увлекательно. Фамилию его Смагин не запомнил. Лектор не стал на себя брать смелость в однозначном определении конкретных видов оружия ближнего и дальнего завтрашнего дня. Однако обозначил направления: дальнобойные реактивные снаряды, газы, крупнокалиберная артиллерия, мощные танки и... тепловые лучи.

Последняя позиция несколько смутила Смагина, он даже тогда поделился своими соображениями с Сеулиным. Миша отнёсся к этой концепции скептически и долго что-то рассказывал о невозможности изготовления зеркальных отражателей и источников тепла, способных сочетать минимальный физический объём и максимальный выход энергии. Арсентьев, присутствовавший при разговоре, не принимал участия в такого рода

сложных, порой витиеватых беседах, справедливо полагая, что для разрешения обсуждаемых тем достаточно и двух подготовленных людей. Он молча работал с документами, иногда отвлекаясь на чистку нагана, разложенного частями тут же на столе.

Михаил Сеулин, выслушав доводы и сомнения начальника, говорил долго, затем вдруг остановился и привёл следующий аргумент. «Даже, — он подумал и повторил: — Даже, если бы такая установка была построена в лабораторных условиях, боевой мощи она представлять не может, по той простой причине, что к ней придётся монтировать гигантскую систему охлаждения!» Смагин поразмыслил и согласился.

И ещё он вспомнил, как тогдашний сосед по аудитории рекомендовал прочесть то ли какой-то рассказ, то ли повесть по поводу тепловых лучей. С опозданием, но рекомендация была выполнена — в принесённой им стопке литературы находился журнал «Красная новь» за прошлый год, где была напечатана первая книга романа Алексея Толстого под названием «Угольные пирамидка». Смагин за ночь одним махом прочёл повесть, поинтересовался и узнал, что вот—вот выйдет в свет следующая часть — «Оливиновый пояс».

Он и сам не мог себе объяснить векторность поиска. Им двигали краткие воспоминания, сиюминутные предположения, советы Сеулина и технических консультантов, но более всего — примеры, приведённые в той теперь уже далёкой обзорной лекции. Выступивший учёный упомянул опыты некоего Наркевича—Иодко, талантливого музыканта и учёного. В частности, было упомянуто опыты по "фотографированию без объектива" различных предметов живой и неживой природы на основе применения токов высокой частоты. Такой способ отображения действительности Наркевич-Иодко назвал электрографией. Смагина впечатлили снимки людей, цветов, листьев, полученные таким необычным способом. Начальник УРР понимал: предлагаемые фотографии представляют собой плоское изображение объёмных явлений. Заинтересовало его тогда и «фотографирование» неживых объектов, которые также при определённых условиях обладают свойствами раскрывать перед исследователем пространственные картины.

Учёный умер в 1905 году. Похожие демонстрационные опыты проводил Никола Тёсла. Прошло немало лет. Неужели эти необычные и непривычные исследования не нашли продолжения? Таким вопросом задался Смагин. И одним из возможных ответов стала краткая информация о пытливом кулибине из Краснодара. Смагин ознакомился с объективкой: электрик, водопроводчик, настройщик роялей, больничный физиомеханик... «Странно! — подумал Смагин. — Неужели такому талантливому человеку не могут найти применения?»

Четвёртый элемент

Мне явно казалось, что беседа, почти полностью состоявшая из монолога Ивана, затянулась. Но я не считал возможным его торопить. Его молодые коллеги также нетерпения не проявляли.

После заявления Ивана о том, что «потеплело», Демьян явно заёрзал и горел желанием высказать сомнения. Иван упредил его.

Она познакомилась с интересным мужчиной. Вот здесь развернулась Третья сторона.

Ирина и Демьян смотрели на шефа как на сказочника, неожиданно прервавшего повествование на самом интересном месте. Их глаза в ожидании продолжения сузились.

Означенный фигурант входит к ней в полное доверие уверенно и стремительно. Он невзрачен, но силён духом, уверен в себе, его планы амбициозны. Новый знакомый разворачивает бурную деятельность. Он представляется ювелиром и предлагает своей пассии предложить богатым клиентам и знакомым прекрасный вариант поднять свой светский статус. У него имеется копия прекрасного ожерелья, которое представлено во многих известных каталогах. Он не скрывает и даже подчёркивает, что это копия. Но хороша копия тоже стоит немалых денег!

Массажистка поочерёдно предлагает копию ожерелья клиентке Y и приятельнице-соседке Z. От такого предложения трудно отказаться — копия удивительной работы, цена вполне приемлемая, и что не менее важно — нет необходимости прибегать к помощи экспертов, для принятия решения достаточно собственных впечатлений и сравнения копии с красочными каталогами. Так в сейфах появляются деньги...

— Если это копия ожерелья, украденного из сейфа X, то время... Копию невозможно было изготовить за столь короткий промежуток времени, — усомнился Демьян.

— А это была не копия. Это был оригинал — то самое ожерелье, что было изъято из сейфа X.

Народ немного опешил, но пауза была недолгой.

— Разрыв между ограблениями сейфов — день-два. Решения о таких покупках не принимаются так быстро, — высказала своё мнение Ирина.

— Совершенно верно — решения так быстро не принимаются. Но дело в том, что сейф X был ограблен пятью днями раньше. Времени для демонстрации ожерелья было предостаточно. Мы исходим из того, что зафиксировано время включения и выключения сигнализации в доме. Это был демонстрационный, отвлекающий акт. На самом деле сейф был вскрыт в день отъезда хозяев, когда сигнализация не работала. Ещё вопросы?

— Получается, всё же мажордом? — спросила Ирина.

— Возможно! — ответил Иван и тут же добавил: — Честно, сам ещё не знаю.

Понимая неловкость ситуации, я был вынужден вмешаться. «Не томи!» — только и сказал я, обращаясь к Ивану.

— Честно — пока не знаю! — упрямо повторил Иван и начал выдавать дальнейшие пояснения.

Хотите, верьте, хотите, нет, но я в тот момент был убеждён, что Иван ломает комедию и всё ему уже давно известно.

О сейфах, продолжил свою трибунную речь Иван, — именно здесь кроется ключевое обстоятельство, объединившее множество всех сопутствующих случайностей, закономерностей, мотивов, психических странностей и рутинных проявлений человеческого характера.

Представьте себе вторую половину девятнадцатого века — время сумасшедшего расцвета технической мысли, в частности, механики. Не буду пересказывать главы из учебника истории, лишь упомяну, что именно в это время сформировались различные разновидности серийного производства, в том числе, что для нас сейчас более всего важно, производства сейфов. Фирменный знак, торговая марка стали атрибутом успеха. На рынок стремительно вырывается немецкая фирма — название опустим во избежание обвинения в подрыве авторитета. Сейфы продаются в Европе, наступает черёд Америки. В то далёкое время отделы кадров только зарождались, а служб внутренней безопасности не было и в помине. Поэтому попасть в число работников, производящих замки для сейфов, не было сложной задачей. Гораздо сложнее было получить в то время необходимую для такого трудоустройства квалификацию...

Мир не без талантов — мы это знаем. Но таланты бывают всякие. Словом, изготовление и сборка замков достались тому, кто не только был мастером в полном смысле этого слова, но и криминальным талантом, мыслящим масштабно, с размахом и расчётом на будущее. Кто это был — не так важно. Но есть веские основания предположить наличие такой персоналии. Количество сейфов, выпущенных под кураторством нашего героя, не известно. Но известно другое — в течение двадцати лет в разных странах мира были совершены ограбления известных нам сейфов, объяснить которые эксперты не смогли до сих пор.

Как правило, с учётом специфики, так сказать, мягкого вскрытия, основной версией преступления был заговор, предательство или что-либо подобное в окружении пострадавшего. Понятно, что в мутной воде преступник выявлен не был.

— Не правда ли что-то напоминает? — спросил Иван, обращаясь к негустой аудитории.

— Можно предположить, что кому-то и наших современников стал известен способ взлома... — начал говорить Демьян.

— Прекрасно! — сказал Иван. — Вот она начальная точка, вот он ящик Пандоры. Но согласитесь, что одно дело обладать некой волшебной

палочкой, другое — нарастить на этот чудодейственный фактор чёткую безотказно работающую криминальную схему.

— Ваше мнение? — спросил Иван, обращаясь к коллегам.

Начала говорить Ирина:

— Речь, как я понимаю, о неоднократно упомянутой Третьей стороне. Преступник знает типовой приём взлома сейфов. Он находит... подбирает партию сейфов. Организовывает через магазин их продажу, покупатели ему известны. Выстраивает новую схему отношений и обеспечивает одновременное пребывание гарантированных средств в сейфах. Пользуется известным ему волшебным ключиком и с небольшим разрывом по времени грабит все три сейфа...

— Прекрасно, яснее ясного, — развёл руками Иван и посмотрел на Демьяна.

Я поймал этот взгляд и невольно стал прорабатывать в уме собственную речь, в глубине души всё же надеясь, что она не понадобится. В построение версии включился Демьян:

— Господа X приобретают драгоценности с мутной историей. Ведут себя легкомысленно и светят их перед Косолаповым. Он доводит информацию до основного организатора. Преступник проворачивает операцию с ожерельем, реализует задуманное и становится обладателем и драгоценностей, и больших денег. Дальше... Он убирает массажистку и в качестве орудия убийства использует предмет, на котором каким-то образом появляются отпечатки пальцев директора. На двери — те же следы. Мало того, его же отпечатки пальцев имеются на двери Z. Он же, директор, заходил в день ограбления в подъезд. В этот же день заходил Косолапов, его отпечатки — на двери убитой массажистки...

Демьян замолчал и беспомощно посмотрел на Ивана. В его глазах я прочёл просьбу. Но о чём эта просьба, мог только гадать. Поначалу мне показалось, что это просьба о помощи. Я быстро отбросил это предположение. Демьян прервал мои раздумья:

— Вот здесь начинается аномалия. Деньги у преступника. Зачем он проводит эту странную клоунату?..

— Позвольте вмешаться, — заговорил Ивану. — Чтобы стало интересней и дабы не тратить драгоценное время, дополню клоунату дополнительными деталями. Дело в том, что мы совершили ошибку — сделали основной упор на просмотр диска с записью, охватывающей только один день — день совершения преступления. Но кто нам сказал, что момент преступления и картина преступления — это одно и то же? Никто нам такого не говорил! Я просмотрел многодневные записи и смею вам доложить, что Косолапов входил в подъезд неоднократно. При этом настоящий Косолапов фигурирует там один раз. Все остальные визиты, в том числе и в день совершения ограбления, совершены другим человеком — искусно загримированным под Косолапова.

В комнате воцарилась настолько концентрированная тишина, что я слышал не только стук своего сердца, но и скрип собственных мозгов. Что происходило с другими присутствующими, я мог только догадываться. Первой из оцепенения вышла Ирина.

— Ну, а директор? — недоумённо спросила она.

— Директор — настоящий. Антон Маркович Зайд собственной персоной. Маленькая поправка: он заходил в подъезд в известную нам дату и ещё раз днём раньше.

Иван несколько небрежно почесал затылок и зачем-то добавил:

— Днём раньше — тоже он, настоящий.

У меня начало дёргаться левое веко. Ирина и Демьян выглядели как опытные участники забавного шоу, в любой момент готовые к очередному подвоху. Иван заметил этот настрой и, придав своему лицу максимальную серьёзность, сказал:

— Уважаемые коллеги, прошу не расслабляться. Никаких шуток и забавностей здесь нет. Преступник закрутил — мы раскручиваем. Ничего личного.

Иван вкратце рассказал о результатах привлечения к просмотру записей Марии (так он называл Машку).

Когда художница просматривала запись, она ткнула пальцев в добротный монитор и захихикала. Иван вывел её в коридор. «Это не он! — заявила Машка. — Ухо. Левое ухо. Это не его!» Иван ожидал такого вывода, но ему хотелось более серьёзной аргументации. Машка потянула его обратно в кабинет и начала длительное почти немое объяснение. Она помнила предупреждение «о неразглашении» и потому «призвала» себе в помощь лишь листок бумаги и карандаш. Изобразила с десятков различных ушей и шёпотом заверила: одинаковых не бывает — это как отпечатки пальцев. На фотографии Косолапова, сделанной сбоку, и записи запечатлены совершенно разные уши, за исключением одного случая. Иван так и не понял, почему они разные, но решил поверить на слово, что позднее не помешало ему привлечь экспертов и удостовериться в выводах художницы.

— Так что, картина ясная — можете не сомневаться, — завершил краткий экскурс в недавнее прошлое Иван.

Зазвонил стационарный телефон. Ирина взяла трубку. «Дежурный. На проходной Остужев. Вы приглашали?» — обратилась она к Ивану. «Да, да, — поспешно сказал Иван, — пусть проходит, он нам очень нужен». «Пойди встретить, — обратился он к Демьяну, — постарайся повежливей — неудобно, дёргаем человека...» Демьян быстро вышел из кабинета.

— Впрочем, нам тоже нет смысла здесь задерживаться, — сказал Иван. — Сейчас реставратор нас просветит по некоторым техническим моментам, и мы продолжим. — Иван пригласил всех широким жестом к выходу. Все — это я и Ирина.

Мы вышли в коридор, навстречу нам шли Демьян и Остужев. Кратко поздоровались, и Иван пригласил всех в спортзал, где совсем недавно происходил странный эксперимент.

Иван не терял время и, извинившись за навязчивость, пояснил привлечённому эксперту суть задачи. Она заключалась в следующем. Можно ли, используя в качестве условного маркера какое-либо химическое вещество или, например, изотопы, восстановить код, набранный на сейфе хозяином.

Остужев усмехнулся, нездоровая кожа лица залилась краской. «Насколько я помню, — сказал он, — там нет клавиатуры или наборного табло, где можно было бы пометить отдельные буквы или цифры... Жизнь — это не кино. Однако посмотреть и подумать стоит».

— Мы заказали копию сейфа, ну, не в полном смысле копию, — только его лицевой части... — продолжал давать вводные Иван. — Думали-мудрили... действительно, жизнь — не кино. Нужна консультация профессионала...

Остужев вновь снисходительно улыбнулся.

Мы вошли в небольшой спортзал. Там стояло какое-то сооружение, напоминающее сейф. Возле него крутились двое молодых ребят в спецовках.

— Можно забирать? — спросил один из них.

— Погодите, нам ещё надо несколько минут, — ответил громко Иван и, обращаясь ко всем нам, тихо добавил: — Успели, ещё немного и унесли бы наше произведение на склад, а там ищи-свищи...

— Сказали бы, я мог пораньше, — виноватым тоном вставил Остужев.

— Ничего, — небрежно сказал Иван, — несколько минут туда-сюда ничего не меняют.

Грузчики отошли в сторонку.

Мы подошли ближе. На лицевой части агрегата горизонтально в два ряда располагалось восемь поворотных ручек, напомнивших мне регуляторы громкости на старинном радиоприёмнике. Над ними хорошо видны гнёзда, где просматривались цифры и латинские буквы. Что именно там было набрано, я не видел. Мы подошли, и тут я заметил, что лицо Остужева вновь налилось краской, он замер возле модели сейфа и как завожжённый смотрел на кодовый набор.

Я присмотрелся. Нижний ряд — «1884». Верхний — «AGTE».

Что произошло в следующее мгновение, я не понял. Остужев оторвал взгляд от сейфа и посмотрел на Ивана. Скажу откровенно, мне пришлось в жизни кое-что повидать, но такого полного ненависти, презрения и паники взгляда я никогда не видел. Остужев издал дикий боевой клич

и рванулся к Ивану. Молодые грузчики оказались проворней и скрутили его в доли секунды.

— Вот теперь можно уносить! — не без доли торжества сказал Иван.

— Как вы меня вычислили? — полным бешенства голосом спросил Остужев. — По этим лохам, что я вам выставил?

— Нет, — спокойно ответил Иван. — Не по лохам. Вычислил я вас — по ухам.

28

Зёрна

Михаил Сеулин добрался до Краснодара без особых приключений, если не считать поимки карманника, промышлявшего на местном вокзале. На собственном опыте сотрудник УРР убедился, что, если даже ненадолго поставить барьер между спокойным восприятием окружающей действительности и навязываемой обстоятельствами суетой, то можно увидеть много интересного. Не имея проблем с билетами и не будучи обременённым вещами, малолетними детьми и прочими атрибутами дорожного дискомфорта, он позволит себе несколько минут спокойно, не отвлекаясь понаблюдать за тем, что происходит возле билетных касс.

Ждать пришлось недолго. Шустрый, к удивлению Сеулина, сносно одетый мальчишка как по прописанному маршруту перемещался вдоль касс, умело и безошибочно выбирая себе жертву. «Прекрасно ориентируется в толпе, — подумал Сеулин. — Хорошее качество для оперативника». Он подоспел как раз в тот момент, когда малолетний преступник намеревался подрезать сумку. Реакцией Михаил обладал редкостной, решительности ему было не занимать. Он схватил мальчишку незаметно для окружающих, при этом сильно сжал ему кулак, скрывавший заточенную монеты. Воришка дёрнулся от боли, но — ни звука. Сеулин вывел его на улицу, молниеносно дал подзатыльника и, сам не веря в успех задуманной процедуры, дипломатично предложил карманнику больше ему на глаза не попадаться: «Ещё раз увижу — руки выдерну!» Разжал ему кулак, тряхнул так, что монета отлетела на засыпанную снегом клумбу. После кратких переговоров мальчишка буквально испарился. «Ну и скорость!» — только и подумал Сеулин.

Одноэтажный небольшой дом он нашёл довольно быстро. Собаки не было — Сеулин прошёл через небольшой дворик, постучал и вошёл. В прихожую вели три высоких и крутых ступеньки, через которые он перебрался не без явного труда. Когда увидел жену умельца Валентину, был удивлён вдвойне. Сначала он сделал про себя приземлённое бытовое замечание: как же эта молодая красива женщина пробирается через высокие ступеньки в прихожую? А уже затем отметил чувство приятного удивления, вызванного её бесспорной красотой. Он чуть не зацепил рукавом какой-то довольно громоздкий прибор, размещённый в прихожей, и последовал далее — в небольшую комнату, буквально заставленную аппаратурой. Хозяин пребывал именно там. Молодой темноволосый мужчина

поднялся из—за стола, оторвавшись от дымящегося паяльника, и с радушной улыбкой вышел ему навстречу.

Сеулин представился сотрудником минералогического музея.

— Семён Давидович Кирлиан, — отрекомендовался мужчина. Осмотрел Сеулина, окинул взглядом комнату и смущённо добавил: — Вот, как видите... В тесноте, но не в обиде.

Сеулин знал: Семён Давидович, бывший ему ровесником, женился почти два года назад. Тесновато, конечно, подумал он. И всё же — отдельно, без соглядатаев, советчиков и сплетников. Хотя последние, поправился, вездесущи.

Михаил готовился к беседе, но почему-то растерялся и не знал с чего начать.

— Раздевайтесь товарищ Сеулин, располагайтесь, — спохватился после возникшее паузы хозяин дома и тут же спросил: — Как насчёт чая?

Сеулин не отказался. Он уже, было, собрался изложить цель своего приезда, как изобретатель и мастер-золотые руки буквально огорошил его, заявив, вот так, под чашку чая, что планирует получить в ближайшее время немного-немало партию искусственных алмазов. Сеулин на мгновенье даже засомневался в выборе помощника. Но речь изобретателя выглядела достаточно убедительно. Необычно, да, необычно, отметил Сеулин, но убедительно.

Он уже приготовился выслушать изложение этой несколько странной идеи, но Кирлиан замолчал, мгновенье подумал и попросил предъявить документы. Вот этого Михаил не ожидал.

— Проект, поймите меня правильно, государственной важности. Польза обществу — немалая, если не сказать... А главное — направление сориентировано на прорыв, на годы. Это вам не сиюминутный факирский фокус...

Сеулин внял аргументам. Но документом из минералогического музея у него не было. Он решил играть в открытую, кратко представился, показал удостоверение и мандат.

— Ну, я где-то так и предполагал... Столица, музей... в нашу глухомань... — так отреагировал будущий создатель искусственных алмазов на новые обстоятельства встречи и затем без комментариев начал пояснять Сеулину суть своего проекта: — Бомба... иными словами — болванка, стальная форма, круглая с толстыми стенками, думаю не менее десяти сантиметров. Исходный материал в неё и набивается. Герметичность обеспечивает втулка с ленточной резьбой. Имитируем условия для тектонического взрыва, если хотите преобразования... Температура, давление, взрыв, по сути... Как в естественных условиях.

— А режим... Произвольный? — с сомнением в голосе вступил в разговор Сеулин.

— Что вы, что вы... Произвольный режим — произвольный результат, сами понимаете. Нам нужны, — на слове «нужны» от сделал ударение, — алмазы, и задача эта нашей науке по силам!

— Вы, Семён Давидович, упомянули исходный материал... Что ж это за вещество такое... волшебное?

— Отнюдь, — пояснил изобретатель, — сахар. Обычный сахар. Органика, кристалл...

— Продукт недешёвый, — не скрыл удивления Сеулин. — Но и задача достойная. Думаете, получится?

— Верю и надеюсь. И муза моя, Валентина Хрисанфовна, верит... и надеется. Я не один.

Сеулин достал из портфеля подготовленные в управлении документы, предложил ознакомиться. Молодой изобретатель углубился в чтение. Подборка материалов его воодушевила.

Сеулин, предупредив хозяина, вышел в прихожую, заставленную аппаратурой. Он был человеком в техническом отношении неплохо «подкованном», однако определить хотя бы примерно направление исследований и работ не смог. «Вроде, и порядок, аккуратно всё размещено, но профильности... никакой, — подумал он. — Как знать, может, в этом нагромождение идей и направлений, на стыках этих направлений и рождается что-то новое, необычное и поистине революционное?»

— Что я могу сказать... — заговорил Кирлиан, когда Сеулин возвратился в комнату. — Электроприборы, микроскоп, фотографический или рентгеновский аппарат — мои верные друзья и союзники. Я дружу с ними, чувствую их. Электронная оптика, оптическая фотография — не тёмный неизведанный лес. Краеугольный камень получения всего нового в науке — наблюдательность и анализ, наблюдательность и ещё раз анализ. Я так думаю...

Сеулин почувствовал — талантливый человек понял, что от него требуется, загорелся идеей. Отказа не будет. И тут он вспомнил о супруге изобретателя. А как она? Вряд ли откажет. Не хотелось бы изначально превращать деловые отношения в жёсткий императив. Похоже, этот интересный человек поможет пролить свет на сибирские зёрна.

29

Четвёртый элемент

— Ещё кофе? — спросил меня, не глядя на коллег, Иван.

— Неплохо бы, — ответил я и демонстративно скосил глаза на Демьяна и Ирину. Демьян заметил моё ухищрение и с купеческой щедростью налил себе и соседке по дивану соку.

Иван, словно ничего серьёзного и волнительного не произошло, решил наложить последние штрихи на картину преступления.

Преступник, он же реставратор Остужев, знал об увлечении Антона Марковича романтическими знакомствами. И знал намного лучше, чем мог предположить директор, так как неоднократно помогал работодателю ремонтировать компьютер. Тот факт, что массажистка тяготела к такого рода приключением — совпадение. Но у меня нет сомнения, что наш криминальный талант в любом случае устроил бы какую-нибудь грязную каверзу.

Итак, Остужев знакомится с массажисткой. Проект ограбления в разгаре. Он направляет от имени массажистки краткое послание — знак внимания директору. Гусар включается в игру и атакует одинокую даму. Клиентура у обладательницы ника MLADA солидная, и она толком и не помнит, с чего начался роман. Игривая переписка развивается. В нужный момент Остужев входит на сайт, меняет входные данные, лишив хозяйку удовольствия общения с этим и другими кавалерами, и продолжает переписку сам. Дама не очень-то волнуется по этому поводу, так как рядом имеется реальный герой реального романа — какая тут романтическая переписка?

Именно с этого момента в эпистолярном общении с юбочником-директором появляется не без таланта поданная пикантность, граничащая с неприличием. Преступник переусердствовал — сильно мудрил, умничал в переписке, сбивался на пошлые стишки. Здесь мне помог Глеб, дружащий со словом и понимающий, что есть стилизация, в том числе и стилизация бесталанная. Результат вмешательства в переписку очевиден: Гусар — на крючке.

Назначается свидание. Номер квартиры не называется, заявляется лишь этаж и её расположение. Так появляются отпечатки пальцев на двери госпожи Z. Это произошло в день, предшествующий ограблению. Директор расстроен, номера мобильного он по опрометчивости не взял. Связывается с дамой сердца через сайт знакомств и высказывает недовольство. В ответ — ох-ох, случайно перепутала этаж...

Вторая попытка упорного ловеласа имеет место в день ограбления. На этот раз и чёткий адрес, и номер мобильного имеются. Входя в подъезд, он звонит, и милый не без хрипотцы голос заверяет: всё нормально, вперёд. И каково же его возмущение, удивление и разочарование, когда он, хорошенько ощупав дверь, понимает: его никто не ждёт, с ним сыграли злую шутку. Он расстроен, хочется курить, но — бросил. Выходит, дымит электронной сигаретой. Позднее звонит ещё пару раз — тишина. Обидно, конечно, но он не знает худшего — его судьба уже предрешена.

Следующий преподнесённый нам тупичок — это мажордом.

В глазах молодых коллег загорелся вопрос.

Мажордомов было два, вздохнув, сообщил Иван.

Вопрос, горевший в глазах, вырос на порядок.

Представьте себе, коллеги, как в затрапезном детективе — два. Но не близнецы. Окружение Косолапов иногда видело его самого, иногда его

подгримированного переодетого брата. Но это полбеда. И хозяева Х, привыкшие ничего не замечать, кроме собственных персон, видели их поочередно.

Когда убитого Косолапова дактилоскопировали, я направил запрос. И представьте себе — он привлекался: был задержан по подозрению в изнасиловании. Обвинение не подтвердилось, подозреваемого отпустили, но пальчики, как понимаете, остались.

Сел другой — старший брат. Скорее всего — не виновный в том преступлении. Парень на тот момент был со странностями — не любила его мать-алкоголичка, не любила: умный, нелюдимый, болезненно гордый и припадочный. И показала в ходе следствия — любимый, младшенький, был при ней, и подругу упросила засвидетельствовать. А нелюбимого — понятно... Малолетка по такой статье... Дело-то надо закрывать, план — прежде всего! Ирина и Демьян смущённо опустили глаза.

И вот встречаются два брата. Один невиновный — отсидевший. Второй виновный, но как бы здесь ни при чём — то всё мамуля замутила. Один поумнел, озверел и заострил врождённый комплекс. Другой был серым, а стал вообще никаким. Где деньги, где посулы, угрозы... Вот так и родилась двойственность, которая устраивала обоих. Пингвин, правда, заподозрил неладное, вмешался. Пришлось убрать — ставки высокие. Вот вам и разгадка разночтений. Одни из окружения Косолапова говорят одно, другие другое. И все они правы, так как говорят о разных людях.

Тот, кого мы изначально называем Косолаповым, особо не страдал незанятостью, когда его подменял подгримированный брат. Он содержательно отдыхал в его квартире, в основном пьянствовал или отсыпался, эти два процесса периодически менялись. Так и родился образ умеренно пьющего мажордома.

Я полагаю, что криминальный настрой сформировался на зоне. А криминальный расчёт начал зарождаться, когда появился шанс на большой бросок, блиц-криг. Остужев, документы поддельные, с детства интересовался механикой, и не только ей. Знакомясь с историей сейфов, он не мог не обратить внимание на некоторые загадочные случаи, связанные с громкими ограблениями. Будучи человеком пытливого ума, он полагал, что все реальные загадки имеют такие же реальные разгадки. Он непременно должен был натолкнуться на материалы о некоем Генрихе Агте, скандально уволенном хозяином фирмы, после попытки молодого человека попросить руки его дочери. Случилось это в 1884 году. Молодой человек в расстроенных чувствах покинул Германию и исчез. Однако через годы всплыл в Америке и на бедного мастеровитого парня он уже не был похож — он стал сказочно богат.

Не буду впадать в излишний романтизм. Это не история экзальтированного юноши, для которого неудачный любовный роман стал движущим жизненным стимулом на всю оставшуюся жизнь. Во всяком случае, я полагаю, что сначала был технический проект, а уж затем неудачное сватовство. Парень не получил всего, что хотел, но ту часть жизненного пространства, что он себе наметил самостоятельно, не упустил.

Я предположил, что наш исторический герой оснастил замки, которые в дальнейшем были установлены на партию сейфов, милым дополнительным устройством, для ясности можем его назвать механическим «ПИН-кодом». Зная его, можно было открыть любой замок. Предположить — одно, знать — другое. Вот к этому знанию и был направлен наш кажущийся таким странным эксперимент. Здесь я вынужден опять слегка отклониться в сторону.

Мы все обратили внимание, что сейф Z был оставлен с хаотичным набором. Почему? Я предположил следующее. Затащить непутёвого братца к двери массажистки, думаю, не составило никакого труда — например, поручить отнести букет цветов, письмо, подарок...

В день ограбления Остужев входит в подъезд и идёт в квартиру массажистки. Временными рамками он ограничен: деньги в сейфе отложены, но это вовсе не означает, что они могут там лежать бесконечно. Массажистка была дома, и участь её была предрешена. Но она ещё была нужна: кто знает, как карта ляжет? Остужев под каким-то предлогом покидает даму сердца и спускается этажом ниже. Проникает в квартиру, элементарно открывает сейф, берёт деньги, и тут начинает надсадно звонить входной звонок. Это его выследила благоверная.

В первых двух случаях преступник набирал «Пин-код», открывал сейф, опустошал, смотрел на внутренней стороне двери хозяйский код, набирал его на лицевой стороне, что погрузит в уныние любого детектива, затем счастливый и довольный покидал место преступления. На этот раз планировалось поступить так же. Но — вот такой пассаж.

Итак — звонок действует на нервы. Преступник берёт деньги, прикрывает сейф и сбивает «ПИН-код» — это его главное достояние! — несколькими поспешными произвольными движениями. От надеется переждать. Но кто-то упорно названивает. Он тихонько подходит к дверному глазку и видит свою пассию, настроенную решительно и готовую громко сообщить ему, что его коварная измена раскрыта, и такой гнусный поступок её не устраивает.

Остужев открывает дверь и спокойно объясняет знойной женщине, что в означенной квартире он находится по неотложному делу, никакой измены с его стороны здесь нет, и что он ей сейчас всё объяснит. Для объяснения надо вернуться домой. А в кармане у него лежит отвёртка, которую случайно подержал в руке во время одной из бесед директор антикварного магазина Антон Маркович Зайд. Далее — известно.

Почему преступник не вернулся в квартиру, чтобы набрать на лицевой стороне сейфа уже известный хозяйский код, сказать трудно. Возможно, сдали нервы. Возможно, кто-то помешал. Следствие покажет. Не исключён вариант, что Остужев сознательно оставил набор, ибо в его глазах это выглядело интересным необычным ходом.

Я сказал о нескольких произвольных движениях. Поиск этих некоторых произвольных движения и явился целью нашего странного эксперимента. На модели сейфа каждому участнику эксперимента задавался один и тот же базовый набор. Задача испытуемого — быстро «сбить»

набор. Мы не могли привлечь сотни человек, что, безусловно, гарантировало бы большую точность результатов. Но и имеющегося количества участников хватило, чтобы сложить общую картину. Почти у всех участников отклонения от базового набора оказались незначительными: верхний ряд сбивали на два-четыре оборота вправо, нижний на такое же количество оборотов влево. У левшей — наоборот. Были исключения, но решающей роли они не сыграли.

Применив такую схему типовых действий предполагаемого взломщика, из набора, оставленного на сейфе Z, можно было сложить «ПИН-код». Ответ не был стопроцентным, он имел несколько предположительных вариантов. Но к тому моменту уже имелась историческая шпаргалка. Я попросил человека, много лет занимающегося историей механики, внимательно изучить интересующую нас локально—временной раздел. Не только изучить, но и выбрать все возможные четырехзначные сочетания букв и цифр: имена, фамилии, даты, слоганы, даже жаргонные выражения и шутки. Я соотнёс данные эксперимента с подготовленной шпаргалкой... и получил набор, который полностью вывел из равновесия господина... теперь уже гражданина Остужева-Косолапова. Видимо, он полагал, что он один владеет этой золотой тайной...

30

Зёрна

Смагин прекрасно понимал, что зёрна представляют и серьёзный научный интерес, и, возможно, космическую тайну, и вполне земную опасность. Казалось бы, с учётом этих обстоятельств в первую очередь надо было подумать о заказе и изготовлении специальных контейнеров для хранения и транспортировки камушков, взрывозащищенности, температурном режиме и прочем. Всё это было понятно. И можно было бы действовать по типовой процедуре, если бы знать, с чем имеешь дело. А если не знать? Плавиковая кислота растворяет стекло, но надёжно хранится в стальной ёмкости. Серная кислота разъедает металл, однако стеклянная бутылка для неё, как кувшин для джина. Ртуть нормально «ведёт себя» при невысокой температуре, но стоит её нагреть, и начинается процесс ядовитого испарения. Начальник УРР, не утруждая себя особо мучительными размышлениями, сложил зёрна в маленькую деревянную шкатулку, историю появления которой он уже не помнил.

Шкатулка с драгоценным содержимым хранилась в личном сейфе Смагина. Вот такое было принято временное, но вполне командирское решение. Всё это время Смагин к ним не прикасался, даже не заглядывал в сейф. Мысли его посещали всякие. Но пока лишь одно предположение он взял за основу: при определённом стечении обстоятельств они рожают удивительные картины. Этими обстоятельствами может стать воздействие токов высокой частоты. Возникающие видения — как кино, но иногда они имеют звуковое сопровождение. Последний момент его крайне смущал и даже тревожил. Почему тревожил, он даже сам себе не мог объяснить. Возможно, это было связано со стереотипами восприятия информации. Мираж — дело, вроде, понятное, для некоторых даже привычное. А вот

звуковой «мираж» — как тут быть? Звуковые галлюцинации — это одно, а вот реальные материальные звуки — это другое.

Семёну Давидовичу Кирлиану были созданы все необходимые рабочие условия. Планировалось подвергнуть зёрна воздействию в различных режимах, результаты исследования зафиксировать фотопластинами различной чувствительности. Естественно, была подготовлена и фототехника.

В подвальном помещении горел свет. Кирлиан возился возле своей установки, приветливо кивнул, когда в лабораторию вошли Смагин и Сеулин, и опять углубился в настройки. Смагин держал в руке деревянную шкатулку и ждал команды изобретателя. Семён Давидович обернулся и, не говоря ни слова, протянул руку.

Смагин открыл шкатулку — зёрна на месте. Он поймал себя на мысли, что, если бы картина оказалась иной, сильно не удивился. В нём поселилось странное полумистическое чувство: зёрна тревожили и даже пугали его. Когда он открыл сейф и достал шкатулку, какая-то неведомая сила сковала его сознание и движения — он так и не смог проверить её содержимое, что было и неправильным, и непонятным. Начальник УРР взял одно зерно и опять отметил — тёплое. Протянул его Кирлиану. Изобретатель взял зерно и стал пристраивать в аппарат. «Где почва, где почва... Где произрастали эти зёрна? Какой ветер, какая буря занесла их к нам?» — шептал он. Прodelал последние манипуляции и громко сказал:

— Этап первый. Работаем при свете! Экраны установлены! — негромко сказал он, ещё раз наклонился над аппаратом, окинул его взглядом и, глядя на Смагина спросил: — Можно начинать?

— Прошу вас, Семён Давидович, — сказал Смагин.

Семён Давидович Кирлиан поправил закреплённые на затылке светлой тесёмкой очки и включил прибор. Сеулин подошёл к закреплённому на треноге фотоаппарату.

Ничего не изменилось. Лишь обозначилось и затем заполнило всё помещение слабое гуденье. На мгновенье Смагину показалось, что в слабо освещённом углу подвала что-то шевельнулось. Он пригляделся — нет, показалось. Гуденье усилилось. Сеулин глянул под ноги: ему показалось, что пол вибрирует.

Позднее Смагин сформулировал своё первое ощущение и ввёл во все последующие описания образ «воздух загустел». Но в это мгновенье он не думал — стоял и смотрел. Из сгустков воздуха сформировалась за несколько секунд расплывчатая и поначалу непонятная объёмная картина. «Настроилась резкость», и, казалось бы, появилась возможность уделить внимание и возникшему объёмному изображению, и его деталям. Но только казалось... Чужой, не подлежащий описанию, в лучшем случае — подающий надежду на понимание мир предстал перед участниками эксперимента.

Смагин воспринимал видение интуитивно, не разумом. Это была жизнь, другая — но жизнь. Сложные фигуры, удивительные цвета... Что

это? Биологические образования? Машины, созданные иной технической эволюцией? На мгновение Смагин увидел экзотическое растение, оно медленно развернулось и превратилось в чёткую геометрическую фигуру, названия которой Смагин не знал, да и не мог знать.

Может, это обилие цветов и форм — кодовое послание, подумал Смагин. И тут же усомнился в своём предположении. Вряд ли! Вряд ли иной разум будет искать такие сложные пути — камушки, лаборатория, токи высокой частоты...

Геометрическая фигура расплылась, размазалась по воображаемой плоскости, по ней пробежали разноцветные волны, мгновение — и огромный цветной лоскут обернулся объёмным изображением огромного растения, похожего на фиолетовый цветок с толстой причудливо изогнутой ярко жёлтой ножкой. Над ним парил появившийся из пустоты цветной объект. Он имел чёткие очертания, но идентифицировать его было невозможно. Что это? Оторванный ветром лист, неземная птица, разумное существо? Привычные аналогии отчасти выручали, но лишь отчасти. Этот мир был слишком другой.

Смагин зафиксировал: на него пристально смотрел взволнованный Кирлиан. Начальник УРР растерялся: он понимал, что изобретатель ждёт команды на прекращение эксперимента, но не знал, как поступить. Решил — достаточно, резко и решительно кивнул. Кирлиан выключил прибор. Изображение наблюдалось ещё несколько секунд, затем стало терять очертания, смазалось и вконец исчезло. И только тогда Смагин обратил внимание, что потный от напряжения Сеулин меняет одну фотопластину за другой — снимает происходящее. Увиденное трудно было осмыслить.

Довольно флегматичный Сеулин заворожено смотрел на опустевший подвал. Он вытер пот со лба, заглянул в объектив фотоаппарата, удовлетворённо хмыкнул и выдавил из себя:

— Ассиметричное совершенство.

Кирлиан задумчиво протирал очки и не спешил с комментариями. Зависла тишина, но вскоре изобретатель её прервал:

— Посмотрим, что дадут экраны. Ну, а насчёт... — он долго подбирал слова, — ассиметрии — хорошо подмечено. Впечатляет. Хотел бы отметить — изображение объёмное. Это вам... нам — не дважды два.

— Учёных надо привлекать... — вставил философское замечание Сеулин.

— Безусловно! — сказал Кирлин, вздохнул, глянул на свой аппарат, протянул руку, взял зерно, осмотрел и продолжил: — Сумма знаний не всегда есть понимание. Это другое качество. И это — не опыты Наркевича-Иодко. Мы имеем его величество случай. А впереди долгий и упорный труд... Очень интересно, поразительно...

«Сумма знания не есть понимание...» — повторил про себя Смагин и задался вопросом: — А что бы сказал этот пытливый увлечённый человек,

если ему сообщить, что, возможно, этот камешек связан с тунгусским метеоритом, с космосом...»

По-видимому, талантливому молодому человеку с задатками большого учёного хватило и увиденного. Почему-то извиняющимся тоном он в продолжение только что высказанной мысли добавил: «А Космос не есть большая Земля. Зёрнышки эти, скорее всего, не первые и не последние. Что они несут, не известно, что они могут принести — тем более...»

Смагин никак не отреагировал, он лишь подумал: «Эти зёрна произрасти могут... Могут! И тогда? Посеешь зёрна, пожнёшь?.. Что? Что?»

... Семён Давидович Кирлиан понимал: вряд ли его допустят к дальнейшим глубоким исследованиям, ибо было ясно, что он стал невольным свидетелем и участником удивительного, возможно, чрезвычайного открытия. Ему не объяснили, откуда взялись эти зёрна, но тот факт, что они содержали в себе информацию, имеющую отношение к иным мирам, был для него бесспорен. И он бы не отказался от этого смелого предположения, какую бы разъяснительную версию ему не предложили.

Талантливый изобретатель и исследователь был поражён картинами, разбуженными токами высокой частоты. И он думал о том, что аналогичные процессы, где объектом может служить живая материя — от растения до человеческого тела — могут привести к революционным открытиям.

В этом Семён Давидович Кирлиан убедится через десятилетие, когда в домашней лаборатории вместе с супругой Валентиной создавал и усовершенствовал прибор, позволяющий производить исследования свечения объектов в электромагнитном поле. В качестве источника высоковольтного высокочастотного напряжения был применён доработанный талантливymi учёными резонанс-трансформатор Тёсла, работающий в импульсном режиме. Создавая новое направление в науке, технике, медицине, смелые экспериментаторы взяли на вооружение и элементы конструкции аппарата, применённого для «пробуждения» зёрен, попавших в распоряжение Управления режимных исследований в результате головокружительных кульбитов судьбы нескольких человек, которых эта история повязала невидимой нитью.

И лишь через 25 лет после получения этих ярких и неоспоримых результатов супруги Кирлиан смогли полноценно рассказать о своих достижениях, которые смело можно назвать открытием века, пробившимся сквозь тьму непонимания и серость зависти.

Минует двадцать лет после удивительного знакомства с тайнами зёрен—посланцев, и талантливый учёный и писатель Иван Ефремов публикует научно-фантастический рассказ «Тень минувшего», где опишет, как пласт окаменевшей смолы под воздействием света открыл геологам объёмные картины прошлого. Один из основоположников оптической голографии — именно с этим явлением столкнулись сотрудники УРР — советский физик Ю. Н. Денисюк неоднократно упоминал, что именно этот рассказ вдохновил его на научный поиск.

Смагин осознавал: затеяв эксперимент, он поступил не совсем разумно. Проще было отдать зёрна наверх, а там уж пусть думают, привлекают учёных, избирают режим секретности... Он и сам не мог объяснить, почему он так поступил — своего рода солнечный удар? Может быть. Во всяком случае, право проведения технической экспертизы у него никто не отнимал. А чем это мероприятие, организованное им на свой страх и риск, не техническая экспертиза?

Он понимал, что через несколько часов передаст все материалы по инстанции и один против ста — больше никогда не узнает ни развития, ни окончания этой истории. Он сомневался: можно ли изобретателя привлекать к обработке пластин? Решил — можно! Какие бы удивительные и сложные процессы там не отобразились, вряд ли он смогут соперничать и по содержанию, и по произведённому впечатлению с только что увиденным.

Зёрна перекачивали в архив, но это уже был архив не Смагина.

31

Четвёртый элемент

Не скрою: в предложенном вниманию читателя рассказе некоторые не только второстепенные, но и значительные моменты опущены. Я не ставил перед собой задачу превратить довольно-таки рядовое, с точки зрения Ивана, расследование в эпический случай. Даже у меня самого возникли со временем вопросы, на которые я, желая полностью изобразить картину преступления и расследования, хотел получить ответы. Я составил их перечень и несколько раз пытался раскрутить Ивана на разговор. Иван отнекивался, ссылаясь на занятость, менял тему, в общем, уходил от ответов.

И всё же однажды, через пару месяцев после всей этой истории, мне удалось его разговорить. Моё любимое кресло, предложенная чашечка кофе — всё как в добрые старые времена.

— Технология преступления в основном понятна, — начал я. — Мне не понятны многочисленные несуразности, сложности, о которых рассказывал ты собственной персоной, на них обращал внимание Демьян... Как-то всё вычурно и кривобоко что ли...

— С Демьяном и Ириной мы это уже давно обсудили. Они удовлетворены моими разъяснениями. Почти удовлетворены.

— Почему почти? — уточнил я.

— По очень даже тривиальной причине. Я не мог им рассказать всё. Не мог. Что именно тебя интересует?

— Зачем понадобились убийства и мудрёные подставы?

— Мажордом Косолапов был обречён по той простой причине, что слишком много знал. Он не мог ни при каких обстоятельствах остаться в

живых. Так было задумано изначально. Ненависть по отношению к матери, брату — страшна и по содержанию, и по последствиям. Просто его убрать братец не мог — надо было поиграться. Думаю, пребывая на зоне, невинно севший психопат проигрывал много разных ситуаций, а фантазией он не обделён... Удивительно. Что он ограничился довольно простыми каверзами — постановочными посещениями подъезда, отпечатками пальцев...

— Ну, а с директором — тоже игра?

— Думаю, что да. Но здесь его уже понесло. Я рассказывал тебе о предположении Демьяна. Оно заключалось в том, что странное поведение преступника, возможно, было вызвано наличием некой персоны, которой он хотел показать своё превосходство, могущество и даже подпортить служебную карьеру. Этой персоной оказался наш уважаемый генерал. Это он по молодости отправил в места весьма и весьма отдалённые невинного Остужева-Косолапова.

Он постоянно крутился возле мест преступления. Понял, что генерал курирует и несёт ответственность по делу о пропавшем ожерелье. И к жажде наживы добавилась безумная и жестокая игра. Теоретически он мог ограбить три сейфа и исчезнуть с драгоценностями и деньгами. Это у него вполне могло получиться. Но он выбрал другой — ухабистый, рискованный и кровавый путь. Неуравновешенная психика, чувство мести и склонность к мании величия — полный букет. Только этим я могу объяснить странности его поведения.

Иван закурил, отхлебнул кофе. Резко потушил сигарету, встал, взял с полки и швырнул в мишень пару самодельных дротиков. Десятка! Он удовлетворённо хмыкнул и продолжил:

— На озере он предстал в образе бродяжки и пьяницы Стёпы. Он же встретил Демьяна у входа в магазин. Он же чуть не разбил фотоаппарат Ирине, когда она изучала окружение мажордома. И ему же она вручила, как и другим опрашиваемым, визитку со своим номером телефона. В магазине же был оставлен только номер телефона дежурного. Его же лицезрел Демьян в подъезде, когда шёл с визитом к вдове Зайда.

— И они ничего не заподозрили?

— А что они могли заподозрить? Мажордом Косолапов нам всем не друг, не сват, не брат. Демьян его видел убитым, на свалке, после пребывания на жаре. Я и Ирина — только на фотографиях. Если б не Машка, никто бы не поставил под сомнение его персону при анализе подъездной съёмки. Частый грим, правда, ему кожу лица слегка подпортил... Но это уже детали. Понимаешь, дружище, какая штука... Я думаю, он догадывался, что попал на крючок.

— Догадывался? И при таких талантах не сбежал, не выкинул какой-нибудь сложный кульбит? — спросил я.

— Ты рассуждаешь схематично — с точки зрения здорового человека. Но психически здоровый, не лишённый таланта человек не будет грабить и убивать. Дегенеративный тип, сам понимаешь — на миру и

смерть красна. Ведь он должен был понять, что заниматься им будут не дети малые? Он должен был понять, что не спроста его приглашают в какой-то непонятный фонд, а не в райотдел полиции? Он должен был понимать, что генерал уже не молодой лейтенант? Не думал он, что его не только вычислят, но и по полочкам разложат. Код просто выбил у него почву из под ног — взяли и забрали любимую игрушку.

— Ну, а генерал... сожалеет о прошлом.

— Сожалеет, думаю, я не спрашивал, — ответил Иван.

— Результатом доволен?

— Думаю, доволен. Я не спрашивал.

— А что он сам без вопросов не мог высказаться?

— Мог и высказался. Очень коротко. Он сказал, что во всей этой мутной истории с жуликами, барыгами и маньяками его интересовал более всего Четвёртый элемент, вернее его содержимое?

— Ты о чём? — я был обескуражен.

— Три элемента — три ограбленных сейфа. А Четвёртый элемент — четвёртый сейф, к содержимому которого генерал и его служба смогли легко и незаметно подобраться. Но это уже другая история.

Я решил, что другая история вряд ли мне будет изложена, хотя бы по той простой причине, что Иван сам о ней ничего не знает. И потому решил сменить тему. Иван это сделал сам.

— Я спешу. Хочешь со мной?

— Что ты такое ещё удумал? Может, на сегодня хватит? Отложи — посидим—помечтаем.

— Не могу, — сказал Иван и, как мне показалось, тяжело вздохнул.

Он встал. Подошёл к окну и долго смотрел вдаль. К своему удивлению я услышал, что он что-то напевает. До меня донеслось: «За рекой Ляохэ...»

...Мы зашли в кабинет, покинутый Иваном — его функция была исчерпана. Там нас ожидали Ирина и Демьян. По пути Иван мне ничего не объяснил, и я был удивлён, когда мой друг поздравил своих бывших коллег с предстоящей свадьбой.

Ирина опустила глаза, и что у неё творилось в душе, прочесть было невозможно. Демьян выглядел не совсем уверенным в себе победителем.